

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**УСПЕШНОЕ СТАРЕНИЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
И СОЦИОГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЕ
КОНЦЕПЦИИ**

Сборник научных трудов

**МОСКВА
2020**

ББК 60.5

У 77

Серия
«Теория и история социологии»

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел социологии и социальной психологии

У 77

Успешное старение: Социологические и социогеронтологические концепции: сб. научн. тр. / отв. ред. Евсеева Я.В., Ядова М.А. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – Москва, 2020. – 230 с. – (Сер.: Теория и история социологии).

ISBN 978-5-248-00951-0

Рассматриваются содержание и развитие социологических и социогеронтологических концепций успешного старения в западных странах во второй половине XX – начале XXI в. Особое внимание уделено современным представлениям о старении.

Для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Successful aging: Concepts in sociology and social gerontology: collection of scientific papers / ed. by Evseeva Ya.V., Yadova M.A. / INION RAN – Moscow, 2020. – 230 p.

The content and development of concepts of successful ageing in sociology and social gerontology in Western countries in the second half of the 20th – the early 21st century are considered. Particular attention is paid to contemporary views on ageing.

For researchers, lecturers, post- and undergraduate students.

ББК 60.5

DOI: 10.31249/ustar/2020.00.00

ISBN 978-5-248-00951-0

© ИНИОН РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Евсеева Я.В., Ядова М.А. Успешное старение сквозь призму социальной геронтологии и социологии старения: Предисловие	9
--	---

ТЕОРИЯ УСПЕШНОГО СТАРЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ГЕРОНТОЛОГИИ

Евсеева Я.В. Успешное старение: История и современность.....	15
Палмор Э.Б. Автогеронтология: Из личного опыта старения. (Реферат)	29
Маккарти В.Л., Боквег А. Роль трансценденции в холистском представлении об успешном старении. (Реферат)	34
Рэндалл У. Старение, ирония и мудрость. (Реферат)	41

СОЦИОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ. ВОПРОСЫ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Хофф А., Перек-Бялас Й. К социологии старения в Центральной и Восточной Европе. (Реферат)	50
Луи М., Фландорфер П., ди Джулио П. Старение в пожилом обществе. (Реферат)	57
Бёртон-Жангро К., Циммерманн-Слущикс Д. Траектории удовлетворенности жизнью среди пожилых швейцарских женщин: Анализ с точки зрения возраста, периода и когорты. (Реферат)	63

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Будини К. «Активное старение»: От пустой риторики к эффективному инструменту социальной политики. (Реферат)	68
Бюффель Т., Ремияр-Буалар С., Филлипсон К. Города с благоприятными условиями для пожилых людей: Программа, посвященная старению в городской среде. (Реферат)	76
Евсеева Я.В. Пожилые люди в кругу сверстников. (Обзор)	86
Влияние окружающей среды на здоровое и активное старение: Систематический обзор / Аннир М., Килинг С., Уилкинсон Т., Кушман Г., Джидлоу Б., Хопкинс Х. (Реферат)	103
Евсеева Я.В. «Серебряная» экономика в Центральной и Восточной Европе. (Обзор материалов конференции в г. Лодзь, Польша, 21–23 июня 2018 г.)	114
Фризон Г., Куйо М.-Ф. Успешное старение и иммигранты в департаменте Сена-Сен-Дени: По следам опроса. (Реферат)	121

ОБРАЗОВАНИЕ И ТРУД В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Евсеева Я.В. Современные тенденции в образовании пожилых людей: Образование взрослых как фактор активного старения. (Обзор журнала <i>Erwachsenenbildung</i> , 2011, № 13).	128
Формоза М. Четыре десятилетия университетов третьего возраста: Прошлое, настоящее, будущее. (Реферат)	148
Международные перспективы в сфере образования пожилых людей / под ред. Б. Финдсена, М. Формозы. (Реферат)	158
Работа, здоровье и коммодификация времени жизни: Переосмысление баланса между жизнью и работой и перспектива долгой жизни / Биггз С., Макгэнн М., Боумэн Д., Кимберли Х. (Реферат)	182
Лотерингтон А.Т., Обстфеллер Э., Хэлфорд С. «Старухам тут не место»: Критическое исследование возраста на закате трудовой жизни. (Реферат)	190

ОБРАЗ ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

«Социальная сторона важна так же, как и физическая»: Опыт физической активности пожилых мужчин / Симс-Гулд Дж., Ан Р., Ли Н., Оттони К.Э., Макки Д.С., Маккей Х.Э. (Реферат)	196
Априль К. Повседневность парижских танцевальных залов: Досуг пожилых людей. (Реферат)	201
Бильдтгард Т., Эберг П. Время как структурирующий фактор в новых интимных отношениях в пожилом возрасте. (Реферат)	205
Тимонен В., Дойл М. Одиночество в течение всей жизни: Пересечения прошлого и настоящего. (Реферат)	211

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТАРЕНИЯ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Иленне В. Репрезентации старения в СМИ. (Реферат)	217
Ядова М.А. Российская молодежь о старости и пожилых людях: Диапазон мнений и оценок. (Обзор)	222
Сведения об авторах	229

CONTENTS

Evseeva Ya.V., Yadova M.A. Successful ageing through the prism of social gerontology and the sociology of ageing: Introduction.....	9
---	---

THEORY OF SUCCESSFUL AGEING IN SOCIAL GERONTOLOGY

Evseeva Ya.V. Successful ageing: History and the contemporary state	15
Palmore E.B. Auto-gerontology: A personal Odyssey. (Article summary).....	29
McCarthy V., Bockweg A. The role of transcendence in a holistic view of successful aging. (Article summary).....	34
Randall W. Aging, irony and wisdom. (Article summary).....	41

SOCIOLOGY OF AGEING. ISSUES OF POPULATION AGEING

Hoff A., Perek-Białas J. Towards a sociology of ageing in Central and Eastern Europe. (Article summary).....	50
Luy M., Flandorfer P., di Giulio P. Ageing in an aged society. (Article summary).....	57
Burton-Jeangros C., Zimmermann-Sloutskis D. Life satisfaction trajectories of elderly women living in Switzerland: An age – period – cohort analysis. (Article summary)	63

SOCIAL POLICY TOWARDS OLDER PEOPLE

Boudiny K. «Active ageing»: From empty rhetoric to effective policy tool. (Article summary).....	68
Buffel T., Rémillard-Boilard S., Phillipson Ch. Creating age-friendly cities: An agenda in favour of urban ageing. (Article summary).....	76
Evseeva Ya.V. Older people surrounded by peers. (Review)	86
Environmental influences on healthy and active ageing: A systematic review / Annear M., Keeling S., Wilkinson T., Cushman G., Gidlow B., Hopkins H. (Article summary).....	103
Evseeva Ya.V. «Silver» economy in Central and Eastern Europe. (Review of the materials of the conference in Łódź, Poland, 21–23 June 2018).....	114
Frisone G., Couilliot M.-F. Successful ageing and immigrants in Seine-Saint-Denis survey: A line of inquiry. (Article summary)	121

EDUCATION AND WORK IN LATER MATURITY

Evseeva Ya.V. Contemporary trends in older adult education: Adult education as a factor of active ageing. (Review of the journal «Erwachsenenbildung», 2011, N 13).....	128
Formosa M. Four decades of universities of the third age: Past, present and future. (Article summary).....	148
International perspectives on older adult education / ed. by B. Findsen, M. Formosa. (Book summary).....	158
Work, health and the commodification of life's time: Reframing work – life balance and the promise of a long life / Biggs S., McGann M., Bowman D., Kimberley H. (Article summary).....	182
Lotherington A.Th., Obstfelder A., Halford S. No place for old women: A critical inquiry into age in later working life. (Article summary)	190

OLDER PEOPLE’S LIFESTYLES

«The social side is as important as the physical side»: Older men’s experiences of physical activity / Sims-Gould J., Ahn R., Li N., Ottoni C.A., Mackey D.C., McKay H.A. (Article summary)	196
Apprill Ch. Parisian dance halls: Entertainment for the elderly. (Article summary)	201
Bildtgård T., Öberg P. Time as a structuring condition behind new intimate relationships in later life. (Article summary)	205
Timonen V., Doyle M. Life-long singlehood: Intersections of the past and the present. (Article summary)	211

REPRESENTATIONS OF AGEING AND OLDER PEOPLE

Ylännä V. Representations of ageing in the media. (Article summary)	217
Yadova M.A. Russian youth on old age and older people: Spectre of opinions and assessments. (Review)	222
About the authors	229

Евсеева Я.В., Ядова М.А.

**УСПЕШНОЕ СТАРЕНИЕ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ ГЕРОНТОЛОГИИ
И СОЦИОЛОГИИ СТАРЕНИЯ:
Предисловие**

Evseeva Ya.V., Yadova M.A.

**SUCCESSFUL AGEING THROUGH
THE PRISM OF SOCIAL GERONTOLOGY
AND THE SOCIOLOGY OF AGEING:
Introduction**

Ключевые слова: успешное старение; геронтология; социальная геронтология; социология старения; старение населения; пожилой возраст; пожилые люди; социальная политика; социальные представления; образ жизни.

Keywords: *successful ageing; gerontology; social gerontology; sociology of ageing; population ageing; later maturity; older people; social policy; social representations; lifestyle.*

Старение населения практически по всему миру – одна из самых выраженных тенденций современности. Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит статьи, обзоры и рефераты, в которых освещаются разнообразные социальные аспекты данного явления, прежде всего в странах глобального Севера, где этот тренд на данный момент наиболее очевиден. Основным фокусом нашего внимания стала так называемая теория успешного старения – широко известная как среди специалистов, так и среди

общественности теоретико-практическая перспектива, популярный способ осмысления и оптимизации процессов старения.

Социальные аспекты старения в настоящее время изучают главным образом социология старения и социальная геронтология. В первом случае ключевым словом является социология, во втором – геронтология. Социология старения как отрасль социологии помещает в центр своего внимания такие вопросы, как структура пожилого населения, межпоколенческое взаимодействие, социальные роли и статус пожилых людей, их жизненные стили и пр. Среди теорий, на которые опираются социологи, изучающие старение, – структурный функционализм, теория социального конфликта и теория модернизации, символический интеракционизм, социальный конструктивизм и др. Социальная же геронтология представляет собой меж- и мультидисциплинарное знание о старении. Она находится во взаимосвязи с биологией старения и клинической геронтологией, а также с другими геронтологическими отраслями, например психогеронтологией. В то же время критическая геронтология осуществляет социальную критику теорий и феноменов старения, а такие отрасли, как культурная геронтология, литературная геронтология и др., рассматривают старение с позиции гуманитарных дисциплин. При этом социология старения и социальная геронтология оказывают друг на друга взаимное влияние. Социология старения адаптирует социogerонтологические теории, которые, со своей стороны, имеют в том числе и социологическое происхождение. Теория успешного старения обсуждается и находит применение в рамках как социальной геронтологии, так и социологии старения.

Теория успешного старения, под которым понимается удовлетворенность жизнью, продолжающаяся в старшем возрасте, была сформулирована в американской социальной геронтологии в начале 1960-х годов. С тех пор она вдохновляла ученых и специалистов в области социальной политики на различные проекты и программы, связывалась разными авторами с другими сценариями «хорошего» старения (старением активным, позитивным, оптимальным и пр.), подвергалась критике. Подробно история и современное состояние этой теории сквозь призму развития социальной геронтологии рассматриваются в открывающей сборник статье Я.В. Евсеевой. Также данный раздел составили рефераты статей, в

которых дается теоретический анализ различных сторон феномена успешного старения и других вариаций «хорошего» старения. Например, социолог и геронтолог Э. Палмор сквозь призму теорий, описывающих наилучший сценарий старения (включая успешное старение), характеризует собственную жизнь в старшем возрасте. Статьи У. Рэндалла и В.Л. Маккарти и А. Боквег демонстрируют многогранный характер геронтологии как области знаний, а также широту понимания и применения идей успешного старения. Концепции успешного и позитивного старения здесь сопрягаются с геронтопсихологией, философией старения и нарративной геронтологией и рассматриваются в связи с такими вопросами, как личностное развитие и трансценденция, духовный рост и творчество, ирония и мудрость.

Теоретические аспекты социологии старения на примере стран Центральной и Восточной Европы изложены в статье А. Хоффа и Й. Перек-Бялаш. Данный раздел также представляет результаты лонгитюдного исследования удовлетворенности жизнью нескольких когорт пожилых швейцарок и кросс-культурного исследования отношения европейцев (2 тыс. человек 20–65 лет из 13 стран Западной и Восточной Европы) к старению населения и его последствиям (увеличение количества пожилых людей и их роль в обществе, проблемы пенсионной системы и пр.). Работа М. Луи и его коллег изучает феномен монастыря, который вследствие оттока послушников молодого и среднего возраста являет собой модель сверхстарого общества, но при этом – благодаря взаимной поддержке ее членов и длительной посильной занятости – успешно функционирует.

Практическую реализацию идей успешного и активного старения освещают материалы, посвященные социальной политике в отношении пожилых. Среди направлений этой политики, осуществляемой государственными структурами и негосударственными международными организациями, в частности ВОЗ, – создание благоприятных условий для проживания людей старшего возраста, развитие рынка товаров и услуг для пожилого населения, оптимизация помощи пожилым мигрантам. Данные материалы демонстрируют возможности и трудности, с которыми сопряжено воплощение проектов успешного старения на практике.

Тему социальной политики продолжают обзоры и рефераты статей, исследующих образовательные и трудовые практики пожилых людей. В частности, анализируется потенциал образования как фактора активного старения на примере Австрии и Германии – стран, известных своими традициями в области андрагогики и геррагогики, а кроме того, представлена широкая международная панорама программ и проектов в области образования пожилых. В монографии под редакцией Б. Финдсена и М. Формозы показано, что в развитых странах Запада и восточной Азии сформировались образовательные системы, служащие важной составляющей жизни пожилых людей в этих регионах; авторы полагают, что дальнейшее старение населения и сопряженные с этим социальные изменения послужат появлению образовательных инициатив в тех странах, которые ими пока не охвачены. Отдельно освещается сорокалетняя история одного из самых известных и востребованных проектов в сфере образования пожилых – так называемых университетов третьего возраста. А.Т. Лотерингтон и ее коллеги критикуют современный дискурс активного старения как ориентирующийся на эталон молодого работника, в то время как в будущем, согласно им, понадобится более универсальный взгляд, с тем чтобы работники любого возраста и физических возможностей могли найти свое место на рынке труда. С. Биггз и его коллеги также смотрят в будущее сферы труда, которой предстоит существенно измениться в свете неуклонного увеличения продолжительности жизни.

В настоящий сборник, кроме того, включены работы, демонстрирующие спектр жизненных стилей и повседневных практик пожилых людей. Среди освещаемых тем – двигательная активность как элемент здорового старения канадских мужчин; танцевальный досуг пожилых французов; амбивалентность новых романтических и интимных отношений в пожилом возрасте, одновременно желанных, но и отнимающих время жизни (на материале Швеции). Работа В. Тимонен и М. Дойл показывает, что если вынужденное отсутствие спутника в пожилом возрасте вызывает страдания, то одиночество в течение всей жизни для предпочитающих именно такой жизненный стиль может стать успешным сценарием старения.

Наконец, несколько работ (обзор М.А. Ядовой, реферат статьи В. Иленне) посвящены социальным представлениям и массовым стереотипам о старости и пожилых людях в России и западных странах. Стоит отметить ключевую роль любых социальных представлений в жизни общества, поскольку это не только способ осмысления повседневной реальности, но и важный интегративный механизм поддержания социального порядка. Социальные представления отличаются от стереотипов личностной детерминированностью, большим разнообразием и глубиной знаний о предмете.

Специалисты подчеркивают, что, говоря о российских реалиях, термин «успешное старение» правильнее было бы заменить понятием активного долголетия, которое представляется отечественным чиновникам идеалом жизни в преклонном возрасте. Так, европейский Индекс активного старения (Active ageing index) в документах российского правительства и поддерживаемых им НКО именуется «индексом активного долголетия».

Согласно данным отечественных социологических исследований последних десятилетий, отношение к старости россиян, прежде всего молодых, достаточно амбивалентно (впрочем, негативные оценки все же преобладают): с одной стороны, пожилой возраст ассоциируется у них с мудростью и богатым жизненным опытом, а с другой – с болезнями, одиночеством, материальными трудностями и необходимостью выживать. Примечательно, что, несмотря на сложившийся в нашем обществе негативный образ старости, новые поколения россиян достаточно оптимистично оценивают собственную старость в будущем, считая это временем новых возможностей.

Характерные для современного российского социума процессы атомизации и поляризации нередко порождают межпоколенческие конфликты. Как показывают результаты молодежных опросов, принадлежность к старшему поколению отнюдь не гарантирует «почет и уважение» со стороны тех, кто моложе: доброго отношения «заслуживают», как правило, собственные бабушки и дедушки респондентов, в отличие от чьих-то «чужих» пожилых родственников. Подобные десолидаризирующие тенденции вкупе с острыми социальными проблемами пока не позволяют говорить

о полноценно сформировавшемся тренде успешного старения в нашей стране.

Что касается обыденных представлений о старости в странах Запада, здесь дискурс успешного / активного старения находит отражение, например, в печатных и телевизионных СМИ. Так, анализ репрезентаций пожилых людей в британских рекламных медиа показал ограниченность подобных представлений. Пожилые люди все еще недостаточно широко представлены в рекламе в сравнении с их реальной долей в составе населения (прежде всего развитых стран), и им по-прежнему отводится одна из традиционных для их возраста социальных ролей (как то: потребитель лекарственных препаратов или страховых услуг, счастливый «прародитель» и т.п.). Таким образом, существующие в западных СМИ репрезентации пожилых людей, несмотря на их общую позитивную направленность, довольно консервативны и не в полной мере отражают современные тенденции развития геронтологической науки и уже реализованные практики успешного / активного старения в мире.

Надеемся, данный сборник будет полезен всем интересующимся вопросами социальной геронтологии и социологии старения.

ТЕОРИЯ УСПЕШНОГО СТАРЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ГЕРОНТОЛОГИИ

DOI: 10.31249/ustar/2020.00.02

Евсеева Я.В.

УСПЕШНОЕ СТАРЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Evseeva Ya.V.

SUCCESSFUL AGEING: HISTORY AND THE CONTEMPORARY STATE

***Аннотация.** Сформулированная в начале 1960-х годов, теория успешного старения является ведущей теорией социальной геронтологии. На протяжении десятилетий она развивалась и расширялась, включая в себя все новые теоретические основания и охватывая все большее число людей, чей образ жизни может быть описан с помощью данного термина. В настоящее время успешное старение может рассматриваться геронтологами и социологами как: а) удобная привычная методология; б) номинальное наименование позитивного взгляда на пожилой возраст и пожилых людей; в) воплощение неолиберальных ценностей. Неудовлетворенность теорией успешного старения в последние годы привела к появлению в социальных науках новых теорий старения.*

***Ключевые слова:** успешное старение; активное старение; теория успешного старения; социальная геронтология; социология старения; критическая геронтология.*

***Abstract.** Formulated in the early 1960s, the theory of successful ageing has been the leading theory in social gerontology. Over the decades, it has developed and expanded, embracing new theoretical foundations as well as increasing numbers of people whose lifestyle can be described using the term in question. Currently, successful ageing is regarded by gerontologists and sociologists as: a) a convenient habitual methodology; b) a nominal name for a positive view of old age and older people; c) an embodiment of neoliberalism.*

eral values. Dissatisfaction with the theory of successful ageing has recently led to the emergence in social sciences of new theories of ageing.

Keywords: *successful ageing; active ageing; theory of successful ageing; social gerontology; sociology of ageing; critical gerontology.*

Идеи о том, как «лучше» стареть и как жить в старости, существуют многие столетия. В античности философия определяла повседневные взгляды на старость и старение; из философских представлений исходили Гиппократ, Гален и другие врачи в своих рекомендациях для стареющих пациентов. Здоровье связывалось с оптимальным балансом элементов; основой жизни виделись вода и огонь – соответственно, организм нуждается в тепле и влажности. Как считалось, с возрастом человек становится холоднее и иссыхает, тем самым увядает и умирает. Для продления жизни предписывалось употреблять в пищу так называемые теплые продукты (крупы, большинство специй, многие виды мяса и морепродуктов) и не расходовать силы без надобности (избегая, однако, и полного отдыха). Идеалом старца выступал мудрец, предающийся размышлениям и аккумулирующий мудрость, хотя подобный идеал был доступен скорее для меньшинства. В христианском Средневековье тело подчинялось душе, и смысл жизни заключался в ее конце; главной добродетелью старого человека было благочестие, которое должно было помочь душе одержать верх над физической немощью. Медицина по-прежнему основывалась на трудах Галена; в то же время развитие получила алхимия как мистический способ достижения бессмертия. Гуманисты эпохи Возрождения начали проявлять интерес к как таковому физическому телу, его изучению и изображению; они мечтали о долгой жизни, полной жизненной и творческой энергии. В XV в. Г. Зерби опубликовал «Gerontocomia», первый трактат по уходу за престарелыми [Zerbi, 1988 (1489)]. Просвещение стало последней эпохой, когда люди полагали, что долголетие – это личное дело человека и что его можно достичь с помощью определенного жизненного стиля, в частности умеренности и диеты. В XIX в. с развитием профессиональной науки продление жизни стало задачей в первую очередь медицинской отрасли. В XX в. из медицинской физиологии и биологии старения родилась геронтология – особая научная отрасль, изучающая старение.

В определенном смысле первая современная теория успешного старения принадлежит русскому и французскому биологу И.И. Мечникову, одному из создателей геронтологической науки и автору самого термина «геронтология». В «Этюдах о природе че-

ловека» он пишет о так называемой естественной смерти, являющейся итогом ортобиоза – полного жизненного цикла человека [Metchnikoff, 1903]. По Мечникову, большинство людей умирают скоропостижно, не пройдя нормальный цикл, одной из ведущих причин чего служит неправильное питание и, соответственно, самоотравление организма; благотворное влияние на пищеварение и в конечном итоге продолжительность жизни должно оказывать употребление кисломолочных продуктов. Мечников полагал, что очень старые люди на исходе ортобиоза способны пережить «естественную смерть», поскольку они ощущают, что достаточно прожили и готовы умереть; якобы они чувствуют удовлетворение и не демонстрируют явного страха смерти. Во второй половине XX в. естественные науки развивались в направлении дальнейшей специализации знаний; биология старения все глубже погружалась в микромир. Одна из теорий, выходящая за рамки как такового изучения клеточных процессов и ориентированная на оптимизацию процесса старения, была разработана украинским советским геронтологом В.В. Фролькисом. Основополагающим понятием его адапционно-регуляторной теории является витаукт (лат. «продление жизни») – явление, противоположное физическому старению. Еще в 1920-х годах советская геронтология подчеркивала значение компенсационных средств, используемых человеческим организмом. Согласно Фролькису, витаукт характеризует адапционные и репаративные возможности организма, среди которых репарация ДНК, активизация обмена веществ, детоксикация, антигипоксическая система [Фролькис, 1988]. Таким образом, продолжительность жизни индивида является результирующим вектором старения и омоложения, причем последнему способствуют такие факторы, как физическая активность, низкокалорийная диета, прием геропротекторов (в частности, продуктов и препаратов, содержащих антиоксиданты).

По идеологическим соображениям советские геронтологи никогда не обходили вниманием социальные аспекты старения. Вероятно, в силу этого в СССР не было необходимости в особой отрасли вроде социальной геронтологии. В то же время в западных странах в середине XX в. было признано, что изучение социальных аспектов старения остается в тени стремительно развивающихся биологии и медицины старения. В 1943 г., с целью развития теоретических и эмпирических исследований, Американский совет по исследованиям в области социальных наук (American social science research council) основал Комитет по социальной адаптации

в старости (Committee on social adjustment in old age). Под эгидой Комитета были опубликованы два основополагающих текста, посвященных, соответственно, социальной и индивидуальной адаптации в старости [см.: Pollak, Heathers, 1948; Personal adjustment in old age, 1949]. Эта новая социально ориентированная область исследований получила название «социальная геронтология». Методологической основой ранних социogerонтологических теорий служил функционализм – ведущее течение в американской социологии в 1940–1960-х годах. В рамках функционализма все составляющие общества выступают в качестве функций, каждая из которых должна действовать максимально эффективно и поддерживать, таким образом, всю систему. Тем самым функционалистские теории предписывали людям определенное поведение, которое бы способствовало сохранению баланса социальных ролей и связей. Первая социogerонтологическая теория была сформулирована Р. Каван, Р. Хэвигхёрстом и др. и получила название теории (социальной) активности (activity theory); согласно ей, ключом к «хорошему» старению является поддержание индивидом достаточного уровня социальной активности [Personal adjustment in old age, 1949]. Выходя на пенсию, человек должен позаботиться о том, чтобы заменить связи, которые он при этом теряет, новыми, для чего можно, например, устроиться на работу на неполный рабочий день, посвятить себя хобби, волонтерству или воспитанию внуков. Данная теория соответствовала тенденциям послевоенного времени: развивалась пенсионная система, расширялся рынок услуг для пожилых, возникли первые поселки для пенсионеров, клубы и сообщества пожилых людей; развивалась и институционализировалась геронтология. Впоследствии теорию активности критиковали за то, что она вменяет пожилым людям идею обязательной, «суебливой» занятости. С. Катц видит в этом стратегию нормализации, реализуемую официальным и медицинским дискурсом; кроме того, таким образом, согласно ему, оправдывает собственное существование социальная работа с пожилыми людьми [Katz, 1996; Katz, 2000].

Вторая социogerонтологическая теория, теория (социального) разобщения (disengagement theory), представила радикально отличную модель «хорошего» старения [Cumming, Henry, 1961]. По словам ее авторов, Э. Камминг и У. Генри, не все индивиды, чья жизнь заполнена всевозможными занятиями, действительно счастливы, в то время как не все люди, ведущие менее активный образ жизни, несчастны. В соответствии с теорией разобщения, наиболее подходящим сценарием отношений между пожилым челове-

ком и обществом является их постепенное взаимное отчуждение. По мере старения человек погружается в свой внутренний мир, в то время как окружающие уделяют ему все меньше внимания; смерть становится последней «естественной» ступенью разобщения. С одной стороны, теория разобщения явилась реакцией на чрезмерный оптимизм теории активности. С другой стороны, к тому времени пожилые превратились в ключевых потребителей разнообразных товаров и услуг. Потребность в пожилой рабочей силе была уже не столь острой, и молодые не желали конкуренции со стороны пожилых работников. Ожидалось, что пожилые люди сосредоточатся на себе, своих заботах и интересах. Формировалось представление о пожилых как особой субкультуре [см., напр.: Rose, 1962]. Многим исследователям теория разобщения показалась излишне пессимистичной. Кроме того, оспаривались ее универсальность и, соответственно, валидность. Так, согласно Дж. Габриуму, лишь в западных обществах можно наблюдать, как человека в старости предают забвению [Gubrium, 1973]. Тем не менее на рубеже 1980–1990-х годов теория разобщения была переоткрыта Л. Торнстамом, положившим ее в основу своей теории геротрансценденции [Tornstam, 1999; Tornstam, 2005]. Под геротрансценденцией он понимает – происходящий обычно в четвертом возрасте – переход на новый личностный уровень, который характеризуется снижением интереса к материальному миру и достижительному образу жизни, сосредоточением на главном, ограничением связей и занятий; тем самым индивид получает возможности для духовного развития и творчества. Согласно Торнстаму, большинство пожилых людей с удовлетворением принимают происходящую в их жизни геротрансценденцию.

Между тем в начале 1960-х годов Р. Хэвигхёрст сформулировал концепцию успешного старения, которую он считал совместимой с двумя основными теориями социальной геронтологии [Navighurst, 1961]. Успешное старение – это, по Хэвигхёрсту, удовлетворение жизнью, продолжающееся в старшем возрасте. С этой точки зрения индивид стареет успешно, если он доволен своим прошлым и настоящим и прожитые им годы наполнены удовлетворительным содержанием (т.е. если он, по выражению автора, «не только прибавляет годы к жизни, но и прибавляет жизнь к годам»). Успешное старение стало одной из самых популярных идей в социальной геронтологии, что может объясняться не только ее позитивным характером, но и широтой ее определения. С 1960-х годов она вдохновляла многочисленные исследова-

тельские проекты и связывалась различными авторами с другими моделями «хорошего» старения – прежде всего, «продуктивным» старением (теорией Р. Батлера, делающей акцент на формальной и неформальной занятости пожилых и их социальном вкладе [Butler, 1985]), а также «здоровым» старением, как таковым «позитивным», «эффективным», «оптимальным» и, наконец, «активным» (предполагающим продолжение занятости и социальное участие) старением. В глазах как общественности, так и исследователей теория активности представлялась более близкой к успешному старению, нежели теория разобщения. На данный момент активное старение – это в первую очередь основа социальной политики правительств многих стран и международных организаций (таких, как ВОЗ), в то время как успешное старение рассматривается чаще всего как академический дискурс.

Концепции успешного старения появились в различных геронтологических отраслях (в то время как в России социальная геронтология развивается лишь в последние два десятилетия, в западных, прежде всего англоязычных, странах геронтологическая специализация сформировалась уже практически во всех областях гуманитарного и общественно-научного знания, так что можно говорить о психогеронтологии, образовательной геронтологии, политической геронтологии, культурной геронтологии и др.). Например, важная концепция, известная как SOC (селективная оптимизация и компенсация), была разработана П. Балтесом и М. Балтес в области психогеронтологии (или геронтопсихологии) и адаптирована в социальную геронтологию [Baltes, Baltes, 1998]. В рамках данной модели жизнь предстает как непрерывное развитие – не как постепенное последовательное угасание, а как взаимодействие потерь и приобретений. Таким образом, хотя именно третий возраст предоставляет все возможности для успешного старения, человек может быть активным и социально успешным и после 80 лет. Для достижения этой цели индивид может прибегнуть к ряду методов, а именно: селекции (концентрация на наиболее важных целях); оптимизации (совершенствование методов достижения этих целей) и компенсации (замена методов, которые больше не доступны, новыми). Балтесы приводят пример [ibid.] пианиста Артура Рубинштейна (1888–1982), который был известен своей долгой профессиональной карьерой и со временем выступал реже (селекция), репетировал больше (оптимизация) и во время выступлений менял темп, чтобы произвести впечатление игры на высокой

скорости, которую на самом деле уже был неспособен поддерживать (компенсация).

Современная, но уже ставшая классической концепция успешного старения, на которую ссылаются большинство авторов, пишущих о данном явлении, была сформулирована на рубеже 1980–1990-х годов Дж. Роу и Р. Каном [Rowe, Kahn, 1987; Rowe, Kahn, 1998]. В их работах пожилой возраст выступает как необходимо активный. Под успешным старением они понимают: 1) предотвращение болезней и инвалидности; 2) поддержание хороших физических и когнитивных функций, соответствующих биологическому возрасту индивида; 3) «полноценное участие в социальной жизни, включая продуктивную занятость и богатые межличностные отношения» [Rowe, 1997, p. 367]; при этом чем активнее пожилые люди, тем лучше должно быть их здоровье и эмоциональное состояние. Работы Роу и Кана стали символом так называемой «новой геронтологии», ставящей во главу угла успешное старение, а не старость как время болезней и немощи [Rowe, 1997].

Некоторые авторы действительно стремились измерить успешное старение, основываясь на трех критериях Роу и Кана, однако в силу субъективности используемых категорий результаты исследований существенно разнились; и ученые, и их пожилые респонденты обладали собственной идеей успешного старения, так что в последние два десятилетия представления о данном явлении значительно расширились (например, религия и духовный рост изначально не включались в модель Роу – Кана, но оказались значимыми для многих пожилых людей). Теперь идеи успешного старения простираются от сбалансированного образа жизни, независимости и контроля над собственным существованием до принятия смерти. Потенциально наименование «успешное старение» может применяться к неограниченному числу областей, феноменов, исторических периодов. Так, К. Гиллеард пишет об «успешном старении» в Италии в эпоху Возрождения; высокопоставленные мужи стремились к поддержанию физического здоровья, от чего зависело и их политическое положение, и в помощь им появились первые практические руководства по сохранению здоровья в почтенном возрасте и по уходу за пожилыми людьми, прежде всего упоминавшаяся выше «Gerontocomia» Г. Зерби [Gilleard, 2013]. При этом все больше исследователей уверены, что успешное старение не должно подразумевать обязательной физической и / или социальной активности (которая может не соответствовать меняющимся возможностям пожилых людей либо их желаниям), и,

соответственно, теперь включают в рассмотрение тех, кто раньше был исключен из представлений об успешном старении. Утверждается, что пожилых людей нельзя приравнивать к – в большинстве своем более энергичным – людям среднего возраста, как не следует и считать маргинальным случаем тех, кто менее активен по сравнению со сверстниками, в то время как социальная политика должна уделять больше внимания профилактической медицине [Walker, 2002]. Даже пожилые люди с ограниченными возможностями могут быть настолько активными, насколько позволяет их состояние, занимаясь, например, волонтерством по телефону [Boudiny, 2013]. Концептуально и методологически теория успешного старения также продолжает расширяться. Например, М. Флад определяет успешное старение как способность приспосабливаться к происходящим в жизни изменениям, не теряя при этом собственной индивидуальности и смысла жизни [Flood, 2006]. В.Л. Маккарти и А. Боквег формулируют «холистский взгляд на успешное старение» [McCarthy, Bockweg, 2013]. Они полагают, что все основные социogerонтологические теории могут внести свою лепту в теорию успешного старения. Из теории активности они адаптируют ориентацию на сотрудничество и альтруизм, из теории разобщения – ценность одиночества и рефлексии. Среди других они называют теорию (социально-психологической) непрерывности Р. Эчли [Atchley, 1989] (здесь существенна идея целостности эго и, соответственно, принятия себя) и теории жизненного цикла (развития человека), в которых важность представляет отношение к пожилому возрасту как к качественно новому этапу жизни, ведущему к самореализации личности. Неудивительно, что авторы включают в свою модель идею А. Маслоу о самотрансценденции как пике человеческих потребностей, а также трансцендентные восьмой и девятый этапы психосоциального развития личности по Э. Эриксону и Дж. Эриксону и, наконец, упоминавшуюся выше теорию геротрансценденции Л. Торнстама. По мнению Маккарти и Боквег, одной из наиболее всеобъемлющих является теория самотрансценденции П. Рид, подразумевающая расширение когнитивных границ индивида, который – обычно именно в старшем возрасте – преодолевает ограниченные взгляды на себя, окружающих и мир в целом [Reed, 2003]. Способствуют самотрансценденции альтруистическое поведение, непрерывное обучение, творчество, фиксация саморефлексии посредством ведения дневника и различные формы обмена мудростью с другими людьми.

Тем не менее широта определения неизбежно стала слабым местом теории успешного старения; В. Тимонен пишет о более чем 100 существующих на данный момент определениях успешного старения [Timonen, 2016]. В последние годы теория нередко подвергается критике. В 2015 г. журнал *The Gerontologist*, где в свое время была опубликована статья Хэвигхёрста, содержащая оригинальную теорию, посвятил специальный выпуск вопросам успешного старения, исследовав данный феномен с самых разных углов зрения; анализ открывался проблематизацией самой фразы «успешное старение», т.е. речь шла о том, в какой мере понятие успеха вообще применимо к изучению того многообразия явлений, которые сейчас покрываются термином «успешное старение». Обзор критических аргументов приводится в статье С. Катца и Т. Каласанти [Katz, Calasanti, 2015]. Во-первых, по словам авторов, значительная часть работ по-прежнему опирается на идеи исследователей о том, что есть успех в пожилом возрасте, а не на представления самих пожилых. Во-вторых, видя в успешном старении личную ответственность людей, данный дискурс игнорирует властные отношения в обществе, структурные неравенства, разные экологические условия и другие барьеры на пути к успешному старению, выходящие за рамки индивидуального выбора. Отдельные пожилые люди и некоторые группы пожилых людей, в частности женщины в сравнении с мужчинами или же меньшинства и мигранты в сравнении с основной частью населения и коренными жителями, как правило, имеют меньше ресурсов для успешного старения. Так что кому-то приходится стареть «неуспешно». В другой статье Каласанти рассматривает пропаганду товаров и технологий, направленных на борьбу со старением, как проявление эйджизма и критикует собственных коллег, социологов и геронтологов феминистского толка, за то, что они предпочитают не писать о нездоровой, физически непривлекательной старости [Calasanti, 2005]. В то же время с повышением продолжительности жизни объективно отмечается рост заболеваемости: после 80–85 лет болезни, прежде всего хронические, и инвалидность являются объективным явлением. В связи с этим в последние годы некоторые авторы предложили отказаться от теории успешного старения и сделать выбор в пользу других концепций. К таковым относится, например, концепция осознанного старения Г. Муди, под чем автор имеет в виду, что людям следует не игнорировать физическое старение или бороться с ним, а признавать его и адаптироваться к нему [Moody, 2005]. Согласно Муди, духовный рост

возможен и перед лицом боли и потерь. Ц. Лян и Б. Ло критикуют этноцентризм теории успешного старения и предлагают в качестве альтернативы теорию гармоничного старения, которая представила бы иные, незападные перспективы [Liang, Luo, 2012]. По их мысли, теория гармоничного старения призвана включить такие идеи, как единство тела и разума и взаимозависимость между человеком и миром и между разными людьми в противовес индивидуальному успеху. Начиная с новаторского исследования А. Боулинг и П. Дьеппа [Bowling, Dieppe, 2005], в котором основное внимание было уделено именно «профанным» взглядам на успешное старение, различные исследователи изучают отношение к старению, характерное для самих пожилых людей, – в особенности тех из них, которые в наименьшей степени соответствуют образу «успешно» стареющего индивида. В частности, очень старых, живущих с инвалидностью, страдающих физически и морально, скорбящих или, например, принадлежащих к другим культурам. Яркий пример приводит С. Лэм, сопоставляя взгляды на старение, с одной стороны, высокообразованных жителей Бостона в возрасте от 70 до 90 лет (выходцев из той самой среды, где возникла оригинальная идея успешного старения) и, с другой стороны, – индийских сельчан от 60 до 80 лет [Lamb, 2014] (попутно автор делает своего рода заявление о разнице в биологическом и социокультурном возрасте тех и других). Первые стремились создать впечатление успеха; они перечисляли свои многочисленные занятия и утверждали, что никогда не чувствовали себя счастливее. В то время как индийские респонденты не демонстрировали никаких признаков физической или социальной активности; они лишь медитировали и ждали смерти. Это все еще успешное старение, или в подобном случае уже стоит отказаться от использования данного термина и соответствующей методологии? Некоторые исследователи полагают, что понятие успешного старения исчерпало свой потенциал, как, например, В. Тимонен, утверждающая, что идеи и успешного, и активного старения не обогащают теорию и практику – они просто «моделируют» старение и пожилых людей, предписывая им, как себя вести и какими быть [Timonen, 2016]. По ее мнению, на данном этапе в социальных науках нужна не некая нормативная теория, а непосредственно исследования разных групп стареющего населения.

В целом в настоящее время можно наблюдать, что теория успешного старения по-прежнему востребована. Данный дискурс пропагандируется международными организациями и институтами

власти, особенно в западных странах, ведь реализация соответствующей стратегии означает в том числе сокращение пенсионных выплат и других расходов в социальной сфере. Так что дискурс успешного / активного старения является неотъемлемым компонентом многих современных программ в области социальной политики в отношении пожилых людей. В то же время концептуально теория успешного старения стала более всеобъемлющей, чем когда-либо. Потенциально она способна охватить всех пожилых людей, которые скорее довольны собой и своей жизнью, нежели наоборот. Однако, если взглянуть с иной точки зрения, это означает, что успешное старение лишается социально-структурного характера, индивидуализируется и психологизируется, утрачивая научную строгость именно как социологического и социогеронтологического термина. Можно утверждать, что подобное успешное старение соответствует современным тенденциям. Существующий уровень толерантности и развития светских культур обеспечивает основу позитивного и многообразного старения. И хотя, с одной стороны, пожилые люди испытывают определенное социальное давление (связанное с культом молодости, доминирующими стандартами красоты и развитием антивозрастных технологий), с другой стороны, каждый может следовать предпочтительному жизненному стилю и даже продвигать его с помощью новых технологий. М. Галлетт называет пожилой возраст временем «нарративной свободы» [Gullette, 2004], а У. Рэндалл полагает, что этот период наиболее благоприятен для развития (само)иронии (позволяющей людям принять амбивалентность жизни и стать менее серьезными по отношению к окружающему миру, самим себе и, наконец, собственному концу) [Randall, 2013]. С этой точки зрения успешное старение можно рассматривать как плодотворную методологию для XXI столетия. Другие авторы могут возразить, что это не более чем воплощение неолиберальных ценностей, которые возлагают ответственность на самого индивида (а не общество, не группу) за то, как он живет и / или выглядит. Тем самым можно говорить о нескольких основных тенденциях в применении идей успешного старения социологами и геронтологами. Во-первых, многие ученые и специалисты по всему миру работают в рамках признанной и поддерживаемой властными институтами методологии успешного старения, проводя исследования и разрабатывая различные программы в отношении пожилых людей. Во-вторых, немало исследователей используют теорию успешного старения как номинальное обозначение позитивного взгляда на старение

и пожилых людей, широкое в концептуальном плане и в отношении исследуемой возрастной группы. Наконец, представители критических геронтологических направлений (а именно неомарксистской, феминистской и постмодернистской геронтологии) подвергают сомнению универсальность успешного старения и не считают, что оно способно охватить большинство пожилых людей (ведь есть те, кто не доволен и, в силу несправедливости, с которой они сталкиваются, не должен быть доволен своей жизнью). Авторы, разделяющие эту точку зрения, полагают, что рассматриваемая теория игнорирует властные отношения и структурное неравенство в обществе, не позволяющие всем возрастным группам стареть в равной мере «успешно». Поэтому исследователи, особенно те, которые работают в рамках дискурса успешного старения, должны критически оценить перспективы данной теории. Если они придерживаются мнения, что она обладает исследовательским потенциалом, и на самом деле считают, что успех, активность и продуктивность являются значимыми и актуальными категориями, им следует признать этот факт и прояснить, почему именно они так полагают, – или же отказаться от использования данной теории и избрать иные методологические основания.

Список литературы

- Фролькис В.В.* Старение и увеличение продолжительности жизни. – Л.: Наука, 1988. – 239 с.
- Atchley R.C.* A continuity theory of normal aging // *The Gerontologist*. – Oxford, 1989. – Vol. 29, N 2. – P. 183–90.
- Baltes P.B., Baltes M.M.* Savoir vivre in old age: How to master the shifting balance between gains and losses // *National forum*. – Baton Rouge (LA), 1998. – Vol. 78, N 2. – P. 13–18.
- Boudiny K.* «Active ageing»: From empty rhetoric to effective policy tool // *Ageing a society*. – Cambridge, 2013. – Vol. 33, N 6. – P. 1077–1098.
- Bowling A., Dieppe P.* What is successful ageing and who should define it? // *The BMJ*. – L., 2005. – Vol. 331, N 7531. – P. 1548–1551.
- Butler R.N.* Productive aging: Enhancing vitality in later life. – N.Y.: Springer, 1985. – 148 p.
- Calasanti T.* Ageism, gravity and gender: Experiences of aging bodies // *Generations*. – San Francisco (CA), 2005. – Vol. 29, N 3. – P. 8–12.
- Cumming E., Henry W.E.* Growing old: The process of disengagement. – N.Y.: Basic books, 1961. – XVI, 293 p.

- Flood M.* A mid-range theory of successful aging // J. of theory construction a. testing. – Lisle (IL), 2006. – Vol. 9, N 2. – P. 35–39.
- Gilleard Ch.* Renaissance treatises on «successful ageing» // Ageing a. society. – Cambridge, 2013. – Vol. 33, N 2. – P. 189–215.
- Gubrium J.F.* The myth of the golden years: A socio-environmental theory of aging. – Springfield (IL): C.C. Thomas, 1973. – XVII, 225 p.
- Gullette M.M.* Aged by culture. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 2004. – 267 p.
- Havighurst R.J.* Successful aging // The Gerontologist. – Oxford, 1961. – Vol. 1, N 1. – P. 8–13.
- Katz S.* Busy bodies: Activity, aging and the management of everyday life // J. of aging studies. – Oxford, 2000. – Vol. 14, N 2. – P. 135–152.
- Katz S.* Disciplining old age: The formation of gerontological knowledge. – Charlottesville (VA): Univ. press of Virginia, 1996. – X, 209 p.
- Katz S., Calasanti T.* Critical perspectives on successful aging: Does it «appeal more than it illuminates»? // The Gerontologist. – Oxford, 2015. – Vol. 55, N 1. – P. 26–33.
- Lamb S.* Permanent personhood or meaningful decline? Toward a critical anthropology of successful aging // J. of aging studies. – Oxford, 2014. – Vol. 29, N 1. – P. 41–52.
- Liang J., Luo B.* Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging // J. of aging studies. – Oxford, 2012. – Vol. 26, N 3. – P. 327–334.
- McCarthy V.L., Bockweg A.E.* The role of transcendence in a holistic view of successful aging: A concept analysis and model of transcendence in maturation and aging // J. of holistic nursing. – L., 2013. – Vol. 31, N 2. – P. 84–92.
- Metchnikoff E.* Études sur la nature humaine. – P.: L. Barnéoud & cie, 1903. – 399 p.
- Moody H.R.* From successful aging to conscious aging // Successful aging through the life span: Intergenerational issues in health / ed. by M. Wykle, P. Whitehouse, D. Morris. – N.Y.: Springer, 2005. – P. 55–68.
- Personal adjustment in old age / Cavan R.S., Burgess E.W., Havighurst R.J., Goldhamer H. – Chicago (IL): Science research associates, 1949. – XIII, 204 p.
- Pollak O., Heathers G.* Social adjustment in old age: A research planning report. – N.Y.: Social science research council, 1948. – XI, 199 p.
- Randall W.L.* Aging, irony and wisdom: On the narrative psychology of later life // Theory a. psychology. – L., 2013. – Vol. 23, N 2. – P. 164–183.
- Reed P.G.* The theory of self-transcendence // Middle range theory for nursing / ed. by M.J. Smith, P.R. Liehr. – N.Y.: Springer, 2003. – P. 145–165.
- Rose A.M.* The subculture of the aging // The Gerontologist. – Oxford, 1962. – Vol. 2, N 3. – P. 123–127.
- Rowe J.W.* The new gerontology // Science. – Wash., 1997. – Vol. 278, N 5337. – P. 367–369.
- Rowe J.W., Kahn R.L.* Human aging: Usual and successful // Science. – Wash., 1987. – Vol. 237, N 4811. – P. 143–149.
- Rowe J.W., Kahn R.L.* Successful aging. – N.Y.: Pantheon books, 1998. – XV, 265 p.

- Timonen V.* Beyond successful and active ageing: A theory of model ageing. – Bristol: Policy press, 2016. – 132 p.
- Tornstam L.* Gerotranscendence: A developmental theory of positive aging. – N.Y.: Springer, 2005. – XI, 213 p.
- Tornstam L.* Late-life transcendence: A new developmental perspective on aging // Religion, belief and spirituality in late life / ed. by L.E. Thomas, S.A. Eisenhandler. – N.Y.: Springer, 1999. – P. 178–202.
- Walker A.C.* A strategy for active ageing // International social security rev. – Hoboken (NJ), 2002. – Vol. 55, N 1. – P. 121–139.
- Zerbi G.* Gerontocomia: On the care of the aged. – Philadelphia (PA): American philosophical society, 1988. – 346 p. – (1st ed. 1489).

Палмор Э.Б.
АВТОГЕРОНТОЛОГИЯ:
ИЗ ЛИЧНОГО ОПЫТА СТАРЕНИЯ¹.
(Реферат)

Реф. ст.: *Palmore E.B. Auto-gerontology: A personal Odyssey // J. of applied gerontology. – L.; Thousand Oaks (CA), 2017. – Vol. 13, N 11. – P. 1295–1305.*

***Ключевые слова:** социальная геронтология; теории оптимального старения; эйдджизм; социальные предрассудки.*

Эрдман Палмор (почетный профессор медицинской социологии, Университет Дюка, г. Дарем, США) рассматривает свой опыт жизни и деятельности в старшем возрасте в контексте современного геронтологического знания и сопоставляет «личную одиссею» пожилого человека с популярными в социальных науках моделями оптимального старения, а также с результатами теоретических и эмпирических исследований пожилого возраста и социальных предрассудков, в которых он сам принимал участие на протяжении своей долгой карьеры профессионального геронтолога. В свои годы Палмор (род. в 1930 г.), автор 20 работ по геронтологии и социальным аспектам старения, инициатор и руководитель нескольких лонгитюдных проектов в этой области знания, продолжает состоять в Американском геронтологическом обществе (до недавнего времени

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2020. – № 1. – С. 14–17.

он возглавлял его Южное отделение); он редактирует периодическое издание Центра по изучению старения при Университете Дюка, занимается волонтерской деятельностью, поддерживает хорошую физическую форму и связи с родственниками, коллегами и друзьями.

Настоящая статья, которая представляет собой автобиографические зарисовки из жизни пожилого человека, посвятившего свою жизнь изучению феномена старости и процессов старения в современном обществе, появилась как попытка дать исчерпывающие ответы на вопросы коллег по цеху о том, в какой мере личный (индивидуальный) опыт старения соотнобразуется / расходится с теоретическими идеями и практическими рекомендациями современной западной науки о старости, и наоборот, насколько знания в области геронтологии влияют на выработку жизненных стратегий в старшем возрасте. Иными словами, цель статьи – сопоставление теории и практики старения на примере человека, являющегося пожилым геронтологом.

Отправным пунктом размышлений автора выступают четыре наиболее влиятельные концепции оптимального старения, в контексте которых Палмор рассматривает свой личный опыт переживания и восприятия пожилого возраста. Это теория активного старения, модель старения как непрерывного (продолжающегося) жизненного цикла, концепция успешного старения и трактовка старения как селективной оптимизации и адаптации. Перечисленные концепции, при всех их различиях, объединяет установка на оптимизацию процесса старения в соответствии с лозунгом: «Используй или потеряешь!» («Use it or lose it!»). По мнению Палмора, модели старения, о которых идет речь, в полной мере отвечают главной цели геронтологии как науки – научиться понимать старение и старость, с тем чтобы сделать как можно более комфортным этот опыт для человека и общества (с. 1296).

Автор кратко останавливается на ключевых идеях каждой из теорий оптимального старения, которые хорошо известны не только геронтологам, но и самой широкой научной и околонаучной общественности. Согласно модели активного старения (противостоявшей теории старения как «высвобождения», разобщения, освобождения пожилого человека от его прежних социальных функций, ролей, отношений, связей и обязанностей), стареть оптимально – значит сохранять и поддерживать в пожилом возрасте привычные формы жизненной и общественной активности в физической, ментальной и социальной сферах. Как свидетельствуют результаты

лонгитюдных исследований, стремление к «активному» старению действительно помогает пожилым не только жить дольше, но и сохранять удовлетворенность жизнью (ее качеством и содержанием) в преклонные годы. Этот аргумент стал решающим в споре сторонников активного старения и защитников практики старения как «высвобождения», которые делали акцент на гуманистических аспектах свободного старения, не обремененного обязанностями перед обществом и позволяющего безболезненно передать жизненную эстафету следующему поколению, а также подготовить себя к неизбежному физическому и ментальному угасанию.

Модель старения как продолжения жизненного цикла постулирует необходимость посильного исполнения в пожилом возрасте своих прежних социальных и профессиональных ролей – путем их постепенного видоизменения (адаптации) по мере старения человека. Основная мысль данной теории сводится к тому, что в старости изменения (в том числе и в образе жизни) неизбежны, но они не должны быть кардинальными и травмирующими; следует согласовывать свой новый жизненный опыт в преклонном возрасте с профессиональными и социальными «наработками» жизненного цикла в целом.

В ответ на критические замечания в адрес перечисленных теорий, практически не принимающих в расчет реальный социальный контекст старения и жизни в старости, а также разную степень физических и интеллектуальных возможностей пожилых людей, которым предписано «стареть оптимально», была разработана еще одна модель, получившая название концепции успешного старения. В рамках этой модели были обозначены некоторые необходимые предпосылки для того, чтобы процесс старения действительно протекал в оптимальной форме. Это низкий риск развития серьезных недугов и физической немощи; сохранение интеллектуального потенциала; встроенность в социальную жизнь. Теория селективной оптимизации и адаптации предписывает пожилым людям выбрать из своего жизненного багажа профессиональные и жизненные навыки, которые доставляют им радость своей доступностью, и отказаться от тех, которые уже не по силам. В частности, сам автор статьи, являясь пианистом-любителем, сохранил в своем репертуаре только одну пьесу, зато исполняет ее ежедневно. Он по-прежнему ездит на велосипеде, но в некоторых случаях прибегает к помощи моторчика и не связывает количество пройденных миль во время пеших прогулок с числом прожитых лет, как он это практиковал в 60-летнем возрасте.

В целом Палмору нравится совет оставлять за собой те функции и виды деятельности, которые приносят удовлетворение в старшем возрасте, без сожаления оставив в прошлом все остальное. Старейший американский геронтолог больше не читает лекций студентам, но дважды в неделю посещает университет и находится в курсе событий. Он продолжает свою деятельность в качестве волонтера (вывозит мусор на «своем» участке хайвея, развозит еду), посещает церковь и собрания местного отделения Демократической партии, радуется игре в боулинг и семейными пикниками, ходит пешком и ездит на велосипеде. Он регулярно встречается с друзьями, устраивает семейные ужины и обязательно отмечает очередной день рождения, причем именно так, как ему этого хочется.

Во второй части своего эссе автор отвечает на вопросы коллег о своем видении старости. Палмор обращает внимание на то, что ему повезло жить и работать в академической среде, среди людей с высоким образовательным уровнем, широким кругозором и определенными навыками поведения. Его личный опыт старения и старости, по счастью, не омрачен материальными заботами, финансовой нестабильностью или диктатом предрассудков. Тем не менее он убежден, что самая серьезная проблема, с которой сталкивается пожилой человек в современном западном обществе, — это явная или скрытая дискриминация по признаку возраста, или эйджизм. К объективным проявлениям эйджизма добавляются субъективные его аспекты; так, начиная с 60 лет, автор в случае отказа в предоставлении гранта на исследование или эмпирический проект обычно, по его словам, переживал двойственные чувства, сходные с переживаниями афроамериканки, которая не может решить, унижают ли ее потому, что у нее темный цвет кожи, или же по той причине, что Бог не создал ее мужчиной. В случаях подобных отказов, замечает Палмор, он всегда в первую очередь думал о своем возрасте и лишь затем — о целесообразности и актуальности самого проекта.

Эмпирические исследования и опросы, в том числе и те, которые проводились по инициативе автора статьи, убедительно доказывают устойчивость и травматический характер социальных предрассудков, касающихся пожилых людей. При этом речь идет не столько о явном нарушении прав пожилых, сколько об оскорблении их чувства собственного достоинства (шутки относительно возраста, комплименты по поводу хорошего внешнего вида, удивление при озвучивании фактического возраста собеседника, навяз-

чивые расспросы о здоровье, пафосные поздравления в дни юбилеев и т.п.). Выстраивая свою личную линию обороны против эйджизма, Палмор использует следующие стратегии: афоризмы, рисующие старость в позитивном свете («старость всегда лучше, чем ее альтернатива»; «возраст – это дар природы, старость – это произведение искусства»); акцент на ряде преимуществ пожилого возраста (возможность распоряжаться своим временем, свобода от материальных нужд и забот о финансовом благополучии семьи); и, самое главное, пропаганда идеи о том, что люди, достигшие преклонного возраста, не должны стесняться старости – напротив, им следует гордиться тем, что они прошли свой жизненный путь так, как они это сделали, сохранив интерес к жизни в почтенном возрасте.

Е.В. Якимова

Маккарти В.Л., Боквег А.
РОЛЬ ТРАНСЦЕНДЕНЦИИ В ХОЛИСТИЧЕСКОМ
ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОБ УСПЕШНОМ СТАРЕНИИ¹.
(Реферат)

Реф. ст.: *Mccarthy V.L., Bockweg A.* The role of transcendence in a holistic view of successful aging: A concept analysis and model of transcendence in maturation and aging // *J. of holistic nursing*. – Los Angeles (CA), 2013. – Vol. 31, N 2. – P. 84–92.

Ключевые слова: *успешное старение; трансценденция; социальная геронтология; теория активности; теория разобщения.*

Статья Валери Лендер Маккарти и Аманды Боквег (Университет Луисвилля, США) посвящена такому перспективному направлению исследований пожилого возраста, как геротрансценденция, под чем в обобщенном плане понимается происходящий в старшем возрасте выход на качественно новый личностный уровень. С точки зрения авторов, на формирование представлений о данном феномене оказали влияние самые разные социальные теории. Вместе с тем, отмечают Маккарти и Боквег, «трансценденция» в области геронтологии (в широком смысле – как знания о пожилых, формирующемся на стыке различных социальных наук) остается недостаточно проясненным понятием, что препятствует его полноценному использованию. Авторы ставят перед собой задачу проследить развитие концепций, которые, по их мнению,

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2013. – № 4. – С. 41–47.

имеют непосредственное отношение к идеям (геро)трансценденции, и представить перспективы применения данных идей в исследованиях пожилого возраста и практике работы с пожилыми людьми.

Как отмечают авторы, для нынешнего поколения геронтологов теория успешного старения (разработанная в начале 1960-х годов Р. Хэвигхёрстом¹) была открыта Дж. Роу и Р. Каном², которые связывали подобное, оптимальное течение жизни в старшем возрасте с хорошим физическим и умственным здоровьем и вовлеченностью в общественную жизнь. Однако, указывают Маккарти и Боквег, данный подход исключает из рассмотрения людей с хроническими заболеваниями; кроме того, он не учитывает социоэкономические различия между пожилыми людьми, а также оставляет за рамками анализа духовные вопросы, в реальности являющиеся ключевыми для многих пожилых. Более перспективной авторам статьи представляется концепция, предложенная в 2006 г. М. Флад, которая определила успешное старение как способность приспосабливаться к происходящим изменениям при одновременном сохранении своей идентичности и смысла жизни³. Исследовательница выделила два фактора успешного старения – адаптацию и трансценденцию, – тем самым связав успешное старение с трансценденцией как позитивным сценарием поздней фазы человеческой жизни.

При подготовке статьи авторы проанализировали значительное количество источников по данной тематике. Сформировав поисковый запрос как «трансценденция + старение», они получили из различных баз данных (от Google до Medline) ссылки на 123 источника, представлявших собой статьи, книги и интернет-страницы из таких областей, как философия, теология, социология, психология, психиатрия и сестринское дело. Из этих 123 источников наиболее важными и оригинальными оказались 48 – им авторы и уделили приоритетное внимание.

Согласно обобщенному словарному значению, трансценденция являет собой выход за пределы повседневного, рационального, материалистического мира. Ни один из рассмотренных авторами словарей не давал значения, которое было бы связано с опытом,

¹ Havighurst R.J. Successful aging // The Gerontologist. – Oxford, 1961. – Vol. 1, N 1. – P. 8–13.

² Rowe J.W., Kahn R.L. Human aging: Usual and successful // Science. – Stanford (CA), 1987. – Vol. 237, N 4811. – P. 143–149.

³ Flood M. A mid-range theory of successful aging // J. of theory construction a. testing. – Lisle (IL), 2006. – Vol. 9, N 2. – P. 35–39.

переживаемым людьми в пожилом возрасте. Тем не менее, с точки зрения Маккарти и Боквег, в настоящее время такое значение необходимо, поскольку трансценденция представляет собой исключительно актуальное явление, и в различных геронтологических концепциях они видят ростки интереса к данному феномену.

В 1950–1960-е годы оформились первые теории, описывавшие социальные и психологические аспекты старения. Согласно теории разобщения (*disengagement theory*)¹, в процессе старения индивиды постепенно отходят от общества, в результате чего становится возможной смена поколений. Теория активности (*activity theory*)², со своей стороны, утверждала, что ключом к успешному старению является сохранение имеющихся у человека социальных ролей и связей. Наконец, в соответствии с теорией непрерывности (*continuity theory*)³, базовые характеристики личности сохраняются неизменными в течение жизни: если индивид был социально активен в среднем возрасте, он останется таковым и впоследствии – и, соответственно, наоборот. В каждой из данных теорий авторы усматривают идеи трансценденции: в теории разобщения – ценность уединения и сопровождающей его рефлексии, в теории активности – ориентацию на сотрудничество и альтруизм, в теории непрерывности – установку на единство эго и принятие себя.

Тем не менее наиболее значимыми с точки зрения представлений, заложивших основу геронтологических идей трансценденции, авторам видятся так называемые теории развития (*life span development theories*), поскольку в них пожилой возраст описывается как качественно новый жизненный этап, который может характеризоваться таким позитивным достижением, как полная реализация личностного потенциала индивида. В связи с этим можно упомянуть, в частности, А. Маслоу, который в конце 1960-х годов пересмотрел свою пирамиду потребностей и определил именно трансценденцию в качестве высшего проявления самоактуализации⁴. Среди характеристик данного феномена, отличающего благоприятное течение старшего возраста, он выделил: преодоление

¹ *Cumming E., Henry W.* Growing old: The process of disengagement. – N.Y.: Basic books, 1961.

² *Havighurst R.J.* Successful aging // *The Gerontologist*. – Oxford, 1961. – Vol. 1, N 1. – P. 8–13.

³ *Atchley R.C.* A continuity theory of normal aging // *The Gerontologist*. – Oxford, 1989. – Vol. 29, N 2. – P. 183–190.

⁴ *Maslow A.H.* Various meanings of transcendence // *J. of transpersonal psychology*. – Palo Alto (CA), 1969. – Vol. 1, N 1. – P. 56–66.

слабостей, страхов, зависимости; избавление от навязчивой потребности соответствовать ожиданиям окружающих; осознание единства с самим собой, миром в целом (в том числе с прошлыми и будущими поколениями) и высшей силой; обретение смысла жизни. В свою очередь, трансценденцией как девятой стадией дополнил, в сотрудничестве с Дж. Эриксоном, свою ранее восьмиступенчатую модель человеческого развития Э. Эриксон¹. Основные черты этой стадии: возврат к игре, творчеству, неподдельной радости жизни, а также преодоление страха смерти. Трансценденция в данном случае видится позитивным ответом на многочисленные потери, имеющие место в пожилом возрасте.

В 1997 г. шведский геронтолог Л. Торнстам представил теорию «геротрансценденции», тем самым впервые ограничив данный феномен собственно геронтологической областью². Торнстам учел различные существующие теории, в том числе непопулярную и изначально широко критиковавшуюся и поныне критикуемую теорию разобщения (в ней он увидел значимый акцент на типичном для пожилого возраста отказе от достижительного образа жизни, а также на способствующих самопознанию и самосовершенствованию размышлениях о жизни и смерти). Исследователь обозначил три типа отношений, формирующихся в рамках геротрансценденции, а именно: к космосу, к себе и к другим людям. Результатом геротрансценденции, характеризующейся, по Торнстаму, большим приятием себя и других, избирательностью в связях и занятиях, меньшей зависимостью от чужого мнения, сосредоточением на духовном в противовес материальному и ослаблением страха смерти, должно стать удовлетворение жизнью.

Последней по времени на данный момент является теория самотрансценденции, разработанная П. Рид³. Эта теория, с точки зрения авторов статьи, вобрала в себя все значимые аспекты рассматриваемого явления, и именно на ней они останавливаются наиболее подробно. Под самотрансценденцией Рид понимает постепенное расширение когнитивных границ индивида, т.е. выход за рамки ограниченных представлений о себе, других людях и мире.

¹ Erikson E.H., Erikson J.M. The life cycle completed: Extended version with new chapters on the ninth stage of development. – N.Y.: Norton, 1997.

² Tornstam L. Gerotranscendence: The contemplative dimension of aging // J. of aging studies. – Amsterdam, 1997. – Vol. 11, N 2. – P. 143–154.

³ Reed P.G. The theory of self-transcendence // Middle range theory for nursing / ed. by M.J. Smith, P.R. Liehr. – N.Y.: Springer, 2003. – P. 145–165.

Исследовательница намечает четыре измерения подобной самотрансценденции: интраперсональное (осознание и развитие собственной философии, ценностей и устремлений), межличностное (более сознательное выстраивание отношений с окружающими), временное (интеграция прошлого опыта и будущих интенций с целью осмысления настоящего) и, наконец, трансперсональное (собственно выход за границы «здесь и сейчас»). По мысли Рид, хотя самотрансценденция как процесс достижения личностной зрелости присуща именно пожилому возрасту, индивид способен пережить подобное и в более раннем возрасте, столкнувшись с такими экстремальными, иначе говоря, пограничными, ситуациями, как потеря близкого человека или собственная тяжелая болезнь. Индивиды, вступившие на путь самотрансценденции, постепенно принимают потенциальную непредсказуемость и амбивалентность окружающего их мира.

Способствовать самотрансценденции, согласно Рид, могут такие явления, как альтруистическое поведение, интроспекция, медитация, развитие духовной сферы, обучение в течение всей жизни, групповая терапия, творчество, ведение дневников и различные занятия, позволяющие людям делиться мудростью с другими. На основе теории Рид авторы статьи описывают пять основных, с их точки зрения, направлений развития самотрансценденции, а именно: взаимоотношения, творчество, мирозерцание (contemplation), интроспекция и духовность.

Во взаимоотношениях с другими людьми самотрансценденция находит свое отражение в ощущении духовной, неформальной связи с окружающими. Необходимо разделять с близкими людьми (семьей, сообществом) их мысли и чувства, делиться с ними своими историями (персональными нарративами) и вдохновляющим опытом. Творчество, под которым понимается как эстетическая, так и интеллектуальная деятельность, предполагает создание и переживание искусства, продолжение образования, открытость новому, инновативное мышление и самоактуализацию. Творчество приносит с собой ощущение цели, значимой деятельности, свершения. Мирозерцание, в свою очередь, сопряжено с вопросами о сущности Вселенной и природе жизни. Данный процесс активизируется посредством чтения философской литературы, размышлений, в том числе на лоне природы, постановки экзистенциальных вопросов, участия в философских дискуссиях. Как следствие, индивид может почувствовать себя частью Вселенной и единого жизненного цикла. В противоположность мирозерцанию, интроспек-

ция фокусирует внимание индивида на нем самом, его собственном Я. Качественной интроспекции способствуют такие занятия, как, например, ведение дневника, внутренний диалог, развитие воображения, чтение литературы, посвященной активизации личностных ресурсов, некоторые виды психотерапии. Последнее рассматриваемое авторами направление – духовность – не сводится к вере в Бога и религиозным практикам. Актуальное понимание духовности (spirituality) выходит за эти рамки и включает в себя, наряду с верой во Всевышнего, также веру в некую менее определенную высшую силу или силы либо просто нечто за пределами вещественного, рационально постигаемого мира. Результатами подобной жизненной ориентации, находящей свою практическую реализацию в духовных чтениях, размышлениях и дискуссиях, являются чувство связи с сакральным, мир в душе, принятие себя и своего опыта. Описанные феномены взаимосвязаны и оказывают влияние друг на друга; представляется, что духовность выступает итогом этого взаимовлияния и уже непосредственно вызывает трансценденцию.

В последние годы геронтологи, исходя из теорий Торнстама и Рид, разработали немало практически ориентированных проектов. В частности, проявления тенденций трансценденции изучались у таких групп населения, как пациенты с деменцией (а также среди тех, кто осуществляет уход за ними), постояльцы домов престарелых, и, кроме того, в группах поддержки женщин с раком груди. По результатам реализованных проектов указывается, что индивиды, у которых были отмечены подобные тенденции, в меньшей степени страдали депрессией, быстрее справлялись с трудными жизненными ситуациями, в целом говорили об улучшении физического и эмоционального здоровья¹.

¹ См., напр.: Art in Alzheimer's care: Promoting well-being in people with late-stage Alzheimer's disease / Walsh S.M., Lamet A.R., Lindgren C.L., Rillstone P., Little D.J., Steffey C.M., Rafalko S.Y., Sonshine R. // *Rehabilitation nursing*. – Hoboken (NJ), 2011. – Vol. 36, N 2. – P. 66–72; Bickerstaff K.A., Grasse C.M., McCabe B. How elderly nursing home residents transcend losses of later life // *Holistic nursing practice*. – Philadelphia (PA), 2003. – Vol. 17, N 3. – P. 159–165; Coward D. Facilitation of self-transcendence in a breast cancer support group: II // *Oncology nursing forum*. – Pittsburgh (PA), 2003. – Vol. 30, N 2. – P. 291–300; Resilience, sense of coherence, purpose in life and self-transcendence in relation to physical and mental health among the oldest old / Nygren B., Alex L., Jonsen E., Gustafson Y., Norberg A., Lundman B. // *Aging a. mental health*. – Abingdon, 2005. – Vol. 9, N 4. – P. 354–362.

Как в заключение подчеркивают Маккарти и Боквег, идеи трансценденции должны стать неотъемлемой составляющей холистского представления об успешном старении. Трансценденция позитивно коррелирует со здоровьем и удовлетворенностью жизнью, поэтому необходимо, подводят итог авторы статьи, чтобы теоретические и практические разработки в отношении данного феномена продолжались.

Я.В. Евсеева

Рэндалл У.
СТАРЕНИЕ, ИРОНИЯ И МУДРОСТЬ¹.
(Реферат)

Реф. ст.: *Randall W. Aging, irony and wisdom: On the narrative psychology of later life // Theory a. psychology. – Л., 2013. – Vol. 23, N 2. – P. 164–183.*

Ключевые слова: нарративная геронтология; ирония; мудрость; позитивное старение.

Реферируемая статья написана известным геронтологом Уильямом Рэндаллом (Университет св. Томаса, г. Фредериктон, Канада). Свою нишу в рамках геронтологической области автор обозначает как «нарративная геронтология». У. Рэндалл исследует, как с возрастом меняются истории людей об их собственной жизни. Одной из популярных тем в геронтопсихологии и социальной геронтологии является мудрость: в какой мере можно говорить об этом феномене применительно к пожилому возрасту и в чем именно она выражается, что принять за признаки нарастающей мудрости. Для У. Рэндалла мудрость – это обретение многомерного взгляда на мир, это понимание, что на каждое явление существует как минимум несколько точек зрения и что истина не обязательно должна быть всего лишь одна. В результате индивид начинает относиться менее серьезно и с большей иронией к окружающему его

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2014. – № 2. – С. 100–108.

миру, к своей собственной жизни и к себе самому. Оттого старение, полное мудрой иронии, – это, в представлении автора статьи, старение позитивное и успешное.

Нарративная геронтология имеет дело с «внутренними», биографическими аспектами пожилого возраста в противовес биологии старения¹. История жизни человека складывается из его опыта, его воспоминаний – реальных и воображаемых. Наши жизненные истории, иными словами, наша идентичность, – «это интернализированный и развивающийся личный миф, который функционирует для того, чтобы придавать единство и смысл нашей жизни»²; он неотделим от нашего «чувства себя». Автору статьи эта история видится романом, со своим жанром, темой, сюжетом и героями, авторство которого мы делим с нашим окружением³. У. Рэндалл ссылается также на работы психолога М. Фримена, чьи исследования посвящены конструированию жизненной истории как «поэтике самости» («poetics of selfhood») ⁴.

Нарративная геронтология занимает свое место в одном ряду с качественной геронтологией, критической геронтологией и литературной геронтологией⁵. Эти дисциплины обращаются не к внешним, очевидным и наиболее просто наблюдаемым признакам старения, а к жизненному миру пожилого человека. Поздняя стадия жизни представляет собой «философское задание», которое

¹ Storying later life: Issues, investigations and interventions in narrative gerontology / ed. by G. Kenyon, E. Bohlmeijer, W. Randall. – N.Y.: Oxford univ. press, 2011.

² McAdams D. Narrating the self in adulthood // Aging and biography: Explorations in adult development / ed. by J. Birren, G. Kenyon, J.-E. Ruth, J. Schroots, T. Svensson. – N.Y.: Springer, 1996. – P. 132.

³ Randall W. Narrative intelligence and the novelty of our lives // J. of aging studies. – San Diego (CA), 1999. – Vol. 13, N 1. – P. 11–28.

⁴ См., напр.: Freeman M. Rewriting the self: History, memory, narrative. – L.: Routledge, 1993; Freeman M. Life narratives, the poetics of selfhood and the redefinition of psychological theory // Challenges to theoretical psychology / ed. by W. Maiers, B. Bayer, B. Esgalhado, R. Jorna, E. Schraube. – Toronto: Captus press, 1999. – P. 245–250.

⁵ Qualitative gerontology / ed. by G. Rowles, N. Schoenberg. – N.Y.: Springer, 2002; J. of aging studies. – San Diego (CA), 2008. – Vol. 22, N 2 (spec. iss.: Coming of age: Critical gerontologists reflect on their own aging, age research and the making of critical gerontology); Wyatt-Brown A. The future of literary gerontology // Handbook of the humanities and aging / ed. by T. Cole, R. Kastenbaum, R. Ray. – 2nd ed. – N.Y.: Springer, 2000. – P. 41–61.

необходимо выполнить¹. Когнитивные механизмы, включая память, уже не функционируют на прежнем уровне, однако в пространстве между памятью, метафорой и смыслом рождается мудрость. Такой подход к пониманию старшего возраста У. Рэндалл называет «поэтикой старения» (с. 166).

Центральным понятием для автора является ирония. Она представляет собой сложный концепт с длительной историей². Ирония рождается из принятия мира во всей его неоднозначности и противоречивости, из скепсиса по отношению к «большим нарративам» в политике, науке и религии, из ослабления контроля над своей жизнью и своим окружением. В культурном плане ирония соответствует постмодерну. Детство характеризуется невинностью, зрелость – серьезностью, а старость – иронией. Ирония создает зазор между рассказчиком и его рассказом, когда он способен критически оценивать свою историю. В аналогичном ключе геронтолог Р. Рей высказывается о мудрости. С ее точки зрения, мудрость представляет собой способность видеть свою жизненную историю под разными углами зрения³.

Тем не менее у иронии два лица. Она может принять и негативный вид. В этой ситуации на место игривого юмора приходит циничный сарказм, а нарративная открытость завершается обрывом нарратива. В последнем случае человек слишком рано принимает свой конец, считая, что жизнь ничего нового уже ему не принесет, ничем его не удивит. Позитивная ирония позволяет индивиду не бояться грядущей неопределенности и освобождает его от необходимости «достойно и правильно» завершить свою жизнь, что в работах культуролога М. Галлетт получило название «нарративная свобода»⁴. Поэтому, по словам У. Рэндалла, необходимо культивировать в себе именно позитивную иронию.

Каковы же источники иронии в пожилом возрасте? Ключевой для автора статьи является идея о том, что основной источник иронии – пожилой возраст сам по себе, что проявляется на различных уровнях. Прежде всего, данный процесс затрагивает физиче-

¹ Schachter-Shalomi Z., Miller R. From age-ing to sage-ing: A profound new vision of growing older. – N.Y.: Warner, 1995. – P. 124–126.

² Hutcheon L. Irony's edge: The theory and politics of irony. – L.: Routledge, 1994.

³ Ray R. Beyond nostalgia: Aging and life-story writing. – Charlottesville: Univ. press of Virginia, 2000. – P. 29.

⁴ Gullette M.M. Aged by culture. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 2004. – P. 158.

ский уровень. Тело пожилого человека уже ему не подчиняется, и это дает повод для шуток. Многие анекдоты о пожилых носят откровенно эйджистский характер; при этом они доставляют удовольствие самим пожилым людям, позволяя им с юмором взглянуть на собственную смертность. На социальном уровне имеют место предсказуемые изменения. Умирают супруги и друзья; как следствие, человек оказывается в некоторой изоляции. Тем не менее он может увидеть в этом определенную жизненную иронию, а именно то, что жизнь не всегда развивается по одному и тому же сценарию и что нам следует принимать от нее все – не только удобные нам подарки. На личностном уровне (в оригинале – *developmental level*) индивид наконец преодолевает четыре «великих жизненных нарратива»: 1) что он всегда будет жить со своими родителями и навсегда сохранит роль ребенка; 2) что родители окажут ему помощь всякий раз, когда он не сможет что-либо сделать или решить самостоятельно; 3) что то, как они научили его воспринимать себя, – это единственно правильная версия его самого; 4) что в мире не существует смерти и настоящего зла. По Р. Гулду, уже в молодости мы осознаем ошибочность этих установок, однако они продолжают довлеть над нами и в зрелом возрасте¹. Еще от двух установок – что «их тело всегда будет на их стороне» и что «они будут жить вечно» – большинство людей естественным образом избавляются именно в пожилом возрасте. Согласно Дж. Лёвингер, личностное развитие идет по пути расширения, или «децентрализации», это, в результате чего интересы других людей становятся важнее собственных². Тем самым индивид может увидеть свою жизнь не в эгоистическом ключе, как замкнутую на нем одном, а в контексте общечеловеческой истории, как мост между предыдущими и будущими поколениями. По наблюдениям Д. Макадамса, жизненные истории людей, достигших подобной ступени в своем личностном развитии, сложны, вариативны и оттого особенно интересны³. Представляется, что эти люди обрели

¹ *Gould R. Transformations: Growth and change in adult life. – N.Y.: Touchstone, 1978. – P. 39.*

² *Loevinger J. Ego development: Conceptions and theories. – San Francisco (CA): Jossey-Bass, 1976.*

³ *McAdams D. Power, intimacy and the life story: Personological inquiries into identity. – N.Y.: Guilford, 1988. – P. 128.*

мудрость, которая, по определению Э. Эриксона, являет собой «отстраненный интерес к жизни перед лицом смерти»¹.

На когнитивном уровне происходят изменения в работе левого и правого полушарий мозга. Геронтолог Дж. Коэн отмечает улучшение баланса между мыслями и чувствами, а также нарастающую тенденцию к «постформальному» мышлению, иначе называемому «диалектическим»². Благодаря этому индивид осознает относительность своих знаний, в том числе знаний о самом себе. Одновременно проявляется большая склонность к мифу и метафоре. Психолог Г. Лабуви-Виф приходит к заключению, что пожилые читатели «конструируют текст не только логически, но также психологически и символически»³. На духовном уровне пожилые люди испытывают «поражение, которое может обернуться победой»⁴. Именно с пожилыми происходит нечто исключительно важное, а именно смерть, – они указывают путь всем остальным; таким образом, в определенном смысле пожилой человек – это человек *par excellence*. Для описания этой ситуации Л. Торнстам использовал термин «геротрансценденция»⁵. В состоянии геротрансценденции проблематизируются границы между жизнью и смертью, Я и другими, прошлым и будущим. Человек ощущает, что живет скорее в некоем космическом, нежели повседневном земном контексте. От тех или иных религиозных верований и ритуалов люди движутся в сторону общей духовности, не связанной ни с какими конкретными конфессиями. Они обретают большее спокойствие и смирение перед лицом того, что их ожидает. На биографическом уровне наблюдается своего рода герменевтический поворот. Пожилые люди на основании своего опыта и своей причастности к метафоре и иронии имеют особую склонность к толкованию своей жизни как текста. У. Рэндалл рекомендует не пренебрегать этим текстуальным бытием («textistence») (с. 172), поскольку оно обогащает отношения индивида с самим собой и с окружающими. Чем

¹ Erikson E., Erikson J., Kivnick H. Vital involvement in old age. – N.Y.: Norton, 1968. – P. 37–38.

² Cohen G. The mature mind: The positive power of the aging brain. – N.Y.: Basic books, 2005. – P. 36–38.

³ Labouvie-Vief G. Wisdom as integrated thought: Historical and developmental perspectives // Wisdom: Its nature, origins and development / ed. by R. Sternberg. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1990. – P. 69.

⁴ Scott-Maxwell F. The measure of my days. – L.: Penguin, 1968. – P. 5.

⁵ Tornstam L. Gerotranscendence: A theory about maturing into old age // J. of aging a. identity. – N.Y., 1996. – Vol. 1, N 1. – P. 37–50.

внимательнее человек присматривается к своей жизни, тем ироничнее становится его взгляд на нее. Рассказывая свои жизненные истории, люди помещают свою жизнь в более широкий контекст, начинают больше ценить свои достижения и с большим пониманием относиться к неудачам. Истории могут рассказываться друзьям или терапевту либо фиксироваться на бумаге, принимая форму мемуаров. Когда жизнь не просто проживается, но и рассказывается, появляется возможность увидеть ее с разных углов зрения, обнаружить в себе самом множество разных героев. В результате рождается то, что получило название «динамических», или «творческих», воспоминаний¹. Такие воспоминания становятся источником личностного роста и исцеления². В связи с этим в психотерапии получает распространение практика «управляемой автобиографии» («guided autobiography») (с. 173). По словам пионеров данного направления, Дж. Биррена и Д. Дойчман, креативные метафоры и поэзия позволяют выразить то, что вследствие эмоциональной нагруженности трудно выразить конвенциональными способами³. В итоге происходит творческий, культурный, ценностный взаимообмен между автором, текстом и слушателем / читателем.

Автор выделяет следующие благотворные действия практики рассказа жизненных историй. Человек задумывается, почему у него сохранились именно эти воспоминания. Он видит свою жизнь в различных перспективах и учится отделять собственные воспоминания от контекста, исторических событий, а также иллюзий (при этом он понимает, что воспоминания – это не только реконструкция, но и конструкция, что самообман – естественный продукт данного процесса); он видит, как вносит смысл в свои воспоминания. Он также осознает, как его окружение формирует его

¹ Chandler S., Ray R. New meanings for old tales: A discourse-based study of reminiscence and development in later life // Critical advances in reminiscence work: From theory to application / ed. by J. Webster, B. Haight. – N.Y.: Springer, 2002. – P. 76–94; Creative reminiscence as an early intervention for depression: Results of a pilot project / Bohlmeijer E., Valenkamp M., Westerhof G., Smit G., Cuijpers P. // Aging a. mental health. – Abingdon, 2005. – Vol. 9, N 4. – P. 302–304.

² De Medeiros K. Beyond the memoir: Telling life-stories using multiple literary forms // J. of aging, humanities a. the arts. – Abingdon, 2007. – Vol. 1, N 3–4 (spec. iss.: Narratives of life: Aging and identity). – P. 159–167.

³ Birren J., Deutchman D. Guiding autobiography groups for older adults: Exploring the fabric of life. – Baltimore (MD): Johns Hopkins univ. press, 1991. – P. 81.

жизненный путь. Кроме того, он понимает, что может, а чего не может рассказать, и несколько проливает свет на свое «нарративное бессознательное»¹. Он обнаруживает зазор между мыслями и чувствами, в который проникает ирония², и наблюдает, как она функционирует внутри его воспоминаний. Наконец, он замечает, что и прошлое, и настоящее, и будущее постоянно изменяются, что смысл постоянно развивается³. Оглядываясь на свою жизнь, человек становится не только «Я-писателем», но и «Я-читателем». Я сегодняшнее противостоит Я вчерашнему. И из многообразия Я, утверждает исследователь автобиографий П.Дж. Икин, рождается многообразие историй жизни⁴.

Развивать – полную иронию – мудрость автор статьи советует посредством «обогащения», «освобождения», «освещения» и «объединения» жизненных историй. По словам У. Рэндалла, многие подходят к пожилому возрасту с истонченным Я и бедными жизненными историями. Они знают, кем они были, когда работали, воспитывали детей, но не знают, кто они сейчас. Такие приемы, как «динамические воспоминания», «управляемая автобиография» и написание мемуаров, позволят им глубже заглянуть в свой внутренний мир. Они откроют в себе «нарративные ресурсы»⁵, которые помогут им справиться с вызовами старшего возраста. Еще одна типичная ситуация – это «нарратив заката» (цит. по: с. 176)⁶: пожилой человек рассматривает свою жизнь в свете близкого конца, как набирающее обороты увядание. Однако благодаря ироническому мировоззрению можно «переписать» себя и свою жизнь. Человек может увидеть, что он вовсе не находится в центре картины, что он, напротив, часть более обширного жизненного полотна. А в то время как он уверен, что жизнь практически закончилась, он может обнаружить, что его еще немало ожидает впереди. Тогда,

¹ Freeman M. Hindsight: The promise and peril of looking backward. – N.Y.: Oxford univ. press, 2010. – P. 123.

² Hutcheon L. Irony's edge: The theory and politics of irony. – L.: Routledge, 1994. – P. 89–115.

³ Charmé S. Meaning and myth in the study of lives: A Sartrean perspective. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania press, 1984. – P. 4.

⁴ Eakin P.J. How our lives become stories: Making selves. – Ithaca (NY): Cornell univ. press, 1999. – P. XI.

⁵ Freeman M. Hindsight: The promise and peril of looking backward. – N.Y.: Oxford univ. press, 2010. – P. 123.

⁶ Gullette M.M. Aged by culture. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 2004.

по словам Б. Фридан, старение превратится в приключение¹. Ф. Скотт-Максвелл убеждена, что пожилой возраст – это время открытия. На вопрос, в чем это открытие состоит, она отвечает, что каждый должен понять это сам, иначе оно перестанет быть открытием². Кроме того, ирония помогает индивиду увидеть свою жизнь как элемент общечеловеческой истории и, когда наступит момент, признать, что «это всего лишь жизнь», – отпустить ее. Наконец, важно также делиться своими историями. Как пишет Р. Рэй, мудрые люди рассказывают свои истории, черпают опыт из рассказов других и позволяют новым историям и интерпретациям проникать в свой «репертуар»³. В другой работе У. Рэндалл назвал подобный духовно обогащающий круг общения «средой мудрости» («wisdom environment») (цит. по: с. 177)⁴. В таких средах люди обретают уважительных слушателей, учатся у других нарративным стратегиям и обогащают свои собственные истории. Нарративы, которые появляются в итоге, «многообразны» и «текучи»⁵; они не замкнуты, допускают развитие и способствуют тому, что люди принимают будущее амбивалентным и неопределенным.

В заключение автор подробнее останавливается на вопросе взаимодействия между иронией и так называемым «позитивным старением»⁶. Известно, что ирония может пойти в негативном направлении и обернуться сарказмом. Более того, она может вообще исчезнуть. Поэтому, подчеркивает У. Рэндалл, необходимо постоянно трудиться, вырабатывая и укрепляя ироничный взгляд на жизнь. Г. Лабуви-Виф выделяет два варианта позитивного развития – «прямой путь» («high road») и «окольный путь» («low road»). Индивид, выбирающий «окольный путь», стремится к спокойному, комфортному существованию, по возможности отгораживаясь от негативного опыта и избегая общения с неприятными людьми,

¹ *Friedan B.* The fountain of age. – N.Y.: Simon & Schuster, 1993. – P. 571–612.

² *Scott-Maxwell F.* The measure of my days. – L.: Penguin, 1968. – P. 142.

³ *Ray R.* Beyond nostalgia: Aging and life-story writing. – Charlottesville: Univ. press of Virginia, 2000. – P. 29.

⁴ *Randall W., Kenyon G.* Ordinary wisdom: Biographical aging and the journey of life. – Westport (CT): Praeger, 2001.

⁵ *Bateson M.* Narrative, adaptation and change // *Interchange*. – N.Y., 2007. – Vol. 38, N 3. – P. 213–222.

⁶ *Labouvie-Vief G.* Positive development in later life // *Handbook of the humanities and aging* / ed. by T. Cole, R. Kastenbaum, R. Ray. – 2nd ed. – N.Y.: Springer, 2000. – P. 365–380; *Gergen M., Gergen K.* Positive aging // *Ways of aging* / ed. by J. Gubrium, J. Holstein. – Oxford: Blackwell, 2003. – P. 203–224.

тем самым максимально сохраняя жизненное и душевное равновесие. Напротив, тот, кто идет «прямым путем», принимает любой опыт; структура его внутреннего мира сложнее, и отсутствие баланса его не смущает. Разницу между двумя путями У. Рэндалл видит в том, что одни стареют («getting old»), а другие становятся старше («growing old»). Ирония помогает идти «прямым путем». Как отмечает автор, есть работы, касающиеся взаимосвязи между иронией и гендером, иронией и творчеством и т.п.¹ По его словам, он не ставил себе задачу охватить всю данную проблематику, что, собственно говоря, было бы и невозможно сделать. Его цель состояла в том, чтобы ввести определенную идею, продемонстрировать роль иронии в развитии мудрости и позитивном старении. Различные аспекты данной темы еще предстоит исследовать, подводит итог своей статье У. Рэндалл.

Я.В. Евсеева

¹ Terrill L., *Gullifer J.* Growing older: A qualitative inquiry into the textured narratives of older, rural women // *J. of health psychology*. – L., 2010. – Vol. 15, N 5. – P. 707–715; Said E. On late style: Music and literature against the grain. – N.Y.: Vintage, 2006.

СОЦИОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ. ВОПРОСЫ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Хофф А., Перек-Бялас Й.

К СОЦИОЛОГИИ СТАРЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ¹. (Реферат)

Реф. ст.: *Hoff A., Perek-Bialas J.* Towards a sociology of ageing in Central and Eastern Europe // *Studia socjologiczne*. – Warszawa, 2015. – N 2. – S. 9–21.

Ключевые слова: старение населения; социология старения; Центральная и Восточная Европа.

Реферируемая статья Андреаса Хоффа (Университет прикладных наук Гёрлица – Циттау, Германия) и Йоланты Перек-Бялас (Варшавская школа экономики; Ягеллонский университет, Краков) представляет собой введение к специальному выпуску польского журнала «*Studia socjologiczne*» (*Социологические исследования*, 2015, № 2)², посвященному социологии старения.

Как отмечают авторы, страны Центральной и Восточной Европы еще не разрешили социальные проблемы, вызванные посткоммунистическими трансформациями, и вот они уже столкнулись с новым вызовом, а именно переходом к стареющим обществам. В своей статье авторы намерены продемонстрировать, что социология старения обладает необходимым инструментарием для анализа проблем, характерных для стареющих обществ, а также стратегиями их решения. В статье дается обзор теорий в области

¹ Впервые обзор был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 3. – С. 57–63.

² *Studia socjologiczne*. – Warszawa, 2015. – N 2.

социологии старения, завершающийся описанием специфики исследований в рассматриваемом регионе, и прежде всего в Польше.

Четверть века назад, напоминают авторы, прокатившиеся по странам Центральной и Восточной Европы революции положили конец коммунистическим режимам в странах региона. В результате социальные институты в этих странах было необходимо полностью реорганизовывать. Перемены произошли как на макро-, так и на микроуровне. Многие люди оказались в совершенно новых жизненных условиях: одновременно со свободой слова и свободой перемещений пришли ранее малоизвестные риски – безработица, крайняя бедность, социальная эксклюзия, доступ к медицинской помощи на основе финансовых ресурсов, а не политической лояльности, и т.п. Миллионы людей столкнулись с материальными трудностями, которые им до этого не доводилось испытывать. Пришлось принимать непростые решения – иметь или не иметь детей, остаться на родине или уехать, на время либо навсегда. Новым вызовом для стран Центральной и Восточной Европы (далее – ЦВЕ) стало старение населения. Согласно приводимым авторами статьи данным, если в 1990 г. люди старше 65 лет составляли от 10% (Польша) до 13% (Венгрия) населения стран региона, то к 2010 г. эти показатели возросли, соответственно, до 13,5% (Польша) и 17,5% (Болгария). Как ожидается, в 2030 г. пожилые люди в странах ЦВЕ будут составлять от 1/5 до четверти населения (20% в Румынии, 24% в Болгарии и Словении), а в 2050 г. – более трети населения: от 33,5% в Словакии до 36% в Латвии. К 2060 г. в ЦВЕ будет проживать больше пожилых людей, чем где-либо в Европе; тем не менее особенностью региона является высокий процент пожилого населения в сельских районах, объясняемый желанием молодежи жить и работать в городах. Основная сложность, с точки зрения авторов, в данном случае состоит в том, что страны ЦВЕ стареют, еще не накопив достаточного материального капитала.

Согласно М. Райли и ее коллегам, социология старения изучает процессы старения на протяжении жизненного цикла, а также возраст как структурную черту обществ¹. Как и в социологии в целом, в социологии старения различают, с одной стороны, макроуровень (общество, социальные структуры) и микроуровень исследований (индивидуальный, или социально-психологический уровень) и, с другой стороны, нормативную и интерпретативную

¹ Riley M.W., Foner A., Waring J. Sociology of age // Handbook of sociology / ed. by N.J. Smelser. – Newbury Park (CA): SAGE, 1988. – P. 243–290.

перспективы¹. Индивидуальный опыт старения зависит от различных социальных факторов, в том числе социальной политики, экономического положения, социальной поддержки и т.п. Исследованием социальных аспектов старения занимаются социология старения и социальная геронтология. Теоретическую рамку социологии старения, как указывают авторы, сформировали такие социологические направления, как структурный функционализм, теория социального конфликта, теория социального обмена, символический интеракционизм, феноменология, социальный конструктивизм, а также классические труды Дюркгейма, Маркса и Вебера². Кроме того, были выработаны и собственные теоретические подходы.

Первой теорией старения, созданной социальными учеными, считается теория социального разобщения Э. Камминг и У. Генри (1961), согласно которой старение представляет собой процесс постепенного сокращения взаимодействия между человеком и окружающим его обществом³. Эта теория вызвала бурные дебаты в научной среде; критике, в частности, подверглись универсальный детерминизм теории Камминг и Генри и их убежденность в том, что разобщение способствует оптимальному функционированию общества. Такие социальные факторы, как гендер, профессиональный и семейный статус, этничность и класс, не нашли в данной теории своего отражения. Противоположная по характеру теория – теория активности Р. Хэвигхёрста – по-прежнему пользуется популярностью у социологов и геронтологов⁴. Постулируя, что удовлетворенность жизнью в пожилом возрасте определяется продолжением значимой социальной активности, она послужила основой для многочисленных изысканий в области активного старения. Тем не менее ряд исследователей сочли необходимым заметить,

¹ Marshall V.W., Bengtson V.L. Theoretical perspectives on the sociology of aging // Handbook of sociology of aging / ed. by R.A. Settersten, jr., J.L. Angel. – N.Y.: Springer, 2011. – P. 17–34.

² Settersten R.A., jr., Angel J.L. Trends in the sociology of aging: Thirty-year observations // Handbook of sociology of aging / ed. by R.A. Settersten, jr., J.L. Angel. – N.Y.: Springer, 2011. – P. 3–16.

³ Cumming E., Henry W. Growing old: The process of disengagement. – N.Y.: Basic books, 1961.

⁴ Havighurst R.J. Successful aging // Processes of aging: Social and psychological perspectives / ed. by R.H. Williams, C. Tibbitts, W. Donohue. – N.Y.: Atherton press, 1963. – P. 299–320.

что снизившийся достаток и ухудшающееся здоровье могут не позволить пожилым людям заниматься привычной деятельностью¹.

Теория возрастной стратификация, разработанная М. Райли и ее коллегами, связала индивидуальный жизненный цикл с социально-историческим контекстом². Согласно данной теории, социальные роли и социальный статус приписываются индивиду на основе его возраста, который в этом случае предстает в качестве такой же структурной переменной, как, например, класс. Поскольку социальные структуры со временем претерпевают изменения, жизненные циклы представителей различных поколений протекают в разных социальных контекстах. На характер жизненного цикла оказывают воздействие и другие факторы – в частности, размер когорты повлияет на то, насколько просто или сложно индивиду будет найти работу, жениться, обеспечить себе достаточную пенсию. Одним из источников формирования теории в исследованиях поколений послужили работы К. Мангейма³. Наряду с этим развивались исследования жизненного цикла, берущие свое начало в возрастной психологии. Здесь выделяют два основных подхода: 1) персонологический, изучающий детский опыт и прогнозирующий его роль в последующей жизни индивида, в том числе в пожилом возрасте (ярким примером данного подхода является гипотеза кумулятивного преимущества⁴); 2) институциональный, видящий в жизненном цикле не что иное, как социально-политический конструкт (см., например, работы М. Коли⁵).

Еще одним важным фокусом исследовательского интереса в рассматриваемой области являются образы старения, определяющие социальный статус пожилых людей и отношение к ним обще-

¹ *Achenbaum W.A.* A metahistorical perspective on theories of ageing // *Handbook of theories of aging* / ed. by V.L. Bengston, D. Gans, N.M. Putney, M. Silverstein. – 2nd ed. – N.Y.: Springer, 2009. – P. 25–38.

² *Riley M.W., Johnson M., Foner A.* Ageing and society. – N.Y.: Russel Sage foundation, 1972. – Vol. 3: A sociology of age stratification.

³ *Mannheim K.* The problem of generations // *Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge*. – Abingdon: Routledge, 2000. – P. 276–320. – 1st ed. 1928.

⁴ *O'Rand A.M., Henretta J.C.* Age and inequality: Diverse pathways through later life. – Boulder (CO): Westview press, 1999; *Dannefer D.* Cumulative advantage / disadvantage and the life course: Cross-fertilizing age // *J. of gerontology: Psychological sciences a. social sciences*. – Oxford, 2003. – Vol. 58, N 6. – P. 327–337.

⁵ *Kohli M.* Die Institutionalisierung des Lebenslaufs: Historische Befunde und theoretische Argumente // *Kölner Ztschr. für Soziologie u. Sozialpsychologie*. – Wiesbaden, 1985. – Bd. 37, H. 1. – S. 1–29.

ства (работы М. Фезерстоуна и М. Хепворта¹). Эти образы не являются неизменными; они подвергаются воздействию социальных норм и ценностей, характерных для того или иного социально-исторического контекста.

Подводя итог своему обзору теорий в области социологии старения, авторы отмечают, что с точки зрения методологии социология старения эволюционировала от описательных работ к объяснительным теориям, от базовых к многоуровневым исследованиям, от кросс-секционных к лонгитюдным данным, от локальных к общенациональным опросам. Потребовалось время, чтобы она была признана и институционализирована в качестве отрасли социологии. В 1975 г. исследовательский комитет по социологии старения появился в структуре Международной социологической ассоциации, а в 1979 г. Американская социологическая ассоциация пополнилась секцией по исследованиям старения и жизненного пути. Европейская социологическая ассоциация включает в себя исследовательскую сеть Ageing in Europe.

Что касается стран Центральной и Восточной Европы, то в них, по словам Хоффа и Перек-Бялаш, процесс демографического старения еще только начинается, а социология старения еще в самом начале своего пути. В Польше, находящейся в фокусе данного журнала, первые исследования социологических аспектов старения связаны с именем Ежи Петровского². Брунон Синак стал первым польским профессором социологии со специализацией в области геронтологии. Свой вклад в развитие отечественной социологии старения внесли Войцех Педих, Анджей Зых, Барбара Шатур-Яворска³. Первая секция по социологии старения, получившая название «Старение и общество», была организована авторами данной статьи в 2007 г., в рамках XIII Польского социологического конгресса. Собственно социологии старения была посвящена секция на следующем конгрессе в 2010 г. А данный выпуск журнала *Studia socjologiczne* составили доклады секции на

¹ Featherstone M., Hepworth M. Images of ageing: Cultural representations of later life // The Cambridge handbook of age and ageing / ed. by M.L. Johnson. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – P. 354–362.

² Piotrowski J. Miejsce człowieka starego w rodzinie i społeczeństwie. – Warszawa: Państwowe wydawn. naukowe, 1973.

³ Pędich W. Ludzie starzy. – Warszawa: CRSS, 1996; Zych A.A. Człowiek wobec starości: Szkice z gerontologii społecznej. – Warszawa: Interart, 1995; Szatur-Jaworska B. Ludzie starzy i starość w polityce społecznej. – Warszawa: IPS Uniw. Warszawski: ASPRA-JR, 2000.

15-м Польском социологическом конгрессе, состоявшемся в 2013 г. в Щецине. Большинство авторов – родом из Польши; кроме того, в публикацию были включены тексты исследователей из Чехии и Словении.

Несколько докладов были посвящены вопросам ухода за пожилыми людьми. Помещая феномен неформального ухода за пожилыми в контекст бедности и недостатка институциональных возможностей, Магдалена Росочацка-Гмитшак и Мариола Рацлав (Варшавский университет) рассматривают его как динамический процесс, одновременно инструментальный и эмоциональный; исследователи приходят к выводу, что межпоколенческие отношения тяготеют к все большей амбивалентности. Марцела Петрова-Кафкова (Масариков университет, г. Брно, Чехия) исследует уход, осуществляемый самими пожилыми; ее работа основывается на данных лонгитюдного общенационального опроса в 18 европейских странах и Израиле. Валентина Хлебец (Люблянский университет, Словения) анализирует различные варианты ухода за пожилыми людьми и делает особый акцент на уходе на дому, который выбирают большинство семей в стране. Изучая опыт польских мигрантов в Австрии и Исландии, Лукаш Кржижовский (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия) выясняет, какое влияние на практики ухода оказывают международная миграция и различные культурные контексты.

Еще одна группа докладов освещает медико-социальные вопросы. Беата Тобиаш-Адамчик и Катажина Завиша (Ягеллонский университет, Краков) исследуют социально-медицинские факторы, определяющие региональные вариации неформального социального капитала в пожилом возрасте в семи областях Польши на основе самоописаний здоровья респондентов, их миграционного статуса и социально-демографических характеристик. Барбара Вожняк, Катажина Завиша и Моника Бржиска (Ягеллонский университет, Краков) в своем докладе подтвердили гипотезу о том, что религиозные практики могут оказывать положительное влияние на самочувствие индивидов; тем не менее авторы признают, что в нескольких из рассмотренных случаев скорее состояние здоровья определяло религиозность, нежели наоборот.

Два следующих доклада были посвящены трудовой занятости пожилых людей. Юстина Штипиньска (Свободный университет Берлина, Германия) вскрывает механизмы проявления эйджизма на рабочем месте, а Конрад Турек (Ягеллонский университет, Кра-

ков) выясняет предпочтения польских работодателей относительно возраста потенциальных работников.

Наконец, три последних доклада отражают социально-культурные изменения, происходящие в польском обществе на фоне старения населения. Йоанна Залевска (Академия специальной педагогики, Варшава) исследует использование компьютера и Интернета польскими пожилыми, указывая на все еще недостаточную вовлеченность в данный процесс пожилых людей в Польше по сравнению с их сверстниками в других европейских странах. Малгожата Галицка, Ежи Галицкий, Эмилия Крамковска и Анна Шафранек (Белостокский государственный университет) рассматривают проблему физического насилия в отношении пожилых людей; по словам авторов, судебные органы не обладают нужными инструментами для защиты пожилых жертв, в связи с чем, по мнению Галицки и коллег, требуется изменение соответствующего законодательства. Пётр Чекановский и Ярослав Залецкий (Гданьский университет) рассказывают о разнообразных видах деятельности пожилых людей, которые они выявили в ходе своего качественного исследования (работа, хобби, спортивные занятия, встречи с друзьями, волонтерство и т.д.), – авторам представляется, что весь этот спектр активности еще не нашел своего отражения в работах польских социологов и необходимо расширять как теоретические, так и эмпирические исследования.

Я.В. Евсеева

**Луи М., Фландорфер П., ди Джулио П.
СТАРЕНИЕ В ПОЖИЛОМ ОБЩЕСТВЕ¹.
(Реферат)**

Реф. ст.: *Luy M., Flandorfer P., di Giulio P.* Ageing in an aged society: Experiences and attitudes of Catholic order members towards population ageing and older people // *Ageing a. society*. – Cambridge, 2013. – 24 July. – P. 1–36.

Ключевые слова: старение населения; пожилые; католицизм; монашество.

Старение населения – одна из наиболее значительных демографических тенденций современности, затрагивающая различные аспекты жизни в обществах по всему миру. Как указывают авторы реферируемой статьи, Марк Луи, Приска Фландорфер и Паола ди Джулио (Центр демографии и глобального человеческого капитала им. Витгенштейна, Вена, Австрия), стареющим обществам в ближайшем будущем предстоит решать сложные вопросы распределения ресурсов, потенциального конфликта поколений, устойчивого развития, поддержания системы здравоохранения и социальной сферы. При этом существуют сообщества, в которых пожилые люди на данный момент уже составляют большинство и чей опыт может представлять интерес для больших обществ. В числе наиболее ярких примеров подобных сообществ – европейские католические ордена, которые со второй половины XX в.

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2014. – № 4. – С. 117–122.

испытывают неуклонное снижение числа молодых послушников, притом что в целом, как и в окружающем обществе, продолжительность жизни повышается, так что средний возраст монахов и монахинь растет (см. диаграмму на с. 7). Используя опросник Р. Схунмакерса и др.¹, содержащий ряд вопросов на тему отношения европейцев к старению населения и его последствиям, авторы стремятся выяснить, какова специфика восприятия данных процессов членами католических орденов и какие выводы на этой основе можно сделать. Для своего исследования Луи и его коллеги выбрали один мужской и два женских монастыря в Баварии – католической области Германии. 132 монахини и 16 монахов заполнили опросник в конце 2006 – середине 2009 г.

Авторы отмечают, что, хотя первые упоминания о старении населения появились в немецкоязычной литературе еще в 1930-е годы, в центре политических и общественных дискуссий данный феномен оказался относительно недавно, отчего фундаментальные исследования, освещающие разные его стороны, стали появляться лишь в последнее десятилетие². Подобно тому как это имело место в англосаксонской традиции, современные немецкие авторы в большинстве своем относятся к одному из двух лагерей и видят в старении либо скорее отрицательное, либо по большей части положительное явление. По мнению первых, старение населения окажет негативное воздействие на экономику и социальные связи в обществе, вторые же считают, что появится больше возможностей для индивидуального развития. Среди последних встречаются также и те, кто надеется, что за счет развития медицины и новых технологий удастся преодолеть рост заболеваемости и инвалидности, необходимо сопровождающий старение населения³.

Начало изменений в монастырском укладе, приведших к нынешнему положению вещей, авторы статьи относят к итогам

¹ Attitudes towards population ageing and older people / Schoenmaeckers R.C., Callens M., Vanderleden L., Vidovićová L. // People, population change and policies / ed. by C. Höhn, D. Avramov, I.E. Kotowska. – Dordrecht: Springer, 2008. – P. 195–220.

² См., напр.: *Schimany P.* Die Alterung der Gesellschaft: Ursachen und Folgen des demographischen Umbruchs. – Frankfurt a. M.: Campus, 2003; *Frevel B.* Herausforderung demografischer Wandel. – Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwissenschaften, 2004; *Kaufmann F.-X.* Schrumpfende Gesellschaft: Vom Bevölkerungsrückgang und seinen Folgen. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2005.

³ Ageing populations: The challenges ahead / Christensen K., Doblhammer G., Rau R., Vaupel J.W. // *Lancet*. – Amsterdam, 2009. – Vol. 374, N 9696. – P. 1196–1208.

Второго Ватиканского собора (1962–1965), который в соответствии с идеями реформирования церкви утвердил свободу совести, повысил статус мирян (в том смысле, что и в миру можно достичь святости), упростил обряды богослужения, церковные одеяния и пр. Тем самым монашествующие лишались большей части своих как духовных, так и материальных привилегий. С другой стороны, сыграли свою роль и глубинные общественные процессы, протекающие в течение значительно более длительного времени, – такие, как, например, нарастание светских тенденций в европейской культуре, демократизация, повышение ценности личной свободы и женская эмансипация. Вплоть до начала XX в. католические монахини были в европейских обществах фактически единственными женщинами, которые могли занять высокий административный пост. Преподавание, сестринское дело, забота о нуждающихся (в будущем – социальная работа) также были типичными занятиями монахинь, однако в XX столетии все эти сферы профессионализировались, перешли в область светской культуры и стали доступными для мирянок. С повышением вариативности жизненных стилей и личностной мобильности немногие оказались готовы посвящать всю жизнь одной компании, оставаться до конца жизни с одним супругом, уходить на всю жизнь в монастырь. Все меньше людей были согласны терпеть такую авторитарную власть, как власть церкви. А после Второго Ватиканского собора желание уйти в монастырь фактически более не подкреплялось никакими дополнительными – статусными, карьерными и прочими – соображениями. При этом если число монахов сократилось значительно, число монахинь сократилось еще существеннее – прежде всего за счет женщин молодого и среднего возраста. В 2005 г. в баварских обителях на 100 монахинь 25–64-летнего возраста приходилось более 340 монахинь в возрасте от 65 лет и старше. В мужских монастырях этот показатель был в три раза ниже, т.е. тех и других насчитывалось приблизительно равное количество. В итоге средний возраст сестер в рамках настоящего исследования составил порядка 75 лет, братьев – 66 лет.

Упомянутый выше опросник применялся в ходе исследования, проводившегося в ряде европейских стран в 1990-е годы, а также в 2000–2003 гг. Во второй волне опросов приняли участие порядка 2 тыс. человек в возрасте от 20 до 65 лет из 13 стран Европы – Германии (отдельно – восточные и западные земли), Нидерландов, Бельгии (только Фландрия), Финляндии, Италии, Кипра, Венгрии, Румынии, Словении, Польши, Чехии, Литвы и

Эстонии. Респондентам было задано пять вопросов. Первые два вопроса касались отношения участников к: а) сокращению количества молодых людей и б) увеличению количества пожилых людей; эти явления предлагалось оценить по шкале от одного до пяти, где 1 – «замечательно», а 5 – «очень плохо». На третий вопрос – каким образом можно предотвратить будущие проблемы в пенсионной системе – требовалось выбрать не более двух вариантов ответа: повысить пенсионный возраст; повысить налоги; уменьшить размер пенсий; обязать детей содержать своих родителей; упразднить программы раннего выхода на пенсию; поставить размер пенсии в зависимость от количества детей (т.е. чем больше у человека детей, тем выше его пенсия); ни один из указанных вариантов. Четвертый вопрос прояснял отношение респондентов к тому, как, с их точки зрения, должен осуществляться переход от занятости к пенсии (можно было выбрать лишь один ответ): а) по достижении определенного возраста человек обязан уйти на пенсию; б) по достижении определенного возраста человек обязан уйти на пенсию, однако он имеет право совмещать пенсию и работу; в) на протяжении нескольких лет после достижения определенного возраста человек может постепенно сокращать свои рабочие часы. Наконец, в пятом пункте респонденты должны были выразить свое мнение о пожилых членах общества в целом; предлагалось оценить следующие высказывания по шкале от одного до пяти, где 1 – «полностью согласен», а 5 – «вообще не согласен»: а) благодаря своему большому опыту они приносят пользу обществу; б) они обеспечивают сохранение традиционных ценностей; в) они могут передать молодому поколению свои знания и навыки; г) общество должно гарантировать пожилым людям соблюдение их прав; д) остальные члены общества должны с вниманием относиться к заботам и чаяниям пожилых людей; е) пожилые более не продуктивны и лишь отнимают ресурсы у общества; ж) они препятствие для общества; з) они обуза для общества; и) они важный источник эмоциональной поддержки. Участники опроса также предоставляли сведения о своем возрасте, поле, семейном положении, наличии детей, образовании и занятости. Используя данную рамку для своего эмпирического исследования, авторы реферируемой статьи отнесли членов католических орденов к категориям «состоящие в зарегистрированном / гражданском браке» (married / cohabitating) и «бездетные»; об образовательном уровне было известно в отношении 122 из 148 братьев и сестер.

Исследование показало, что, хотя факт сокращения количества молодежи не вызывает у монахов и монахинь оптимизма, к самым пожилым людям они относятся позитивнее, нежели остальное население, причем это касается не только самых старых (что можно было бы отнести на счет их собственного возраста), но и молодых послушников и послушниц. Среди мирян более негативное отношение продемонстрировали жители стран Восточной Европы (в Германии – население восточных земель) с пиком негативизма в Эстонии; что касается индивидуальных показателей, наибольшую нетерпимость проявили молодые холостые бездетные мужчины с невысоким образовательным уровнем. Как отмечают авторы, принадлежность к монашествующим оказалась важнее пола, возраста и образования, так что на большинство ответов как братья, так и сестры дали схожие ответы. В частности, и те и другие (около 68% монахинь и 75% монахов) указали на необходимость постепенного перехода от занятости к пенсии (среди остального населения этот вариант выбрала только половина респондентов). Единственное расхождение авторы обнаружили в ответах на вопрос о предотвращении «сбоев» в работе пенсионной системы, где порядка 38% монахов выбрали вариант «поставить размер пенсии в зависимость от количества детей», в то время как аналогичное количество монахинь не сочло ни один из предложенных вариантов приемлемым. В целом авторы уверены, что членам католических орденов удастся поддерживать гармоничное сосуществование в своих «старых» сообществах и что в обителях выработаны собственные стратегии успешного старения.

Чтобы справиться с нехваткой молодых послушников, в настоящее время многие обители нанимают мирян для выполнения различных работ (авторы статьи проводят здесь параллель с наймом иммигрантов в европейских странах). Некоторые ордена с одинаковым уставом объединяются, хотя если монастырь – это родной дом, а братья или сестры – настоящая семья, то к подобным изменениям может быть нелегко приспособиться. Важным аспектом монастырской жизни является ее фактическая «безвозрастность»¹, поскольку монашествующие не проходят обычные для большинства мирян стадии – начало работы, заключение брака, рождение детей, окончание трудовой деятельности, вдовство. Для них характерна также так называемая «естественная пенсия»

¹ Klassen S. Greying in the cloister: The Ursuline life course in eighteenth-century France // J. of women's history. – Baltimore (MD), 2001. – Vol. 12, N 4. – P. 87.

(natural retirement)¹ – процесс, в рамках которого они постепенно, по мере ухудшения здоровья, отходят от дел, однако продолжают выполнять посильную работу практически до конца жизни. По мнению самих монахов и монахинь², именно эта традиция является одним из ключевых факторов их долголетия. Вплоть до самого конца они остаются в кругу близких людей, закат жизни в их представлении не ассоциируется с социальной изоляцией и одиночеством. Вера наделяет их надеждой и оптимизмом, а сознание того, что они идут именно тем путем, для которого они были предназначены, вселяет чувство удовлетворенности жизнью. Как представляется Луи и его коллегам, их исследование продемонстрировало, что старение населения необязательно должно нести с собой усиление негативного отношения к пожилым людям и рост межпоколенческой напряженности. Бережное отношение к семейным ценностям, плавный переход от занятости к пенсии и длительная социальная активность будут способствовать высокому статусу пожилых людей в обществе и, соответственно, могут стать ключом к решению многих проблем стареющих обществ.

Я.В. Евсеева

¹ *Nix J.T.* The senior sister: Renewal and new horizons // Proceedings of the Institute on planning for pre-retirement and retirement of religious. – Wash.: National conference of catholic charities, 1968. – P. 108.

² *Luy M.* Warum Mönche länger leben: Männer und Sterblichkeit: Erkenntnisse aus zehn Jahren Klosterstudie // Befreiungsbewegung für Männer: Auf dem Weg zur Geschlechterdemokratie: Essays und Analysen / hrsg. von P.-H. Gruner, E. Kuhla. – Gießen: Psychosozial-Verl., 2009. – S. 256–279.

Бёртон-Жангро К., Циммерманн-Слуцкис Д.
ТРАЕКТОРИИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ
ЖИЗНЬЮ СРЕДИ ПОЖИЛЫХ ШВЕЙЦАРСКИХ ЖЕНЩИН:
АНАЛИЗ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВОЗРАСТА,
ПЕРИОДА И КОГОРТЫ¹.
(Реферат)

Реф. ст.: *Burton-Jeangros C., Zimmermann-Sloutskis D. Life satisfaction trajectories of elderly women living in Switzerland: An age-period-cohort analysis // Ageing a. society. – Cambridge, 2016. – Vol. 36, N 1. – P. 106–132.*

Ключевые слова: *удовлетворенность жизнью; пожилые женщины; лонгитюдные исследования; Швейцария.*

Целью данного исследования, согласно его авторам, Клодин Бёртон-Жангро (Женевский университет, Швейцария) и Дорит Циммерманн-Слуцкис (Центр анализа данных и проектного менеджмента, Женева, Швейцария), было изучение распределения и траектории удовлетворенности жизнью (далее – УЖ) в качестве показателя качества жизни у пожилых швейцарских женщин. Оценивалось влияние ряда социальных детерминант на УЖ среди представительниц третьего и четвертого возраста в различных когортах. В основу были положены данные панельного исследования

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2017. – № 3. – С. 64–67.

швейцарских домохозяйств¹; анализ был проведен в отношении 1402 женщин в возрасте 65–84 лет. Как отмечают авторы, порядка половины пожилых швейцарских женщин удовлетворены жизнью. В младшей когорте средние показатели УЖ ниже; тем не менее их УЖ оставалась более стабильной в течение жизни. Факторами, положительно коррелирующими с УЖ, оказались: высшее образование, удовлетворительный доход, наличие социальной поддержки, проживание с партнером и хорошее субъективное здоровье.

Существующие исследования, согласно авторам, свидетельствуют об относительной стабильности качества жизни на протяжении старшего возраста². Некоторые исследователи связывают этот факт с тем, что пожилые люди на каждом новом этапе адаптируются к постепенно ухудшающемуся здоровью; другие авторы подчеркивают значимость социальных связей на протяжении всего пожилого возраста. Также было продемонстрировано, что субъективное ощущение здоровья и качества жизни не обязательно согласуется с некими объективными параметрами³. На данный момент указывает, в частности, то, что, хотя пожилые женщины находятся в существенно более невыгодном положении по сравнению с мужчинами (в связи с ограниченными социально-экономическими ресурсами, более распространенным среди них вдовством и т.п.), их УЖ отличается от мужской незначительно⁴. Оттого многие ученые считают важным придерживаться гендерного подхода в подобных исследованиях. На женскую УЖ, например, больше, чем на мужскую, влияет наличие социальных связей⁵. Есть и индивидуальные стратегии поддержания высокого качества жизни.

Пожилый возраст, пишут Бёртон-Жангро и Циммерманн-Слукис, не оторван от других возрастов; достигая пожилого возраста, люди несут с собой опыт всей предыдущей жизни. Поэтому

¹ См.: Swiss household panel. – Mode of access: <https://forscenter.ch/projects/swiss-household-panel/> (Accessed: 12.05.2017.)

² См., напр.: Gwozdz W., Sousa-Poza A. Ageing, health and life satisfaction of the oldest old: An analysis for Germany. – Bonn: IZA, 2009.

³ Allison P.J., Locker D., Feine J.S. Quality of life: A dynamic construct // Social science a. medicine. – Amsterdam, 1997. – Vol. 45, N 2. – P. 221–230.

⁴ Gaymu J., Springer S. Living conditions and life satisfaction of older Europeans living alone: A gender and cross-country analysis // Ageing a. society. – Cambridge, 2010. – Vol. 30, N 7. – P. 1153–1175.

⁵ Contextual effects on life satisfaction of older men and women / Bourque P., Pushkar D., Bonneville L., Béland F. // Canadian j. on aging. – Cambridge, 2005. – Vol. 24, N 1. – P. 31–44.

авторы статьи полагают необходимым ориентироваться на исследовательскую перспективу жизненного цикла. Соответственно, динамика качества жизни должна изучаться на двух уровнях – интрасубъективном (эволюция качества жизни индивида) и интерсубъективном (разница в качестве жизни различных социальных групп, а также когорт). Так, в своем исследовании условий жизни нескольких последовательных когорт Л. Шовель показывает, как родившиеся после Второй мировой войны росли в более благоприятных условиях, чем те, чье детство пришлось на военное время¹. Это, очевидно, повлияло на ожидания людей в отношении предстоящего пожилого возраста; ожидания родившихся раньше оказались ниже, а их УЖ, следовательно, – выше.

Характеризуя местный контекст, авторы сообщают, что в целом у швейцарского населения хорошие социальные условия и высокая продолжительность жизни. В 2013 г. Швейцария заняла первое место в составляемом Всемирным экономическим форумом рейтинге стран мира по уровню развития человеческого капитала, получив высокую оценку, прежде всего, по таким показателям, как здоровье, физическое и психологическое благополучие, а также трудоустройство и занятость. В соответствии с типологией моделей государства всеобщего благосостояния Й. Эспинга-Андерсена² швейцарская система, полагают авторы, может быть описана как сочетание консервативной модели (ориентированной на социальную защиту пожилых, безработных и людей с инвалидностью, подобно Германии и Франции) и либеральной модели (делающей ставку на частный сектор и поддерживающей наиболее обездоленных, как это имеет место в США и Великобритании). В общем и целом финансовую ситуацию пожилых людей можно оценить как благоприятную, хотя их доход в среднем ниже, чем у работающего населения. Однако есть и бедные пожилые, получающие только пенсию по возрасту (не трудовую).

Авторы решили не рассматривать отдельно мужчин и женщин, а сосредоточить внимание на женском населении. Они изучали две возрастные категории – «молодых пожилых» (65–74 года) и «старых пожилых» (75–84 года). Были сформулированы следующие гипотезы: 1) УЖ у женщин младшей когорты будет ниже

¹ *Chauvel L.* Le destin des générations: Structure sociale et cohortes en France au XXe siècle. – P.: PUF, 1998.

² *Esping-Andersen G.* The three worlds of welfare capitalism. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 1990.

остальных; 2) по мере ухудшения здоровья УЖ будет снижаться; 3) женщины из младшей когорты обладают большими социальными ресурсами, а значит, их УЖ будет более стабильной.

Панельное исследование швейцарских домохозяйств началось в 1999 г. Каждый год отобранные на основе случайной выборки жители в возрасте 14 лет и старше интервьюируются по телефону с помощью компьютерной программы. С 1999 по 2010 г. было опрошено 15 507 человек. Исследуемых пожилых женщин авторы отнесли к трем когортам – старшей (1916–1925 г. р.), средней (1926–1935 г. р.) и младшей (1936–1945 г. р.). Год рождения и возраст определяют период. Отсутствие в выборке женщин старше 85 лет объясняется тем, что они недостаточно представлены в самом исследовании домохозяйств: люди старше 85 лет составляют 6,5% швейцарского населения, и порядка 28% из них проживают в домах для престарелых, а опрашивались только люди, проживающие в частных домах. УЖ оценивалась по одиннадцатибальной шкале – от 0 («совсем не удовлетворена») до 10 («полностью удовлетворена»). Аналогичным образом исчислялась и удовлетворенность доходом; в отличие от цифры как такового дохода она включает в себя и имеющиеся накопления. Также по шкале от 0 до 10 вычисляли объем социальной поддержки, которая была подразделена на поддержку от партнера, от родственников, от соседей, от друзей и от коллег; уровень до 5,4 включительно был признан низким, от 5,5 – высоким. Субъективное здоровье оценивалось как отличное, хорошее, удовлетворительное, посредственное и плохое, соответственно.

Ниже авторы подробно описывают проведенный ими статистический анализ (с. 115–117). Переходя к результатам исследования, Бёртон-Жангро и Циммерманн-Слукис сообщают, что среди «молодых пожилых» УЖ существенно не варьируется в зависимости от когорты. Среди «старых пожилых» представительницы старшей когорты несколько более удовлетворены жизнью, чем более молодые женщины, однако по мере старения старшие демонстрируют постепенное снижение УЖ. Согласно расчетам авторов, на 57% УЖ сопряжена с социальными детерминантами. Уровень всех социальных факторов УЖ выше у младшей когорты: у них выше образование и доход, они чаще состоят в браке, они здоровее. В то же время и 2/3 старших женщин удовлетворены своим здоровьем. Хорошее образование, достаточная социальная поддержка, проживание с партнером и хорошее здоровье повышают УЖ на 50–100%, удовлетворенность доходом – на 300%. Далее авторы очер-

чивают траектории УЖ в зависимости от социальных факторов. Так, среди женщин с ограниченными ресурсами траектории более разнообразны: у некоторых УЖ со временем несколько повышается, в особенности у респондентов с низким уровнем образования, в то время как у ряда одиноко проживающих и отличающихся плохим здоровьем УЖ значительно снижается. Наибольшая гетерогенность характерна для «старых пожилых»; на их УЖ наибольшее влияние оказывает наличие / отсутствие тех или иных социальных ресурсов. При этом современные «старые пожилые» в отличие от «старых пожилых» предыдущего исторического периода отмечают некоторое повышение УЖ с возрастом. В целом, как выяснили авторы, УЖ повышается с 65 до 70 лет, затем несколько снижается и стабилизируется в районе 75 лет. У женщин с наибольшим объемом разнообразных ресурсов УЖ падает после выхода на пенсию, но затем вновь растет и после 75 лет достигает более высоких показателей, чем у тех, кто находится в менее благополучном положении.

Подводя итог проведенному исследованию, Бёртон-Жангро и Циммерманн-Слущис отмечают, что, поскольку они прожили всю жизнь в лучших условиях, самые молодые из пожилых женщин предъявляют более высокие требования и к нынешнему периоду своей жизни и, соответственно, их УЖ ниже, чем у тех, кто старше. И хотя данный тренд, очевидно, указывает на возросшие потребности пожилых, это также означает, что они будут проявлять бóльшую активность в планировании собственной старости. Тем самым настоящее исследование свидетельствует, по словам его авторов, не только о новых вызовах, но и о новых возможностях в оказании социальной поддержки (как формальной, так и неформальной) пожилым людям.

Я.В. Евсеева

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Будини К.

«АКТИВНОЕ СТАРЕНИЕ»: ОТ ПУСТОЙ РИТОРИКИ К ЭФФЕКТИВНОМУ ИНСТРУМЕНТУ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ¹. (Реферат)

Реф. ст.: Boudiny K. «Active ageing»: From empty rhetoric to effective policy tool // Ageing a. society. – Cambridge, 2013. – Vol. 3, N 6. – P. 1077–1098.

Ключевые слова: активное старение; продуктивное старение; социальная геронтология; ВОЗ.

Вопросы активного старения привлекают внимание все большего числа ученых и политиков. Тем не менее, как полагает автор реферируемой статьи Ким Будини (Антверпенский университет, Бельгия), на данный момент отсутствует четкая идея о том, что же это явление собой представляет, вследствие чего оно часто принимает форму не более чем пустой риторики. Автор ставит перед собой задачу проанализировать существующие концепции активного старения, разграничив данное понятие и другие близкие к нему понятия – «здоровое старение» и «продуктивное старение», – а также наметить стратегию активного старения, которая отвечала бы интересам самых разных пожилых людей и могла бы послужить основой эффективной социальной политики в области старения.

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2015. – № 1. – С. 151–158.

В 1940–1950-е годы в социальной геронтологии, отмечает автор, превалировала теория социальной активности, которая акцентировала важность поддержания активного образа жизни в пожилом возрасте. Этот подход к старению подвергся критике за то, что, как утверждалось, переносил на пожилой возраст модели поведения, в большей мере характерные для среднего возраста¹. В начале 1960-х годов появилась теория, представлявшая старение как процесс постепенного исхода пожилого человека из общества и получившая название «теория разобщения». Критики, однако, утверждали, что подобное разобщение, если и имеет место, носит скорее частный, нежели повсеместный характер, в то время как для большинства людей социальные связи остаются исключительно важными, в том числе и в пожилом возрасте².

По словам автора статьи, в течение длительного времени в социogerонтологической литературе доминирующей была негативная модель старения, ставившая во главу угла его отрицательные, а не положительные стороны: ухудшение здоровья, неспособность работать в полную силу и пр. Такой взгляд оправдывал ранний выход на пенсию, ставший нормой в большинстве западных стран в послевоенный период. Это также соответствовало принятой трехфазной модели жизненного цикла: учеба – работа – пенсия. Тем не менее в 1980-е и особенно в 1990-е годы наметился сдвиг в сторону более позитивных подходов. Под влиянием процессов глобального старения населения на первый план вышли концепции «продуктивного старения» (*productive ageing*), «здорового старения» (*healthy ageing*) и активного старения. Акцент с того, чего пожилые люди не могут, смещается на то, что они могут, на их знания и навыки.

ВОЗ приняла программу по активному старению в конце 1990-х годов и способствовала ее широкому распространению. Специалисты организации призывали оптимизировать имеющиеся возможности, для того чтобы обеспечить пожилым людям здоровый образ жизни, полноценное участие в жизни общества и безопасность, повысив тем самым качество их жизни³. На данный момент

¹ Walker A. A strategy for active ageing // *International social security rev.* – Hoboken (NJ), 2002. – Vol. 55, N 1. – P. 121–139.

² Cumming E., Henry W.E. *Growing old: The process of disengagement.* – N.Y.: Basic books, 1961.

³ Active ageing: A policy framework / World Health Organisation (WHO). – Geneva: WHO, 2002.

существует несколько подходов к активному старению. Три, с ее точки зрения, основных К. Будини анализирует в настоящей статье.

Большинство сторонников первого подхода рассматривают активное старение прежде всего как продление трудовой активности людей. Экономический аспект лежит в основе программ по активному старению, внедряемых национальными правительствами многих индустриально развитых стран. Некоторые инициативы касаются исключительно пенсионной системы, другие направлены также на борьбу с возрастной дискриминацией на рабочем месте и расширение возможностей пожилых работников¹. Последнему, как предполагается, должны способствовать продолжение образования и профессиональная переподготовка. В итоге ряд исследователей указывают на то, что политика в области образования пожилых людей в большей мере подчинена трудовым интересам, нежели ориентирована на духовное развитие в старшем возрасте².

Подобный одномерный взгляд представляется К. Будини недостаточным. Она полагает, что он идет вразрез с изначальной идеей ВОЗ, в соответствии с которой активное старение предполагает не просто поддержание физической / трудовой активности, а участие в социальной, экономической, культурной, духовной и гражданской жизни общества. Кроме того, он может не соответствовать представлениям о старении самих пожилых людей, многие из которых не желают, чтобы им предписывали необходимость повышенной, «молодежной» активности³. Данный подход исключает из процесса активного старения тех пожилых людей, которые не работают либо имеют серьезные проблемы со здоровьем, а также представителей самой старшей возрастной группы. Наконец, ограничение перспектив активного старения рамками как можно более длительной трудовой занятости приравнивает его к так называемому продуктивному старению, т.е. максимизации экономического вклада пожилых людей посредством оплачиваемого труда (отдельные авторы включают сюда также уход за родственниками

¹ Overcoming the barriers and seizing the opportunities for active ageing policies in Europe: Final report / *ActivAge Consortium*. – Brussels: European Commission, 2005.

² *Phillipson Ch., Ogg J.* Active ageing and universities: Engaging older learners. – L.: Universities UK, 2010.

³ *Townsend J., Godfrey M., Denby T.* Heroines, villains and victims: Older people's perceptions of others // *Ageing a. society*. – Cambridge, 2006. – Vol. 26, N 6. – P. 883–900.

и волонтерскую работу¹). По словам К. Будини, концепция активного старения была введена именно для преодоления подобного узкого подхода.

Второй подход не ограничивается одним приоритетным направлением – его сторонники включают в активное старение как экономические, так и социальные факторы; в качестве отдельной категории многие выделяют также активный досуг². Согласно соответствующей программе Европейской комиссии, активное старение предполагает обучение в течение всей жизни, длительную трудовую занятость, постепенный выход на пенсию и разнообразные занятия, способствующие личностному развитию и поддержанию здоровья³. С точки зрения автора, пусть этот подход и рассматривает различные стороны жизни пожилых людей, он, подобно первому, отдает предпочтение продуктивной, общественно полезной, достижительной активности. Например, в то время как многие пожилые люди считают просмотр телепередач полноценным досугом, большинство специалистов сочтут это пассивным времяпрепровождением и не станут описывать в терминах активного старения. Такой взгляд на старение может порождать нереалистичные ожидания в отношении возможностей пожилых людей – они будут ощущать свою неспособность этим ожиданиям соответствовать, итогом чего могут стать разочарование в своих силах и сниженная самооценка. Люди могут испытывать давление со стороны общества, обязывающего их оставаться молодыми как можно дольше. Тем самым на них возлагается ответственность за то, как они выглядят и чувствуют себя: если бы они лучше о себе заботились, если бы в свое время принимали верные решения, то не были бы сейчас такими старыми, больными, морщинистыми и пр. Напротив, по мнению автора, счастливое, наполненное смыслом и приносящим радость общение существование необходимо стимулировать несмотря на имеющиеся у пожилых людей проблемы со здоровьем и какие бы то ни было иные ограничения.

¹ См.: Rowe J.W., Kahn R.L. Successful aging // The Gerontologist. – Oxford, 1997. – Vol. 37, N 4. – P. 433–440.

² См., напр.: Houben M., Audenaert V., Mortelmans D. Vrije tijd en tijdsbesteding [Leisure and time allocation] // Op latere leeftijd: De leefsituatie van 55-plussers in Vlaanderen / Bew. T. Jacobs, L. Vanderleyden, L. Vanden Boer. – Antwerpen: Garant, 2004. – P. 225–252.

³ Oxley H. Policies for healthy ageing: An overview. – P.: OECD publishing, 2009.

Третий подход делает акцент на поддержании здоровья и сохранении самоконтроля и независимости. По мнению автора, здоровье представляет собой лишь потенциал для активности, но не гарантирует саму активность. Кроме того, за рамками данного подхода оказываются пожилые люди, имеющие проблемы со здоровьем. Ключевое отличие активного старения от «здорового» старения К. Будини видит именно в том, что первое возможно и при недостаточно хорошем здоровье. Она ссылается на результаты исследования, которое может послужить подтверждением данной точки зрения: из респондентов, полагававших, что стареют «успешно», т.е. удовлетворительно согласно их собственным критериям, порядка 64% отметили, что наблюдают у себя снижение когнитивных и физических возможностей¹. Автор считает, что идею активного старения необходимо отличать и от представления о (высоком) качестве жизни в пожилом возрасте: качество жизни – более широкое понятие, включающее в себя также материальное благополучие. Здоровье и материальные условия существования она относит к факторам, оказывающим влияние на перспективы активного старения. Они значительно варьируются от индивида к индивиду и от страны к стране. Необходимо, заключает она, выработать стратегию активного старения, которая способствовала бы улучшению наиболее трудных жизненных условий и предоставляла альтернативу тем, кому по разным причинам недоступно «здоровое» и «продуктивное» старение.

Прежде всего, как представляется автору, важно, чтобы человек был готов адаптироваться к возрастным изменениям. В связи с этим стратегия активного старения не может касаться одних только пожилых людей – она должна охватывать все возрастные группы. С самого детства люди должны приобретать привычку к физической и социокультурной активности. В социальной политике нужно преодолеть негативный тренд, в рамках которого пожилые люди видятся либо здоровыми энергичными пенсионерами с неограниченными возможностями, либо исключительно пассивными получателями помощи, пособий и пр. По словам автора, потребность в помощи не является препятствием для участия в общественной жизни. Еще до пенсии человек должен получить достаточно информации о досуговых практиках, волонтерской

¹ Depp C.A., Jeste D.V. Definitions and predictors of successful aging: A comprehensive review of larger quantitative studies // American j. of geriatric psychiatry. – San Diego (CA), 2006. – Vol. 14, N 1. – P. 6–20.

деятельности, иных занятиях, с тем чтобы продолжать реализовывать себя уже не в трудовом, а в других контекстах. При этом следует учитывать потребности и предпочтения самих пожилых людей и создавать условия для их самореализации. Так, известно, что многие пожилые люди увлекаются садоводством, – значит, нужно им гарантировать доступ к садовым участкам и обеспечить необходимый инвентарь¹. Можно, по крайней мере частично, справиться с различными функциональными ограничениями (такими, как снижение слуха, зрения и пр.), в том числе посредством применения новых технологий.

Следующий момент, который нужно учитывать при разработке стратегии, – это человеческие взаимоотношения. С возрастом представление человека о социальных взаимодействиях обычно претерпевает значительные изменения. Крупным сообществам человек на данном жизненном этапе предпочитает тесное общение с несколькими близкими людьми. Повышается и значение времени, проводимого наедине с самим собой. Выход на пенсию и ухудшение здоровья могут привести к разрыву привычных социальных связей. Необходимо противодействовать социальной изоляции, если она возникает и оказывает негативный эффект на субъективное самочувствие пожилых людей. Нужно уделять внимание и положению тех из них, кто проживает в домах для престарелых. Желательно, чтобы в их жизни на место семейных связей, которые уже обычно не удается поддерживать в полном объеме, пришли дружеские связи с другими постояльцами. И, безусловно, важно, чтобы человек не ощущал себя здесь всего лишь «пациентом в сестринском списке» (с. 1090).

Наконец, еще один фактор, на который обращает внимание автор статьи, – это сохранение человеком контроля над своей жизнью, ответственности за решения, задающие направление ее развития, вопреки существующему внешнему сопротивлению; иными словами, примат агентности над сопряженными с возрастом структурными барьерами. Согласно результатам различных исследований, пожилые люди высоко ценят возможность самим определять свою жизнь². Реализации этой перспективы, полагает

¹ Pettigrew S., Roberts M. Addressing loneliness in later life // *Aging a. mental health.* – Abingdon, 2008. – Vol. 12, N 3. – P. 302–309.

² Edwards H.E., Courtney M.D., O'Reilly M. Involving older people in research to examine quality of life in residential aged care // *Quality in ageing a. older adults.* – Bingley, 2003. – Vol. 4, N 4. – P. 38–43.

автор, будет способствовать устранению имеющихся на сегодняшний день формальных возрастных барьеров, в том числе дискриминационного законодательства. Например, во многих индустриально развитых странах по-прежнему действует обязательный возраст выхода на пенсию – притом что многие люди способны работать и в более старшем возрасте. Следовательно, по словам К. Будини, необходимо ввести систему оценки компетенции работников, которая бы в индивидуальном порядке определяла пригодность / непригодность конкретного человека к тому или иному виду работ. В случае незначительного снижения трудоспособности работнику могут быть предложены гибкий график и другие варианты адаптации. Также, утверждает автор, следует отменить возрастной лимит для добровольцев, тем более что, как демонстрирует опыт одной из британских волонтерских организаций, эта деятельность может осуществляться людьми разного возраста, с разной степенью физических ограничений: группа пожилых инвалидов выполняла волонтерскую работу по телефону¹.

Однако, замечает автор, во многих странах Запада существуют давние традиции помощи и ухода, в рамках которых соответствующие профессионалы – медицинские и социальные работники – выступают субъектами властных полномочий, а получателям помощи отводится роль пассивного объекта. В 1970–1980-е годы эта патерналистская модель начала подвергаться критике; тем не менее некоторые социальные группы до сих пор воспринимаются в подобном ключе. Прежде всего это касается пожилых людей: считается, что они не всегда способны принимать верные решения себе во благо². Для стратегии же активного старения может оказаться полезным, если пожилые будут участвовать в процессе принятия решений относительно их собственной жизни³. Это также будет способствовать длительному поддержанию социальной активности. Одним из наиболее значительных решений становится выбор в пользу ухода на дому либо в учреждении; желательно, чтобы по мере возможности человек принял его сам. В том случае, если пожилой человек выберет домашний уход, его родственни-

¹ Gill Z. Older people and volunteering. – Adelaide: Government of South Australia, 2006.

² Thompson N., Thompson S. Empowering older people: Beyond the care model // J. of social work. – L., 2001. – Vol. 1, N 1. – P. 61–76.

³ Edwards H.E., Courtney M.D., O'Reilly M. Involving older people in research to examine quality of life in residential aged care // Quality in ageing a. older adults. – Bingley, 2003. – Vol. 4, N 4. – P. 38–43.

кам, которые будут этот уход осуществлять, должна быть оказана всесторонняя поддержка (от расширенных пенсионных выплат и оптимизации рабочего графика до обучения уходу и предоставления технических средств – например, системы дистанционного мониторинга помещения, в котором находится нуждающийся в уходе человек). Пожилые люди должны осознавать свои социальные права и выступать скорее агентами, нежели пациентами как при домашнем, так и при институциональном уходе¹, – соответственно, должны существовать каналы, по которым можно будет сообщить о нарушении прав, если возникнет такая потребность.

Как пишет в заключение К. Будини, необходимо, чтобы человек сохранял активность, в различных формах, на всех этапах своей жизни. Эта активность должна представлять собой взаимодействие самых разных аспектов – физических, социальных, экономических, духовных. И различные специалисты, в настоящее время занимающиеся вопросами старения, могли бы объединиться для выработки стратегий активного старения и повышения качества жизни пожилых людей. С точки зрения автора статьи, необходимо создать единую площадку, на которой все эти специалисты могли бы взаимодействовать. За основу можно взять положительный опыт междисциплинарного сотрудничества в рамках прошедшего в 2012 г. Года активного старения и межпоколенческой солидарности.

Я.В. Евсеева

¹ *Stenner P., McFarquhar T., Bowling A. Older people and «active ageing»: Subjective aspects of ageing actively // J. of health psychology. – L., 2011. – Vol. 16, N 3. – P. 467–477.*

Бюффель Т., Ремияр-Буалар С., Филлипсон К.
ГОРОДА С БЛАГОПРИЯТНЫМИ УСЛОВИЯМИ
ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: ПРОГРАММА,
ПОСВЯЩЕННАЯ СТАРЕНИЮ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ¹.
(Реферат)

Реф. ст.: *Buffel T., Rémillard-Boilard S., Phillipson Ch. Pour des villes amies des aînés: Programme d'action en faveur du vieillissement en milieu urbain // Retraite et société. – P., 2018. – Vol. 79, N 1. – P. 43–60.*

Ключевые слова: *города и сообщества с благоприятными условиями для пожилых людей; урбанизация; городская среда.*

В статье сотрудников Школы социальных наук Манчестерского университета Тины Бюффель, Самюэль Ремияр-Буалар и Криса Филлипсона анализируется связь между процессами урбанизации и старения. Выявляются параметры этих городов, обусловленные как процессами урбанизации, так и потребностями людей старшего возраста. Рассматриваются истоки и эволюция глобальной сети ВОЗ городов и сообществ с благоприятными условиями для пожилых людей (*англ. GNAFCC*)², а также специфические трудности, с которыми сталкиваются пожилые горожане. Представлены исследования, связанные с реакцией старшего поколения на изменения в функционировании современных городов. В заключение авторы предлагают программу исследований и

¹ Реферат публикуется впервые.

² Global network of age-friendly cities and communities. – *Прим. реф.*

социальной политики, связанную со старением в условиях городской среды.

Старение населения и урбанизация – две определяющие социальные тенденции XXI в., сочетание которых порождает проблемы для всех типов населенных пунктов и сообществ. Идея проекта городов и сообществ с благоприятными условиями для пожилых людей¹ была впервые озвучена в 2005 г. на Всемирном конгрессе Международной ассоциации геронтологии и гериатрии (IAGG) в бразильском Рио-де-Жанейро. В 2006 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) оформила этот проект официально; в него изначально вошли 33 города. В 2010 г. ВОЗ инициировала создание глобальной сети подобных городов, которая сегодня насчитывает более 500 населенных пунктов по всему миру (данные 2017 г.). Исследование, осуществленное ВОЗ в рамках проекта, ставило целью выявить основные характеристики города с благоприятными условиями жизни для пожилых людей. Оно охватило 1485 пожилых людей (60 лет и старше), 250 помощников и 515 поставщиков услуг (относящихся к государственному и частному секторам), которые приняли участие в 158 фокус-группах по всему миру. Оно следовало так называемому Ванкуверскому протоколу – методике исследований, подразумевающей минимум пять фокус-групп с пожилыми людьми в каждом городе (из которых одна – с пожилыми людьми с ограниченными возможностями здоровья). Участники исследования различались по возрасту, полу, этнической принадлежности, степени самостоятельности. Вначале участники были подразделены на две группы – исходя из возраста (60–74 года и 75 лет и старше), затем на основе их социально-экономического положения (скромное или среднее); в результате образовывались четыре группы. Им предлагалось описать, как они воспринимают жизнь в городе, а также выделить аспекты, делающие ее более или менее комфортной. Одновременно исследователи общались с муниципальными и региональными поставщиками услуг, производителями и организациями волонтеров. Исследование выявило восемь приоритетных направлений для обеспечения большей комфортности жизни в городе для пожилых: жилье; транспорт; уважительное отношение и социальная инклюзия; социальное участие; гражданское участие и занятость; публичное пространство и общественные помещения; поддержка со стороны сообщества и медицинские услуги; коммуникация и информация.

¹ *Фр.*: VADA, Villes et communautés amies des aînés. – *Прим. реф.*

На основе выявленных потребностей было издано «Глобальное руководство по созданию в городах благоприятных условий для пожилых людей», использующееся для оценки комфортности того или иного населенного пункта для жизни людей старшего возраста. Проект ВОЗ может комбинироваться с другими осуществляемыми властями программами, такими как «гармоничные города» или «устойчивое развитие», связанными с улучшением качества городской среды.

Рассматривая тему комфортности городов для пожилых, необходимо учитывать, что в отдельных местах складываются «естественные сообщества пенсионеров» (*англ.* NORC)¹, представляющие собой кварталы, в которых по мере оттока молодежи преобладающим населением становятся люди старшего возраста. Поддержка пожилого населения в таких кварталах подразумевает совокупность мер, связанных с повышением комфортности жилья, разметкой улиц, обеспеченностью транспортом, усиленной безопасностью, большей доступностью товаров и услуг.

Несмотря на то что во многих странах мира в последние годы популярны разнообразные формы государственной поддержки пожилых людей, воздействие на последних негативных урбанистических факторов, особенно в городах, находящихся в процессе экономической и социальной трансформации, сохраняется. Среди этих факторов авторы называют пространственное внутригородское неравенство и усиливающееся неравенство между городами как результат глобализации и возникновения глобальных городов.

Темы социальной инклюзии и, соответственно, борьбы с социальной эксклюзией стали значимыми для социальной политики европейских стран в 1980–1990-е годы. При этом внимание к исследованию социальных проблем, связанных со старением, и форм неравенства, затрагивающих пожилое население, было, по мнению авторов, недостаточным. В статье представлен обзор научных публикаций, освещающих влияние современных урбанистических, экономических и социальных процессов и их последствий на жизнь людей старшего возраста. Так, британское лонгитюдное исследование выявило увеличение рисков социальной эксклюзии по мере старения человека². Пожилое население, проживающее в не-

¹ Naturally occurring retirement community. – *Прим. редф.*

² The social exclusion of older people: Evidence from the first wave of the English longitudinal study of ageing (ELSA): Final report / Barnes M., Blom A., Cox K., Lessof C. – L.: Office of the deputy prime minister: Social exclusion unit, 2006.

благополучных заброшенных центральных районах города, было идентифицировано как одна из наиболее подверженных социальной эксклюзии групп¹, как и люди этой возрастной категории, страдающие когнитивными нарушениями². Э. Смит рассматривает риски, связанные с деградацией социальной среды в крупных городских агломерациях: опасное для здоровья жилье, сокращение предоставляемых в городском районе услуг, криминализация, социальная поляризация³. Подход, оценивающий место проживания с точки зрения факторов окружающей социальной среды, получил развитие в работе американских геронтологов⁴. К. Филлипсоном была рассмотрена связь между местом проживания, урбанизацией и социальной эксклюзией в контексте изменений, происходящих с центрами городских агломераций⁵. В исследованиях социальной эксклюзии акцентируются вопросы, связанные с социально-экономическими изменениями в городских кварталах. Авторы ряда работ обращают внимание на длительность проживания на одном месте как значимый фактор для пожилых людей⁶. Т. Шарф и его коллеги внесли вклад в концептуализацию и оценку понятия социальной эксклюзии с учетом фактора соседского окружения⁷. Исследователями выявлены пять форм социальной эксклюзии пожилых в неблагополучных городских кварталах: от-

¹ *Scharf Th., Phillipson Ch., Smith A.E.* Growing older in socially deprived areas: Social exclusion in later life. – L.: Help the aged, 2002.

² World report on ageing and health / World Health Organization. – Geneva: WHO, 2015.

³ *Smith A.E.* Ageing in urban neighbourhoods. – Bristol: Policy press, 2009.

⁴ Environmental gerontology: Making meaningful places in old age / ed. by G.D. Rowles, M. Bernard. – N.Y.: Springer, 2013.

⁵ *Phillipson Ch.* Growing old in the «century of the city» // The Sage handbook of social gerontology / ed. by D. Dannefer, Ch. Phillipson. – L.: SAGE, 2010. – P. 597–606.

⁶ *Galčánová L., Šýkorová D.* Socio-spatial aspects of ageing in an urban context: An example from three Czech Republic cities // Ageing a. society. – Cambridge, 2015. – Vol. 35, N 6. – P. 1200–1220; Voices of relocation and ageing in place in very old age: A complex and ambivalent matter / Lofquist C., Granbom M., Himmelsbach I., Iwarsson S., Oswald F., Haak M. // The Gerontologist. – Oxford, 2013. – Vol. 53, N 6. – P. 919–927; *Phillipson Ch., Ray M.* Ageing in urban environments: Challenges and opportunities for a critical social work practice // Social work and the city: Urban themes in 21st century social work / ed. by Ch. Williams. – L.: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 151–171.

⁷ *Scharf Th., Phillipson Ch., Smith A.E.* Multiple exclusion and quality of life amongst excluded older people in disadvantaged neighbourhoods. – L.: Office of the deputy prime minister: Social exclusion unit, 2005.

чуждение от материального благополучия, от социальных отношений, от гражданской активности, от базовых услуг, а также от соседского окружения. Последняя форма отчуждения связана с негативным восприятием квартала и его опустением из-за обветшания жилья, исчезновения инфраструктуры, изменения состава населения, роста преступности¹.

Городские неблагополучные районы являются также местом проживания немалого числа иммигрантов первого поколения, в том числе пожилых, жизнь которых омрачена бедностью и плохими условиями проживания. Это зафиксировало упомянутое исследование Шарфа и его коллег в Ливерпуле и Манчестере, а также исследование Г. Беккер в городах Калифорнии, посвященное жизни пожилых представителей этнических меньшинств². В свою очередь работа бельгийских ученых демонстрирует, что запущенное состояние квартала и ограниченность услуг вызывают у пожилых чувство неуверенности, тогда как динамичное развитие квартала и вовлеченность в его социальную жизнь усиливают у пожилых людей чувство уверенности и ощущение безопасности³. Также в ряде работ показано, что в основе многих социально-экономических проблем, как и социальной эксклюзии лежит страх перед преступностью⁴. Таким образом, вышеприведенные исследования доказывают, что многочисленные проблемы, связанные с проживанием пожилых людей в городской среде, требуют особого подхода к изучению такой категории населения, как пожилые горожане.

Также в статье рассматривается возрастающая привязанность пожилых к месту своего проживания и указываются причины данного явления. Среди факторов, усиливающих привязанность к месту: длительное проживание в этом доме и населенном пункте, пожилой возраст, владение жильем на правах собственности, вы-

¹ Buffel T., Phillipson Ch. Can global cities be age-friendly cities: Urban development and ageing populations // *Cities*. – L., 2016. – Vol. 55. – P. 94–100.

² Becker G. Meanings of place and displacement in three groups of older immigrants // *J. of aging studies*. – Oxford, 2003. – Vol. 17, N 2. – P. 129–149.

³ Perceptual quality of neighbourhood design and feelings of unsafety / De Donder L., Buffel T., Dury S., de Witte N. // *Ageing a. society*. – Cambridge, 2013. – Vol. 33, N. 6. – P. 917–937.

⁴ Pain R. Place, social relations and the fear of crime: A review // *Progress in human geography*. – L., 2000. – Vol. 24, N 3. – P. 365–387; Buffel T., Phillipson Ch., Scharf Th. Experiences of neighbourhood exclusion and inclusion among older people living in deprived inner-city areas in Belgium and England // *Ageing a. society*. – Cambridge, 2013. – Vol. 33, N 1. – P. 89–109.

сокий уровень образования. В свою очередь, снижают привязанность к месту проживания: ухудшение состояния квартала, низкое качество окружающей инфраструктуры и услуг, трудности с перемещением в связи с ограниченной мобильностью и способностью пожилых к адаптации¹. Исследование, проведенное в Шотландии, зафиксировало прямую зависимость между состоянием района проживания (отсутствие мусора, чистота, удобство для пешеходов, в том числе испытывающих трудности при передвижении) и позитивным самовосприятием пожилых членов сообщества².

Потребность пожилых иммигрантов в привязанности к месту проживания подвергается испытанию. Исследователи определяют их отношение к родному району как «чувство промежуточности», отмеченное привязанностью как к нынешнему месту проживания, так и к бывшему³. Однако у части мигрантов старшего возраста нынешнее место проживания ассоциируется с постоянной борьбой с экономическими и иными трудностями⁴.

Опираясь на оценку трудностей, с которыми люди старшего возраста сталкиваются в быстро меняющейся городской среде, авторы предлагают программу развития городского пространства для облегчения процесса старения в урбанистической среде, которая основывается на Глобальном руководстве ВОЗ по созданию в городах благоприятных условий для пожилых людей. Данная программа включает пять направлений.

1. Необходимо создать благоприятную окружающую среду для пожилых с учетом сложности глобальной урбанистической среды. Причем, поскольку в современном мире города находятся в состоянии перманентных трансформаций, политика поддержки пожилых должна учитывать эти изменения, уметь быстро и адекватно реагировать на них и адаптироваться к ним. Так, необходимо принимать во внимание такие процессы и факторы, как: миграция

¹ *Livingston M., Bailey N., Kearns A.* Neighbourhood attachment in deprived areas: Evidence from the north of England // *J. of housing a. the built environment*. – Delft, 2010. – Vol. 25, N 4. – P. 409–427.

² *Day R.* Local urban environments and the well-being of older people. – Glasgow: Scottish centre for research in social justice, 2008.

³ *Lager D., van Hoven B., Meijering L.* Places that matter: Place attachment and wellbeing of older Antillean migrants in the Netherlands // *European spatial research a. policy*. – Łódź, 2012. – Vol. 19, N 1. – P. 81–94.

⁴ *Buffel T.* Ageing migrants and the creation of home: Mobility and the maintenance of transnational ties // *Population, space a. place*. – Chichester, 2015. – Vol. 23, N 5. – P. 75–87.

населения в более развитые страны; ускоренная урбанизация в Африке и Азии, с резким делением городов на развивающиеся и приходящие в упадок; размер города; наличие вокруг городского центра трущобных кварталов (в Южной Азии и Африке южнее Сахары); наличие сообществ сквоттеров¹ (особенно в Латинской Америке); усиливающийся рост неравенства в доступе к недвижимости; массовые перемещения населения из-за преследований, вооруженных конфликтов и нарушений прав человека; увеличение числа бездомных во всех странах, в том числе среди пожилого населения. К этому добавляются природные катаклизмы, вызванные изменениями климата: ураганы, экстремальная жара, землетрясения, цунами, жертвами которых становятся в первую очередь люди старшего возраста. Вызванная этими бедствиями необходимость перемещения пожилого населения требует разработки срочных мер вмешательства с опорой на опыт специалистов, работающих с людьми этого возраста. Также было бы полезно совместить инициативу ВОЗ с другими кампаниями более широкой направленности: по борьбе за социальную справедливость, за сокращение бедности, за доступ к качественным медицинским услугам и пр.

2. Сделать города более комфортными для пожилых, вовлекая их и людей предпенсионного возраста в принятие решений, связанных с обустройством жизни в городе. Дать им возможность активно участвовать в выработке решений муниципальной политики, основываясь на их компетенциях, опыте и привязанности к своему населенному пункту. Также при разработке стратегий для создания более благоприятных для пожилых условий проживания в городе необходимо оценить, что этому препятствует, и найти способы, облегчающие участие пожилых людей (независимо от их возраста, уровня культуры, состояния здоровья, специфических потребностей в уходе) в жизни города.

3. Развитие благоприятной для пожилых среды подразумевает внимание к состоянию места проживания, приобретающего для них особое значение. Городские кварталы должны быть обустроены таким образом, чтобы лицам старшего возраста было удобно там находиться и перемещаться, поддерживая достаточную физическую активность. Одним из важных требований в этом случае становится травмобезопасность. Актуальны также наличие зеле-

¹ Сквоттинг (англ. squatting) – акт самовольного заселения покинутого или заброшенного здания людьми (сквоттерами), не имеющими юридического права на его использование. – *Прим. реф.*

ных зон и чистота окружающего пространства. Более широкий выбор форм проживания – существенная составляющая инклюзии людей старшего возраста. И хотя, по словам авторов статьи, большая часть пожилых предпочитает проживать в сообществах «смешанного возраста», становятся популярными и специфические формы проживания для пожилых типа поселков для пенсионеров («village-retraite») и жилья, где обеспечивается поддержка лиц, нуждающихся в уходе. Также с учетом роста числа домохозяйств, состоящих из одного человека, можно предвидеть в ближайшем будущем развитие разнообразных типов проживания, например кооперативного жилья или жилья, ориентированного на совместное проживание нескольких лиц. Это будет требовать налаживания партнерских взаимоотношений между пожилыми людьми, жилищными ассоциациями и строительными фирмами. Наконец, важно, опираясь на существующие ресурсы типа библиотек, культурных муниципальных центров и др., создавать удобные пространства для пожилых людей, обитающих в неблагополучных городских районах. Помимо этого, считают исследователи, необходимо организовывать формы активности по сближению пожилых людей, проживающих в домах для престарелых, с тем чтобы они могли формировать дружеские связи и участвовать в разнообразных образовательных программах.

4. Понимание процесса старения в урбанистической среде связано с осознанием специфических особенностей старшего возраста и хрупкости человеческого тела. Требуется принимать во внимание географическую ограниченность их перемещений по городу. Пожилые люди – в какой-то мере «пленники пространства»; необходимо учитывать это, чтобы понять опыт старения, в частности в городах (и особенно в глобальных городах и городах, подвергшихся деиндустриализации), т.е. надо иметь в виду хрупкость как физическую, так и психическую. Пожилым может быть непросто создать «собственное» пространство в глобальных городах из-за возможного несовпадения интересов гипермобильного динамичного меньшинства и стареющей части населения, а также в городах, где происходит деиндустриализация, – из-за распада социальных связей в результате обнищания населения. Таким образом, задача современных урбанистов заключается в создании среды, которая поддерживала бы независимость людей старшего поколения, их равенство по отношению к другим возрастным группам и их право на свою нишу в городском пространстве. Это

особенно важно для безопасности пожилых и их интеграции в жизнь города.

5. Старение этнических меньшинств первого и последующих поколений повлечет за собой переоценку состояния городов, обладающих благоприятными условиями для пожилых, но недостаточно учитывавших большое этническое разнообразие современных мегаполисов. Учет этого разнообразия позволит создать реальную благоприятную для пожилых среду проживания, а также учесть потребности групп с различной миграционной историей. Авторы призывают задаться вопросом о том, насколько программа развития городов с благоприятными условиями для пожилых противостоит различным формам дискриминации, существующим в обществе (например, по отношению к пожилым представителям расовых и сексуальных меньшинств).

Еще один вопрос, которым задаются авторы статьи: «Программы для людей старшего возраста ориентированы на всех пожилых, независимо от их состояния здоровья, или направлены лишь на пожилых с “нормальным” здоровьем, т.е. находящихся в тренде “активного старения”?» Авторы предполагают, что до настоящего момента последние в большей степени пользовались плодами этого движения. Такая постановка вопроса акцентирует внимание на более общей проблеме: стремимся ли мы создать «инклюзивные» или «эксклюзивные» сообщества? При выборе в пользу инклюзивности политика в отношении пожилых должна быть направлена на поддержку лиц, имеющих проблемы со здоровьем, как физического, так и ментального плана, в частности страдающих деменцией. Это было бы созвучно движениям вроде «друзей деменции» (*фр.* «amies démente», *англ.* «dementia friendly»).

Притом что приоритетной задачей экономической и социальной политики является развитие городов, которые отвечали бы интересам всех поколений, будущее городских сообществ во всем мире в значительной степени связано с улучшением качества жизни пожилых. Соответственно, важно развивать среду, предоставляющую пожилым доступ ко всем возможным благам и услугам. Принципиально важным в этом плане авторам представляется формирование комплексного и инновационного подхода к исследованию сообществ с благоприятными для пожилых условиями проживания с опорой на разработки в области социологии города, экономики города и социально-экономической географии. «Создание оптимального для стареющих людей пространства является

междисциплинарной задачей, требующей понимания последствий для пожилых людей таких феноменов, как новая динамика городской бедности, воздействие урбанистических перемен, влияние транснациональных сетей и трансформация отношений между различными группами индивидов, основанных на социальном классе, поле, возрасте и этнической принадлежности» (с. 56).

Е.Л. Ушкова

Евсеева Я.В.

**ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ В КРУГУ СВЕРСТНИКОВ.
(Обзор)¹**

Evseeva YA.V.

**OLDER PEOPLE SURROUNDED BY PEERS.
(Review)**

***Аннотация.** Обзор исследует такое актуальное современное явление, как проживание пожилых людей в кругу сверстников. «Пожилые» сообщества образуются большей частью двумя путями. С одной стороны, молодежь уезжает в индустриально развитые районы, в результате чего образуются районы с преимущественно пожилым населением. С другой стороны, пожилые люди сами ищут общества ровесников, в частности переезжая в «поселки для пенсионеров». Обзор демонстрирует, что жизнь в кругу сверстников способствует инклюзии людей старшего возраста, более длительному сохранению их умственных способностей и социальной активности.*

***Ключевые слова:** пожилые; поселок для пенсионеров; сообщество; социальная инклюзия; эйджизм; политические знания; США; Великобритания; Австралия.*

***Abstract.** The review explores such a relevant contemporary phenomenon as older people living surrounded by peers. Senior communities mainly emerge in two ways. On the one hand, young people leave their communities*

¹ Впервые обзор был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 1. – С. 22–38.

for industrially developed areas; as a result, neighbourhoods with a predominantly elderly population are formed. On the other hand, older people themselves seek a society of peers and, for instance, move to «retirement villages». The review demonstrates that life in a circle of peers contributes to the inclusion of older people, longer preservation of their cognitive abilities and social activity.

Keywords: *older people; retirement village; community; social inclusion; ageism; political knowledge; USA; UK; Australia.*

В современном мире пожилые люди все чаще оказываются в кругу сверстников. С одной стороны, молодежь уезжает в индустриально развитые районы, в результате чего образуются районы с преимущественно пожилым населением. С другой стороны, все больше пожилых людей сами ищут общества людей своего возраста. С увеличением количества людей старше 60–65 лет и общим повышением качества жизни в старшем возрасте во всем мире возрастает потребительская активность этой группы населения, развивается сфера услуг, на нее ориентированная, – отражением этого процесса, в частности, становятся так называемые «поселки для пенсионеров», «retirement villages». В них пожилые люди получают желательный уровень комфорта и необходимые услуги, а также, при необходимости, медицинскую помощь; в лице сверстников они обретают относительно благоприятное окружение, они сохраняют социальные связи и, по крайней мере, минимальный уровень социальной активности. Первые поселки появились в США в 1950-х годах и распространились по западному миру (наибольшей популярностью они пользуются в англоязычных странах, свои аналоги существуют и в Скандинавии). В настоящее время эта идея принята на вооружение и в развивающихся странах, которые также столкнулись со старением населения; первые поселки возникли в Китае и Индии. В России данный проект пока не реализован на практике, однако получает в последнее десятилетие широкий общественный резонанс и представляется перспективным рядом бизнесменов. Статьи, положенные в основу настоящего реферативного обзора, представляют западный опыт, который может оказаться интересным российской общественности.

В своей статье Мириам Бернارد, Дженнифер Лиддл, Бернадетт Бартлам, Джулиус Сим (Центр социальной геронтологии, Килский университет, Великобритания) и Томас Шарф (Ирландский центр социальной геронтологии, Ирландский национальный университет, г. Голуэй) рассматривают развитие поселения Garden

Village в деревне Денхем графства Бакингемшир на юго-востоке Англии, и, в частности, то, как изменялись представления о «сообществе» в этом поселке, специально построенном для проживания людей старше 55 лет [Then and now, 2012]. Поселок открылся в 1958 г. и предназначался для вышедших из бизнеса владельцев пабов. На момент написания статьи в нем насчитывалось 326 единиц недвижимости. Данная статья представляет промежуточные результаты лонгитюдного исследования, проводимого в поселке с 2006 г.

Как указывают авторы, сообщества, или коммуны, пенсионеров («retirement communities») существуют со времен Римской империи, где соответствующие поселения строились для уходящего на покой заслуженного командного состава. С эпохи Средневековья призранием стариков занималась церковь. Тем не менее лишь в середине XX в. идея специального жилья для людей старшего возраста обрела настоящую популярность. В США, находящихся в авангарде данных тенденций, порядка 11% нового жилья приходится на подобные поселки, и проживают в них около 12% всех пожилого населения страны. Крупные коммуны вроде Sun City в Аризоне и The Villages во Флориде насчитывают десятки тысяч обитателей. Рекламируются поселки как действенное средство для поддержания физической и социальной активности¹. При этом все слова, составляющие возможные названия рассматриваемого явления: «поселки / сообщества пенсионеров», «retirement villages / communities», – по утверждению авторов, в настоящее время подвергаются проблематизации. Выход на пенсию не обязательно означает переезд в подобное место; «поселки» в действительности варьируются от деревенских до городских поселений и могут даже представлять собой одно-единственное здание. Не меньшая сложность сопряжена со словом «сообщество». В рекламе поселки нередко фигурируют в качестве «сообществ людей, близких по духу» [Then and now, 2012, p. 106].

В содержании понятия «сообщество», согласно современной социологической литературе, выделяются три основных аспекта – «географическая принадлежность», «общность интересов» и «единая идентичность»². Различные авторы изучали взаимодействие и

¹ Denham Garden Village. – Mode of access: <http://www.anchor.org.uk/our-properties/denham-garden-village-uxbridge> (Accessed: 02.11.2015.)

² Evans S. Community and ageing: Maintaining quality of life in housing with care settings. – Bristol: Policy press, 2009.

взаимную обусловленность этих явлений¹. Признано, что проживание в одном месте способствует формированию общей идентичности, в особенности при наличии достаточно интенсивных контактов и вовлеченности в некую общую деятельность; у людей появляется общая история, которая становится историей сообщества. Ряд исследователей, со своей стороны, отмечают приоритет индивидуальной биографии перед общностью проживания в формировании идентичности и чувства принадлежности². В целом же авторы статьи полагают, что поселки для пенсионеров способны бросить вызов существующим представлениям о старении, поскольку они содействуют позитивной самоидентификации пожилых и могут способствовать становлению сильного нарратива идентичности в старшем возрасте.

Методы, используемые исследователями в рамках данного лонгитюдного проекта, включают в себя этнографию, анализ дневников респондентов, индивидуальные и групповые интервью, а также работу с фотографическими и аудиовизуальными материалами. Основные вопросы, на которые предстояло ответить исследователям: как поселок изменился за прошедшие годы и насколько сегодняшние резиденты воспринимают его в качестве сообщества? Ответы были получены от 52 резидентов и 16 человек, так или иначе вовлеченных в развитие поселка (персонал поселка, представители агентств недвижимости, рекламных агентств, архитектурных бюро).

Поселок был построен на холме. До реконструкции в 2001 г. он имел следующий вид: на вершине – недвижимость для самых молодых и здоровых, у подножия – дом для престарелых. По словам респондентов, пребывание здесь виделось им в качестве цикла: резидент постепенно спускался с холма, затем проходил все отделения дома для престарелых и, наконец, заканчивал свои дни в его больничном крыле. В центре поселка располагался паб, неподалеку от него – клуб, танцзал, магазин и почта. В настоящее время место прежних строений заняли различные виды недвижимости под наем – от одно- и двухкомнатных квартир до бунгало и от-

¹ См., напр.: *Tuan Y.F. Space and place.* – L.: Arnold, 1977; *Tuan Y.F. Space and place: The perspective of experience.* – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 2001; *Easthope H. A place called home // Housing, theory a. society.* – Abingdon, 2004. – Vol. 21, N 3. – P. 128–38.

² *Savage M., Bagnall G., Longhurst B.J. Globalisation and belonging.* – L.: SAGE, 2005.

дельно стоящих домов с двумя и тремя спальнями. Ряду респондентов новая организация пространства кажется более продуманной и качественной. Другие полагают, что некоторые дома все же находятся слишком далеко от центра поселка, а новые строения скорее нарушают естественные контуры поселения, нежели следуют им. На данный момент места общего пользования – это магазин, бар, медпункт, библиотека, культурно-досуговый центр, зимний сад и спа-центр (в котором располагаются бассейн, тренажерный зал и парикмахерская). Названные здания, как и в прежние времена, предоставляют резидентам возможности для общения и дают им чувство защищенности и ощущение полноценной жизни.

Раньше все резиденты принадлежали к одному профессиональному сообществу. Основным развлечением были танцы и музыкальные вечера в танцзале, а также ежегодный садоводческий фестиваль. Профессиональный состав сегодняшних резидентов разнообразнее. Кто-то по-прежнему играет в традиционные игры вроде бинго, виста или шаров и принимает участие в садоводческом фестивале. В то же время резиденты отмечают, что выбор занятий значительно расширился. Можно посещать киноклуб, играть в различные спортивные и настольные игры, принимать участие в вечеринках, заниматься в ремесленных мастерских, выезжать на экскурсии и т.п. Некоторые становятся волонтерами в своем поселке. Ценность неформального общения так же высока, как и в прежние дни. Один из респондентов указал, что он впервые в жизни знаком с соседями, другие сообщают, что чувствуют себя здесь как дома. Тем не менее и здесь есть место социальной изоляции и эксклюзии. В частности, появилось разделение на «нас» и «их», старых и новых резидентов. Поселок расширяется, и респонденты замечают, что у них уже практически нет возможности поддерживать дружеские отношения со всеми жителями поселка. Одни группы резидентов предпочитают одни занятия, другие – иные, и не со всеми удастся видаться. Некоторые связывают недостаток общения со своим ухудшающимся здоровьем. Есть и те, кто скучает по компании более молодых людей. Они рады, что ряд объектов поселка (в частности, тренажерный зал, бар и медпункт) открыты для посещения людей со стороны, – это позволяет им не чувствовать себя в полной изоляции. При этом подобное «вторжение» проблематизирует границы, и некоторые резиденты ощущают это наиболее остро. Тем не менее многие респонденты надеются, что их поселок будет развиваться и в нем будут складываться условия для дальнейшей эволюции в качестве сообщества. Подводя

итог, авторы отмечают, что отождествлять поселок для пенсионеров с сообществом означало бы идеализировать ситуацию; данное исследование рассмотрело реальное положение вещей, что особенно важно, когда в Великобритании нарастают споры о поселениях с возрастным цензом.

Один из аргументов противников таких поселков состоит в том, что они способствуют возрастной сегрегации. Вопрос о том, можно ли считать подобные поселения очагами возрастной сегрегации и в конечном счете эйджизма, анализируют в своей статье австралийские исследовательницы Мари Питерсон (Квинслендский университет, г. Брисбен) и Джени Уорбёртон (Университет Ла Троб, г. Мельбурн) [Peterson, Warburton, 2012]. Из существующих в Австралии поселений, предназначенных для проживания людей старшего возраста, авторы выбирают в качестве объектов исследования жилые комплексы на юго-востоке штата Квинсленд. Авторы указывают, что австралийские поселения строились по модели американских и британских. Располагаясь на окраинах крупных городов и на побережье, они часто выглядят как маленькие города, застроенные невысокими домами и окруженные высокими заборами. При этом на территории обычно присутствуют два типа жилья – обычные дома, отличающиеся от других домов в стране лишь возрастом их обитателей, и дома специального назначения (для тех, кто нуждается во временном или постоянном уходе); часто они имеют разные входы. И как утверждают авторы статьи, исследователи нередко пишут о них под разными углами зрения – с точки зрения недвижимости для пожилых людей, с одной стороны, и с точки зрения вопросов ухода в пожилом возрасте – с другой. М. Питерсон и Дж. Уорбёртон считают необходимым объединить городские исследования с исследованиями в области геронтологии. Перспективной в этом отношении им представляется концепция социального пространства А. Лефевра¹. На основе данной концепции авторы изучают связи между физическим пространством (поселками для пенсионеров), ментальным пространством (мнениями на этот счет как самих пожилых людей, так и других заинтересованных лиц) и социальным пространством (положением пожилых людей в обществе). Для целей исследования авторы привлекли корпус документов (правовые акты, касающиеся стратегий городского развития; протоколы заседаний комитетов; рабочие материалы и презентации представителей архитек-

¹ Lefebvre H. The production of space. – Oxford: Blackwell, 1991.

турных бюро; рекламные брошюры; пресс-релизы), а также провели серию полуформализованных интервью с профессионалами в данной сфере – чиновниками, архитекторами, девелоперами, риелторами. Авторы, в частности, интересовало, как эти профессионалы видят свою роль в данном процессе, а именно: что влияет на их восприятие, как они концептуализируют проекты недвижимости для пожилых людей, ожидают ли они какой-либо обратной связи от своих пожилых клиентов.

Среди методов, применяемых исследователями, – этнометодология, конверсационный анализ, прагматика и различные визуальные методы (для изучения визуальных материалов в документации). Все тексты были проанализированы методом дискурсивного анализа. Внимание уделялось совершаемым в речи социальным актам (теория речевых актов Дж. Остина), случаям недосказанности, двусмысленности, а также пресуппозициям, выбору лексических средств и контексту высказываний; был проведен парадигмальный анализ (оценивающий спектр альтернативных языковых возможностей и выбор, осуществляемый говорящим в пользу тех или иных из них) и семиотический анализ.

Далее авторы подробнее анализируют репрезентации пространства в речи описанных выше заинтересованных лиц – иными словами, то, как они мыслят пространство данных жилых комплексов. Прежде всего, было обнаружено, что их высказывания содержат в себе пресуппозиции относительно пожилых и их нужд. Так, в одном из рассмотренных проектов было указано, что строительство призвано ответить на всё возрастающие потребности пожилых людей. Профессионалы полагают, что по мере старения зависимость пожилых от медицинского ухода возрастает при одновременно снижающейся способности к самообслуживанию и самостоятельному проживанию в собственном доме – и подобные представления распространяются на все пожилое население в целом. Часто употребляются эмоционально окрашенные выражения вроде «острая нужда», «крайняя необходимость» и т.п. В то же время в письменную и устную речь ряда респондентов то и дело проникает бюрократический дискурс, в частности, тенденция говорить не о людях, а о «койках». Здоровье пожилых людей видится постепенно ухудшающимся: они должны со временем перемещаться из обычных домов в дом для престарелых. Высказываются пожелания расширить медицинский компонент услуг; казна Содружества финансирует уход, а не инфраструктуру; кроме того, это перспективный развивающийся бизнес, а экономические дово-

ды в глазах профессионалов, как отмечают авторы статьи, не подвергаются критике. Тем самым «пожилые люди получают все услуги для людей старшего возраста, которые им необходимы» [Peterson, Warburton, 2012, p. 71]. При этом в правительственных документах, где выбор делается в пользу таких фраз, как «вынуждены покинуть свои дома», «неизбежность переезда в дома для престарелых», подчеркивается структурный, неагентный характер положения пожилых людей в обществе; это, с точки зрения М. Питерсон и Дж. Уорбёртон, ослабляет государственную поддержку стратегий здорового старения.

В свою очередь в рекламных материалах старость маскируется и скрывается; рекламные образы призваны поддерживать «миф о бессмертии». Пожилые люди выглядят здесь скорее беззаботными путешественниками из рекламы турагентства – вечный досуг исключает больное тело. Сами же жилые комплексы представляются как «пятизвездочные курорты».

Относительно внутренней структуры данных комплексов авторы сообщают следующее. Обычно они занимают обширную территорию, 5–10 га, и содержат в себе до 200 и более единиц недвижимости. В одном из строящихся комплексов планируется расположить 72 дома, 180 квартир и дом для престарелых на 156 мест [Peterson, Warburton, 2012, p. 74]. Комплексы обязательно огораживаются забором. Разработчики полагают, что безопасность представляет собой один из важнейших приоритетов пожилых людей; они также уверены, что это «пробудит чувство сообщества» [ibid., p. 75]. Иные последствия – такие, как сегрегация и потенциальная изоляция, – заявляют в свою очередь авторы статьи, даже не рассматриваются. В отдельных анализируемых авторами источниках звучит призыв провести более четкую границу между домом для престарелых и домами для самостоятельно проживающих пожилых людей, а это, по мнению М. Питерсон и Дж. Уорбёртон, служит демонстрацией «пространственного эйджизма». По признанию одного из архитекторов, разработка жилого комплекса для резидентов старшего возраста напоминала проектирование больницы или территории под наблюдением. Таким образом, заключают авторы, большее внимание уделяется не жизни, а ее концу. При этом девелоперы лоббируют свои интересы и получают поддержку у членов парламента. Как утверждают по итогам проведенного исследования авторы, с развитием сферы специализированной недвижимости пожилые люди отделяются как физически, так и социально и метафорически. Представления о нуждах пожилых

складываются из предположений и генерализаций; при этом они могут выглядеть одновременно и зависимыми, и безвозрастными. Бизнес-модель, принятая профессионалами в данной сфере, соединяет гуманистические ценности с экономическими последствиями, и они отнюдь не стремятся к тому, чтобы эти жилые комплексы стали для пожилых людей настоящим домом. Подобные практики отражают положение пожилых в обществе и влияют на отношение к ним в будущем.

Эндрю Шарлах (Калифорнийский университет, г. Беркли, США) и Аманда Ленинг (Мичиганский университет, г. Энн-Арбор, США) стремятся выяснить, какие шаги необходимо предпринять, чтобы те соседские общины, большую часть которых составляет пожилое население, в действительности могли обеспечивать социальную инклюзию людей этого возраста [Scharlach, Lehning, 2013]. По результатам анализа литературы авторы выделяют пять черт, которыми должно обладать окружение, чтобы пожилые люди желали оставаться в нем как можно дольше (и не задумываться о переезде в дом для престарелых): 1) непрерывность (отсутствие барьеров для продолжения интересующей деятельности); 2) компенсация (удовлетворение медицинских и социальных нужд, несмотря на ухудшающееся здоровье); 3) социальные связи; 4) участие (возможность участвовать в жизни сообщества); 5) вызов (стимулирование новых интересов)¹. Согласно статистическим данным, 82% пожилых американцев хотели бы остаться в своем доме до конца жизни. В последние годы эта потребность была признана на правительственном уровне – на развитие соседских общин со значительным процентом пожилого населения выделяется дополнительное финансирование. Два американских города (Нью-Йорк и Портленд, шт. Орегон) участвуют в программе ВОЗ «Города с благоприятными условиями для пожилых людей: Города для всех возрастов» (Global age-friendly cities)².

Авторы указывают, что социальная инклюзия, как она понимается в данной статье, предполагает социальную интеграцию, социальную поддержку (как эмоциональную, так и информационную и инструментальную) и доступ к ресурсам (а именно: товарам,

¹ *Lehning A., Chun Y., Scharlach A. Structural barriers to developing «ageing-friendly» communities // Public policy a. ageing report. – Oxford, 2007. – Vol. 17, N 3. – P. 15–20.*

² *Global age-friendly cities: A guide. – Mode of access: http://www.who.int/ageing/publications/Global_age_friendly_cities_Guide_English.pdf (Accessed: 03.11.2015.)*

услугам, власти и контролю)¹. Потенциальные преимущества, которые социальная инклюзия несет в себе для пожилых людей, с точки зрения Э. Шарлаха и А. Ленинг, включают в себя: 1) социальные обмены, способствующие развитию независимости; 2) идентификацию с сообществом благодаря эффективной интеграции; 3) исполнение адекватных социальных ролей и, как следствие, поддержание позитивного образа себя и высокой самооценки; 4) социальное признание; 5) способствующую личностному развитию интеракцию; 6) развитие агентности и способности контролировать себя и свое окружение. В США наиболее низкий уровень социальной инклюзии отмечается среди представителей расовых и этнических меньшинств, и наиболее ущемленными оказываются пожилые афро- и латиноамериканки, чье положение ухудшается в течение всей жизни. Основная сложность, отмечают авторы, заключается в том, что вопрос социальной инклюзии пожилых людей и развития пожилых сообществ стоит в мире, ориентированном на людей молодого и среднего возраста, учащихся и работающих. Таким образом, необходимо повышать ценность поздних этапов жизни и занятий, которым человек может себя посвящать в старшем возрасте, а также, прежде всего, стремиться к преодолению окружающих пожилого человека барьеров, как социальных, так и физических. Феномен социальной инклюзии сопряжен также с понятием социального капитала, т.е. социальных связей, которые приносят своему обладателю несомненную жизненную выгоду. Высокий уровень социального капитала предотвращает депрессию, служит профилактикой резкого ухудшения здоровья, снижает риск преждевременной смерти². Авторы приводят характерный пример: когда Чикаго в июле 1995 г. накрыла волна экстремальной жары (в течение недели температура не опускалась ниже 23, в отдельные дни 29, градусов и достигала 41 градуса), что в сочетании с высокой влажностью привело к 739 жертвам (большинство – в

¹ Cass N., Shove E., Urry J. Social exclusion, mobility and access // Sociological rev. – Hoboken (NJ), 2005. – Vol. 53, N 3. – P. 539–535.

² Population based study of social and productive activities as predictors of survival among elderly Americans / Glass T.A., Mendes de Leon C.F., Marottoli R.A., Berkman L.F. // British medical j. – L., 1999. – Vol. 319, N 7208. – P. 748–783; Miller E.A., Weissert W.G. Predicting elderly people's risk for nursing home placement, hospitalization, functional impairment and mortality: A synthesis // Medical care research a. rev. – L., 2000. – Vol. 57, N 3. – P. 259–297; Social engagement and depressive symptoms in late life: Longitudinal findings / Glass T.A., Mendes de Leon C.F., Bassuk S., Berkman L.F. // J. of ageing a. health. – 2006. – Vol. 18, N 4. – P. 604–628.

возрасте 70–89 лет), выжить удалось тем пожилым людям, у которых был достаточный уровень социальных связей и кто, соответственно, получил помощь от родных, друзей или соседей.

В данный момент в Соединенных Штатах развивается несколько проектов, которые могут быть названы «дружественными по отношению к пожилым людям» («ageing-friendly»). Среди них авторы выделяют следующие.

1. «Портленд – город с благоприятными условиями для пожилых людей» [Scharlach, Lehning, 2013, p. 118]. Пожилые жители города принимали участие в фокус-группах, в рамках которых они оценивали «дружественность» города по восьми критериям: городское пространство и архитектура; транспорт; социальное участие; уважение и социальная инклюзия; гражданское участие и занятость; коммуникационно-информационная среда; общественная поддержка и здравоохранение. В 2010 г. начался второй этап реализации данного проекта; теперь к Портленду присоединился Нью-Йорк. Началась реализация предложений, выдвинутых на первом этапе.

2. Программа «Послы сообществ» (Community ambassador program) в Северной Калифорнии¹. В рамках данного проекта пожилые волонтеры из семи традиционных ущемляемых в правах этнических и религиозных сообществ (индейцы, тайванцы, мусульмане, латиноамериканцы, сикхи, филиппинцы и христиане неанглосаксонского происхождения) выступают «послами» своих сообществ; они общаются со своими соплеменниками и доносят их нужды до представителей различных служб, работающих с пожилыми людьми.

3. Модель «Поселок», на примере поселка Beacon Hill в Бостоне². Такие поселки представляют собой некоммерческие организации, управляемые пожилыми членами сообществ и предоставляющие такие услуги, как уход на дому, различные досуговые мероприятия, волонтерская деятельность и участие в местном самоуправлении. Ограничением для широкого распространения данной модели является ее стоимость – на данный момент подобные

¹ Community ambassador program for seniors. – Mode of access: <http://capseniors.org/> (Accessed: 03.11.2015.)

² Village to village network. – Mode of access: <http://www.vtvnetwork.org/> (Accessed 03.11.2015); Beacon Hill Village. – Mode of access: <http://www.beaconhillvillage.org/> (Accessed: 03.11.2015.)

проекты реализуются в сообществах, члены которых располагают относительно высоким доходом.

4. В рамках проекта «Monument Corridor project»¹, объединившего пожилых волонтеров и активистов, было организовано общение, а также взаимопомощь одиноких пожилых людей и малообеспеченных матерей-одиночек.

5. «Сообщества для всех возрастов» (Communities for all ages) [Scharlach, Lehning, 2013, p. 120] – проекты в местных культурно-досуговых центрах (межпоколенческое обучение, фестивали искусств, фермерские фестивали и т.п.).

6. «Поколения надежды» (Generations of Hope)² – серия проектов, привлекающих участников разного возраста. Например, в Хоуп Медоуз (шт. Иллинойс) пожилые люди выступают в качестве наставников, компаньонов и «почетных дедушек и бабушек» для детей с эмоциональными и поведенческими проблемами, а те, в свою очередь, со временем должны стать поддержкой для своих пожилых товарищей. Тем не менее необходимость привлечения частных инвестиций и недостаточная интеграция с существующими службами, с точки зрения авторов статьи, ставят под вопрос устойчивый характер подобных проектов.

Далее авторы обращаются к пространственному аспекту инклюзии, который видится им более чем актуальным, поскольку индивиды, исключенные из физического пространства социума, оказываются и социально исключенными³. Особую важность представляют такие аспекты, как удобство передвижения по улицам (хорошее уличное освещение, непрерывающиеся тротуары, комфортные переходы), доступность магазинов и различных служб, адекватная транспортная система. Так, Нью-Йорк принял меры по ограничению движения транспорта и ввел в эксплуатацию новые пешеходные зоны. Филадельфийская организация Corporation for aging⁴ на местном уровне занимается разработкой проекта «Филадельфия – город, где старость в радость». В ряду других инициатив

¹ Senior needs assessment for then Monument Corridor. – Mode of access: http://www.cceb.org/docs/Monument_Corridor_Seniors_Needs_Assessment.pdf (Accessed: 03.11.2015.)

² Generations of Hope. – Mode of access: <http://www.generationsofhope.org/> (Accessed: 03.11.2015.)

³ Schonfelder S., Axhausen K.W. Activity spaces: Measures of social exclusion? // Transport policy. – Amsterdam, 2003. – Vol. 10, N 4. – P. 273–286.

⁴ Philadelphia Corporation for ageing. – Mode of access: <http://www.pcacares.org/> (Accessed: 03.11.2015.)

ее усилия направлены на усовершенствование паркового хозяйства города (что предполагает размещение достаточного количества лавочек, расширение пешеходных дорожек и аллей и т.п.).

Кроме того, пожилым людям необходимы какие-то средства передвижения. В США большинство пожилых людей, не имеющих более возможности управлять транспортным средством, обычно обращаются к родным и друзьям с просьбой подвезти в то или иное место. Однако это может породить чувство зависимости. При этом порядка трети пожилых американцев живут в местностях, в которых отсутствует общественный транспорт. Альтернативные виды транспорта (вроде автобусов для пожилых, *senior vans*) часто получают недостаточное финансирование, в результате чего они ограничены в количестве и направлениях рейсов. Авторы полагают также, что необходимо совершенствовать дизайн дорожных знаков, делать их проще и заметнее. Проект «План по старению» (*Blueprint for Aging*) в шт. Мичиган¹ – одна из инициатив, направленных на улучшение транспортного аспекта физической среды. Полученные в рамках проекта ваучеры компенсировали пожилым людям пользование общественным транспортом, такси, услугами помощников по хозяйству и т.п. Описанный выше проект «Портленд – город с благоприятными условиями для пожилых людей» также ориентирован на совершенствование транспортной системы города.

Уже отмечалось, что большинство пожилых американцев хотят оставаться в своих домах до конца жизни – с возрастом у человека развивается привязанность к месту проживания (как к самому дому, так и к своему району). В то же время было установлено, что более 90% домов и квартир в США не приспособлены для людей, испытывающих трудности с передвижением². В частности, отсутствуют нескользящие напольные покрытия, поручни в ванных комнатах, широкие пандусы для людей, использующих инвалидные коляски. Кроме того, некоторые пожилые люди уже не могут содержать большой семейный дом, однако других возможностей их район им предоставить не в состоянии. При этом многие исследователи связывают улучшение жилищных условий с общим улучшением здоровья и положительными социальными

¹ *Blueprint for ageing*. – Mode of access: <http://blueprintforaging.org/> (Accessed: 03.11.2015.)

² *Steinfeld E., Levine D.R., Shea S.M.* Home modifications and the fair housing law // *Technology a. disability*. – Amsterdam, 1998. – Vol. 8, N 1. – P. 15–35.

последствиями для пожилого человека¹. Региональная комиссия г. Атланты инициировала проект «Lifelong communities initiative», с целью развивать районы и соседские общины, в которых человек мог бы провести всю жизнь, и пригласила специалистов самого разного профиля для разработки альтернатив большим семейным домам, превалирующим в данном регионе [Scharlach, Lehning, 2013, p. 126].

Дружественность по отношению к пожилым людям, подчеркивают авторы, – это относительно новая концепция, область, в которой на данный момент больше вопросов, нежели ответов, поскольку исследования еще очень ограничены. Необходимы холистские методологические подходы, которые бы, в динамическом ключе, изучали пожилого человека в его физической и социальной среде, со всеми возможными смыслами, придаваемыми его социальной инклюзии и эксклюзии и всеми потенциальными барьерами на пути к его полноценному включению в жизнь социума.

В США на федеральном уровне, уровне штатов и местном уровне уже постепенно реализуется социальная политика, направленная на достижение социальной инклюзии. Однако, по мнению авторов статьи, делается отнюдь не достаточно. Нужды пожилых людей должны учитываться уже на этапе проектирования новых домов и районов. Исследования из разных стран демонстрируют, что свобода передвижения значительно повышает качество жизни в старшем возрасте². Необходимо также развивать межпоколенческие связи. Пожилые люди, указывают авторы, – это во многом игнорируемый ресурс, в то время как они многое могут дать своим сообществам. Так что преодоление социальной эксклюзии принесет пользу и самим пожилым, и обществу в целом.

Бриттани Брэмлетт (Колледж Олбрайт, г. Рединг, США) в своей статье развивает тему позитивных последствий проживания

¹ A randomized controlled trial of a home environmental intervention to enhance self-efficacy and reduce upset in family caregivers of persons with dementia / Gitlin L.N., Corcoran M.A., Winter L., Boyce A., Hauck W.W. // *The Gerontologist*. – Oxford, 2001. – Vol. 41, N 1. – P. 15–30; Liu S.Y., Lapane K.L. Residential modifications and decline in physical function among community-dwelling older adults // *The Gerontologist*. – Oxford, 2009. – Vol. 49, N 3. – P. 344–354.

² Siren A., Hakamies-Blomqvist L., Lindeman M. Driving cessation and health in older women // *J. of applied gerontology*. – L., 2004. – Vol. 23, N 1. – P. 58–69; Relationships between housing and healthy ageing in very old age / Oswald F., Wahl H., Schilling O., Nygren C., Fange A., Sixsmith A., Sixsmith J., Széman Z., Tomson S., Iwarsson S. // *The Gerontologist*. – Oxford, 2007. – Vol. 47, N 1. – P. 96–107.

в поселке для пенсионеров либо в соседской общине со значительным числом пожилых для самих людей старшего возраста. Существующая литература по теме указывает, что пожилые люди, проживающие по соседству со сверстниками, дольше сохраняют высокий уровень когнитивных способностей по сравнению с теми, кто живет один [Bramlett, 2013, p. 674]. Автор изучает данный вопрос на примере политических знаний.

Как она указывает, знание политических процессов, институтов и персоналий позволяет поддерживать демократическую систему. С возрастом люди начинают больше интересоваться политической жизнью, особенно на местном уровне¹. И хотя по мере старения когнитивные способности снижаются, различные исследования демонстрируют, что этот процесс может замедлиться, если пожилые люди имеют возможность общаться со сверстниками и обмениваться с ними информацией. Число соседских общин, полностью или в значительной мере состоящих из пожилых жителей, постоянно растет. В 2010 г. люди старше 65 лет составляли 31% населения округа Сарасота в шт. Флорида и 33% в округе Ла-Пас, шт. Аризона. «Пожилые» районы есть уже в Небраске, Вирджинии и Джорджии.

Экспериментальные исследования демонстрируют, что, принимая политические решения, пожилые в сравнении с более молодыми людьми анализируют меньшее количество информации в течение более длительного времени. Они показывают высокие результаты (в соответствии с одним исследованием², более высокие, чем 18-летние подростки) в том, что касается знания о политических партиях вообще, однако хуже знают кандидатов, принимающих участие в текущих выборах. Тем не менее в самом позднем возрасте могут быть забыты в том числе и наиболее кристаллизованные политические знания.

Общение со сверстниками обеспечивает пожилому человеку эмоциональную поддержку и интеллектуальную стимуляцию. В особенности это характерно для сообществ с высоким образовательным уровнем. Такие районы обычно обладают большим количеством физических, социальных и институциональных ресурсов (парки, библиотеки, культурно-досуговые центры) и т.п.

¹ Blum T.C., Kingston P.W. Homeownership and social attachment // Social perspectives. – L., 1984. – Vol. 27, N 2. – P. 159–180.

² Lau R.R., Redlawsk D.P. Older but wiser? Effects of age on political cognition // J. of politics. – Chicago (IL), 2008. – Vol. 70, N 1. – P. 168–185.

На основе существующей литературы автор выдвигает гипотезу: люди 65–74 лет, проживающие по соседству со сверстниками, будут, в сравнении с одиноко проживающими ровесниками, обладать лучшим трояким политическим знанием (т.е. знанием о политической системе, о позициях кандидатов, а также о позициях кандидатов по вопросам, непосредственно касающимся положения пожилых); в возрасте 75 лет и старше различие между двумя группами пожилых людей стирается.

Для целей исследования автор использует данные национального опроса о выборах, проводимого Центром публичной политики им. У. и Л. Анненбергов (National Annenberg election survey)¹ (2000–2004), и данные переписи населения² (за тот же период) [Bramlett, 2013, p. 680]. За единицы при расчете количества пожилых резидентов принимаются: во-первых, округ, и во-вторых – территория, покрываемая одним почтовым индексом. В итоге процент пожилого населения составил: в округах – от 3 до 35%, в районах с одним почтовым индексом – от 0 до 83%. Автор включает в рассмотрение как районы, оставшиеся без молодежи, так и территории, отведенные для компактного проживания пожилых людей, – такие как поселки для пенсионеров.

В результате проведенного исследования выдвинутая автором гипотеза полностью подтвердилась. Вполне в соответствии с наблюдениями других авторов, более обеспеченные и образованные индивиды старшего возраста продемонстрировали больший интерес к политическим вопросам и лучшие знания в данной области, причем самые высокие показатели – у белых американцев. В среднем результаты одиноко проживающих пожилых оказались на треть хуже. Как и ожидалось, после 75 лет разница стремится к нулю.

В заключение автор отмечает, что роль пожилого электората постоянно повышается – недаром поселки для пенсионеров, в частности The Villages в центральной Флориде, становятся обязательным местом проведения предвыборной агитации, особенно для кандидатов-республиканцев. Настоящая работа объединяет в себе рассмотрение вопросов, связанных с когнитивной и применением

¹ National Annenberg election survey. – Mode of access: <http://www.annenbergpublicpolicycenter.org/political-communication/naes/> (Accessed: 02.11.2015.)

² United States census bureau. – Mode of access: <http://www.census.gov/> (Accessed: 02.11.2015.)

политических знаний в пожилом возрасте, соответственно внося вклад в исследования в обеих областях.

Как показал данный обзор, жизнь в кругу сверстников способствует инклюзии людей старшего возраста, более длительному сохранению их умственных способностей и социальной активности, и эта тенденция сейчас усиливается. Тем не менее, по мнению авторов положенных в основу обзора статей, необходимы усилия как частного, так и государственного сектора, с тем чтобы данный процесс принес пользу самим субъектам данного процесса – пожилым людям.

Список литературы

- Bramlett B.H.* Aged communities and political knowledge // *American politics research*. – Thousand Oaks (CA), 2013. – Vol. 41, N 4. – P. 674–698.
- Peterson M., Warburton J.* Residential complexes in Queensland, Australia: A space of segregation and ageism? // *Ageing a. society*. – Cambridge, 2012. – Vol. 32, N 1. – P. 60–84.
- Scharlach A.W., Lehning A.J.* Ageing-friendly communities and social inclusion in the United States of America // *Ageing a. society*. – Cambridge, 2013. – Vol. 33, N 1 (spec. iss.). – P. 110–136.
- Then and now: Evolving community in the context of a retirement village / Bernard M., Liddle J., Bartlam B., Scharf T., Sim J. // *Ageing a. society*. – Cambridge, 2012. – Vol. 32, N 1. – P. 103–129.

**ВЛИЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА ЗДОРОВОЕ
И АКТИВНОЕ СТАРЕНИЕ: СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР /
АННИР М., КИЛИНГ С., УИЛКИНСОН Т., КУШМАН Г.,
ДЖИДЛОУ Б., ХОПКИНС Х.¹
(Реферат)**

Реф. ст.: Environmental influences on healthy and active ageing: A systematic review / Annear M., Keeling S., Wilkinson T., Cushman G., Gidlow B., Hopkins H. // Ageing a. society. – Cambridge, 2014. – Feb. – P. 1–33.

Ключевые слова: *окружающая среда; экологическая геронтология; активное старение; систематический обзор; здоровье.*

В центре внимания новозеландских исследователей Майкла Аннира, Салли Килинг, Тима Уилкинсона (все – из Университета Отаго, г. Крайстчёрч), Гранта Кушмана, Боба Джидлоу и Хизер Хопкинс (Университет г. Линкольн) – тема влияния окружающей среды на здоровье, повседневную жизнь и социальную активность пожилых людей. В настоящем систематическом обзоре выделяются личностные и социально-экологические факторы, влияющие на

¹ Реферат подготовлен в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное исследование и построение междисциплинарной модели социально-экологического метаболизма современного российского города» (№ 15-06-00158 а), осуществляемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 1. – С. 38–49.

здоровое и успешное старение. К первым авторы относят этническую принадлежность, пол, возраст, образование, материальное положение человека, разделяемые им культурные нормы, мотивацию и наследственность. Внешние факторы включают такие характеристики среды проживания, как: климат; уровень загрязнения и уличного освещения; архитектурно-эстетические особенности района; транспортную и пешеходную доступность необходимых объектов инфраструктуры; социальные взаимодействия внутри местного сообщества; показатели криминогенности и урбанизма; экологические проблемы и др. (с. 1).

По словам авторов, исследования потенциальных воздействий окружающей среды на здоровье и жизнь человека стали особенно популярны в последние 20 лет. В то же время, отмечают они, до сих пор работы в области экологической геронтологии достаточно редки. Не будет преувеличением сказать, что предложенный обзор вносит определенный вклад в развитие этой новой отрасли знаний.

Раскрывая ключевые понятия, встречающиеся в обзоре, М. Аннир с коллегами придерживаются определений, которые даны Всемирной организацией здравоохранения. Под активным старением они предлагают понимать процесс оптимизации возможностей для улучшения здоровья, повышения уровня социального участия и безопасности человека по мере старения¹. В свою очередь здоровье рассматривается ими как физическое, психологическое и социальное благополучие человека², а социальное участие – как целый ряд мероприятий, связанных с вовлечением пожилых в социальную, экономическую, культурную, гражданскую и духовную сферы жизни общества³. Что касается понятия окружающей среды, то для авторов это весь окружающий человека мир, включая как его природный, так и социально-бытовой аспекты (с. 1–2).

Систематический обзор охватывает массив из 83 статей, опубликованных за последние 25 лет и посвященных воздействию факторов окружающей среды на здоровье и жизнедеятельность

¹ Active ageing: A policy framework / World Health Organisation. – Geneva: WHO, 2002.

² Ottawa charter for health promotion / World Health Organisation. – Mode of access: <http://www.who.int/healthpromotion/conferences/previous/ottawa/en/> (Accessed: 25.09.2015.)

³ Active ageing: A policy framework / World Health Organisation. – Geneva: WHO, 2002.

пожилых людей. Напомним, что жанр систематического обзора подразумевает критический анализ и оценку результатов научных исследований. Авторы стремились проанализировать наиболее актуальные исследования, изучающие грани взаимодействия таких явлений, как старение, окружающая среда, здоровье и социальное участие, а также оценить адекватность используемых в них методов и перспективы дальнейшей работы в данном направлении.

Представленный в обзоре аналитический подход основывается на принципах, заложенных знаменитым *Кокрановским сотрудничеством*¹. В то же время, подчеркивают авторы, настоящая работа имеет существенные отличия от типичных кокрановских обзоров. Во-первых, достаточно необычен для подобного рода исследований интерес к смешанным – качественным и количественным – методам. Во-вторых, обзор не столько оценивает эффективность клинических испытаний, сколько исследует разнообразные доказательства в пользу той или иной гипотезы, касающейся рассматриваемой проблемы, и, наконец, в-третьих, вместо привычного статистического метаанализа используется нарративный подход (с. 3).

Поиск необходимых публикаций осуществлялся в крупнейших международных базах данных по различным отраслям знаний (здравоохранение, медицина, социологическая и географическая литература): *Proquest Health and Medical Complete*, *ISI Web of Knowledge*, *Ovid*, *Scopus* и *EBSCO*; это позволило проанализировать результаты узкоспециальных и междисциплинарных исследований. Поиск выполнялся по ключевым словам, имеющим отношение к изучаемой теме и выбранным авторами в ходе консультаций со специалистами соответствующего профиля. Первоначально поиск необходимой информации привел к отбору 1428 потенциально релевантных статей. В целях сокращения количества анализируемых текстов было решено ограничиться публикациями на английском языке не раньше 1985 г., остановившись на работах, использующих качественные, количественные или смешанные исследовательские методы и фокусирующихся на жизни людей в возрасте 50 лет и старше (с. 4–5).

¹ Кокрановское сотрудничество – международная некоммерческая организация, изучающая эффективность лечебных вмешательств путем отслеживания и обобщения информации о проведенных когда-либо клинических исследованиях. Организация названа в честь основоположника доказательной медицины английского эпидемиолога Арчи Кокрана. – *Прим. реф.*

В итоге количество предназначенных для анализа статей было сокращено до 83, из которых 10 посвящены исключительно работе с пожилыми женщинами, в центре внимания оставшихся исследований – представители обоих полов. В 72% публикаций нижняя граница пожилого возраста была установлена в пределах от 60 до 70 лет. Большинство анализируемых исследований осуществлялись в странах Северной Америки (49) и Западной Европы (20), восемь были предприняты в так называемой Австралазии, включающей Австралию и некоторые из близлежащих островов, четыре – в государствах Азии и два – Южной Америки.

В большей части работ (72) применялись количественные методы, и только в 11 – качественные или методы смешанного типа. Среди исследований первого типа преобладают кросс-секционные, межгрупповые проекты ($N = 48$)¹, также проводились лонгитюдные ($N = 21$)² и рандомизированные контролируемые обследования ($N = 3$)³. Основные методы сбора информации, применяемые в анализируемых работах, – телефонное или личное интервью (37) и анкетный опрос (36). Лишь в восьми эмпирических исследованиях использовался прямой метод измерения (с. 8–9).

Как говорилось выше, в качестве основных «инвайронментальных» детерминант рассматривались: социоэкономическое положение среды проживания, транспортная и пешеходная доступность необходимых для комфортной жизни объектов, в том числе парков и зон отдыха, вовлеченность в жизнь местных сообществ, уровень преступности, архитектурные особенности района с эстетической точки зрения, экологическая обстановка, климат и т.п. Основными критериями оценки воздействия факторов окружающей среды на здоровое и активное старение стали показатели смертности и долголетия ($N = 5$) обследуемых, состояние их психического здоровья ($N = 13$), уровень заболеваемости и функциональные способности ($N = 32$), степень участия в общественной жизни ($N = 33$) (с. 9–10).

¹ Кросс-секционным называют исследование, которое предполагает сравнение различных возрастных когорт в одно и то же время. – *Прим. реф.*

² Под лонгитюдным исследованием понимают систематическое обследование некой группы людей в течение определенного времени для выявления каких-либо особых факторов. – *Прим. реф.*

³ Тип научного (как правило, медицинского) эксперимента, подразумевающего случайное распределение его участников по группам, в одной из которых проводится исследуемое вмешательство, а в другой – контрольной – применяются стандартные методики или плацебо. – *Прим. реф.*

Из 83 исследований, проанализированных в настоящем обзоре, большинство (N = 46) обнаружили значительные корреляции между условиями окружающей среды и здоровьем, а также социальной вовлеченностью пожилых людей. В частности, крайне негативно отражается на физическом здоровье пожилых проживание в местности, для которой характерны чрезмерный шум, загрязненный воздух, обилие мусора, проблемы с освещением, интенсивное автомобильное движение, недостаток зон для отдыха и прогулок, экстремальные – как положительные, так и отрицательные – температуры и т.п.¹ По мнению ряда исследователей, длительное нахождение на экологически неблагополучных территориях грозит потерей физической активности и трудоспособности, снижением качества жизни и сокращением ее продолжительности, а также повышает риск стать жертвой возрастных дегенеративных заболеваний и умереть от болезней сердечно-сосудистой системы². В то же время, как правило, благотворно влияют на жизнедеятельность и здоровье пожилых доступ к открытым публичным пространствам и разнообразным возможностям проведения досуга, доступность транспорта, социальных услуг и медицинского обслуживания

¹ Подробнее см.: Balfour J., Kaplan G. Neighbourhood environment and loss of physical function in older adults: Evidence from the Alameda County study // American j. of epidemiology. – Baltimore (MD), 2002. – Vol. 155, N 6. – P. 507–515; Connell B.R., Wolf S.L. Environmental and behavioral circumstances associated with falls at home among healthy elderly individuals // Archives of physical medicine and rehabilitation. – N.Y., 1997. – Vol. 78, N 2. – P. 179–186; Associations of environmental factors with elderly health and mortality in China / Zeng Y., Gu D.N., Purser J., Hoenig H., Christakis N. // American j. of public health. – N.Y., 2010. – Vol. 100, N 2. – P. 298–305.

² Подробнее см.: Balfour J., Kaplan G. Neighbourhood environment and loss of physical function in older adults: Evidence from the Alameda County study // American j. of epidemiology. – Baltimore (MD), 2002. – Vol. 155, N 6. – P. 507–515; Associations of environmental factors with elderly health and mortality in China / Zeng Y., Gu D.N., Purser J., Hoenig H., Christakis N. // American j. of public health. – N.Y., 2010. – Vol. 100, N 2. – P. 298–305; Do perceptions of neighbourhood environment influence health? Baseline findings from a British survey of ageing / Bowling A., Barber J., Morris R., Ebrahim S. // J. of epidemiology a. community health. – L., 2006. – Vol. 60, N 6. – P. 476–483. Connell B.R., Wolf S.L. Environmental and behavioral circumstances associated with falls at home among healthy elderly individuals // Archives of physical medicine and rehabilitation. – N.Y., 1997. – Vol. 78, N 2. – P. 179–186; Kobetz E., Daniel M., Earp J.A. Neighborhood poverty and self-reported health among low-income, rural women, 50 years and older // Health a. place. – Oxford, 2003. – Vol. 9, N 3. – P. 263–271.

ния, проживание в сельской местности, чистота и безопасность в общественных местах¹.

Не оставлена без внимания ученых и тема воздействия на физическое здоровье в старшем возрасте социальных факторов. Позитивно влияют на физическое состояние человека такие социальные факторы, как разнообразие социальных контактов, активное участие в социальной жизни, проживание с детьми, в благополучном с социально-экономической точки зрения районе, в однородной этнической местности или рядом со сверстниками, добрые отношения с соседями². В то же время наносят вред физическому здоровью наличие финансовых проблем, чрезмерные требования со стороны ближайшего окружения, уход за супругом / партнером со слабым здоровьем, проживание в бедных и / или криминальных районах³.

В качестве факторов, позитивно влияющих на состояние психического здоровья пожилых, исследователи называют длительное проживание в стабильно развивающейся городской мест-

¹ См., напр.: *Day R. Local environments and older people's health: Dimensions from a comparative qualitative study in Scotland* // *Health a. place.* – Oxford, 2008. – Vol. 14, N 2. – P. 299–312; *Do perceptions of neighbourhood environment influence health? Baseline findings from a British survey of ageing* / Bowling A., Barber J., Morris R., Ebrahim S. // *J. of epidemiology a. community health.* – L., 2006. – Vol. 60, N 6. – P. 476–483; *Associations of environmental factors with elderly health and mortality in China* / Zeng Y., Gu D.N., Purser J., Hoenig H., Christakis N. // *American j. of public health.* – N.Y., 2010. – Vol. 100, N 2. – P. 298–305.

² См.: *Social relations as determinant of onset of disability in aging* / Avlund K., Lund R., Holstein B., Due P. // *Archives of gerontology a. geriatrics.* – N.Y., 2004. – Vol. 38, N 1. – P. 85–99; *Do perceptions of neighbourhood environment influence health? Baseline findings from a British survey of ageing* / Bowling A., Barber J., Morris R., Ebrahim S. // *J. of epidemiology a. community health.* – L., 2006. – Vol. 60, N 6. – P. 476–483; *Associations of environmental factors with elderly health and mortality in China* / Zeng Y., Gu D.N., Purser J., Hoenig H., Christakis N. // *American j. of public health.* – N.Y., 2010. – Vol. 100, N 2. – P. 298–305; *Day R. Local environments and older people's health: Dimensions from a comparative qualitative study in Scotland* // *Health a. place.* – Oxford, 2008. – Vol. 14, N 2. – P. 299–312; *Kobetz E., Daniel M., Earp J.A. Neighborhood poverty and self-reported health among low-income, rural women, 50 years and older* // *Health a. place.* – Oxford, 2003. – Vol. 9, N 3. – P. 263–271.

³ *Social environment, life challenge and health among the elderly in Taiwan* / Beckett M., Goldman N., Weinstein M., Lin I.F., Chuang Y.L. // *Social science a. medicine.* – Oxford, 2002. – Vol. 55, N 2. – P. 191–209; *Do perceptions of neighbourhood environment influence health? Baseline findings from a British survey of ageing* / Bowling A., Barber J., Morris R., Ebrahim S. // *J. of epidemiology a. community health.* – L., 2006. – Vol. 60, N 6. – P. 476–483.

ности, характеризующейся высоким индексом пешей доступности, с хорошо просматриваемыми – в целях обеспечения визуального контроля – общественными местами¹. Значительный вред психическому здоровью наносят такие элементы физической среды, как интенсивное автомобильное движение, сильный шум, ветхое и аварийное жилье, скопление мусора и характерный для больших городов напряженный, «калейдоскопный» ритм жизни². Кроме того, сохранению и укреплению психического здоровья способствует активная общественная жизнь, а препятствуют, напротив, одиночество, скудость социальных контактов, проживание в неблагоприятных, криминальных районах и т.п.³

Авторы обзора не обошли стороной и исследования, посвященные воздействию факторов окружающей среды на физическую активность пожилых людей. Под физической активностью они предлагают понимать действия человека во время досуга, работы или активных путешествий, приводящие к значительным энергетическим затратам. В числе позитивных «инвайронментальных» факторов исследователи отмечают: проживание в экономически благополучных районах; наличие рядом с домом комфортных условий для пешеходов; безопасных и гладких пешеходные дорожки и переходов, защищенных от интенсивного транспортного движения; доступность средств и возможностей для занятий спортом; доверие по отношению к тем, кто живет по соседству; ощущение безопасности и спокойная атмосфера; пример других людей, ведущих активный образ жизни; чистый воздух и благоприятный климат⁴. Вместе с тем внешними барьерами для физической ак-

¹ См., напр.: Protective association between neighborhood walkability and depression in older men / Berke E.M., Gottlieb L.M., Moudon A.V., Larson E.B. // J. of the American geriatrics society. – Baltimore (MD), 2007. – Vol. 55, N 4. – P. 526–533; Older people and their social spaces: A study of wellbeing and attachment to place in Aotearoa New Zealand / Wiles J., Allen R., Palmer A., Hayman K., Keeling S., Kerse N. // Social science a. medicine. – Oxford, 2009. – Vol. 68, N 4. – P. 664–671.

² A study of wellbeing and attachment to place in Aotearoa New Zealand / Wiles J., Allen R., Palmer A., Hayman K., Keeling S., Kerse N. // Social science a. medicine. – Oxford, 2009. – Vol. 68, N 4. – P. 664–671.

³ Schieman S., Meersman S.C. Neighborhood problems and health among older adults: Received and donated social support and the sense of mastery as effect modifiers // J. of gerontology: Psychological sciences a. social sciences. – Wash., 2004. – Vol. 59, N 2. – P. 89–97.

⁴ Подробнее см.: Annear M.J., Cushman G., Gidlow B. Leisure time physical activity differences among older adults from diverse socioeconomic neighborhoods // Health a. place. – Oxford, 2009. – Vol. 15, N. 2. – P. 482–490; Two dimensions of

тивности, как правило, становятся: проживание в бедных и криминально неблагополучных районах, недостаточные условия для медицинского обслуживания, экологические проблемы, плохая погода, отсутствие уличного освещения, бездомные собаки, низкокачественные пешеходные дорожки и чересчур интенсивное автомобильное движение¹.

Сравнительно немного работ было посвящено взаимному влиянию условий окружающей среды и понятием активного старения. Напомним, что под последним, согласно трактовке ВОЗ, принято понимать участие пожилых людей в социальной, культурной, гражданской, духовной и экономической сферах жизни. Итак, основными детерминантами социальной активности в старшем возрасте, по словам авторов обзора, являются: жизнь в городской среде; доступ к необходимым социальным услугам; вовлеченность в разного рода социальные сети; положительное восприятие района и доверие к соседям; чувство спокойствия, безопасности дома и за его пределами². Барьерами для участия в жизни общества нередко становятся страх перед незнакомой и кажущейся враждебной окружающей средой; боязнь оказаться жертвой преступника; ощущение изолированности, разобщенности; загрязненный воздух и транспортный шум³.

Кроме того, по результатам семи исследований не обнаружено никакой связи между условиями окружающей среды, здоровьем пожилых и их участием в жизни общества. Так, предпри-

participation in very old age and their relations to home and neighborhood environments / Haak M., Fange A., Horstmann V., Iwarsson S. // *American j. of occupational therapy*. – Boston (MA), 2008. – Vol. 62, N 1. – P. 77–86; Niva B., Skar L. A pilot study of the activity patterns of five elderly persons after a housing adaptation // *Occupational therapy international*. – L., 2006. – Vol. 13, N 1. – P. 21–34.

¹ *Annear M.J., Cushman G., Gidlow B. Leisure time physical activity differences among older adults from diverse socioeconomic neighborhoods // Health a. place*. – Oxford, 2009. – Vol. 15, N 2. – P. 482–490.

² См., напр.: *Aging in Italy: Urban – rural differences / Marcellini F., Giuli C., Gagliardi C., Papa R. // Archives of gerontology a. geriatrics*. – N.Y., 2007. – Vol. 44, N 3. – P. 243–260; *Walker R.B., Hiller J.E. Places and health: A qualitative study to explore how older women living alone perceive the social and physical dimensions of their neighbourhoods // Social science a. medicine*. – Oxford, 2007. – Vol. 65, N 6. – P. 1154–1165.

³ *Walker R.B., Hiller J.E. Places and health: A qualitative study to explore how older women living alone perceive the social and physical dimensions of their neighbourhoods // Social science a. medicine*. – Oxford, 2007. – Vol. 65, N 6. – P. 1154–1165.

нятое в 2007 г. в США кросс-секционное обследование 3442 горожан старше 65 лет зафиксировало, что жители экономически неблагополучных районов и территорий повышенной концентрации этнических меньшинств более остальных подвержены депрессии¹. В то же время влияние этих факторов не столь значительно, как предполагалось, и в большей мере обусловлено личностными особенностями участников исследования. Факторы риска депрессивных состояний преимущественно связаны с низкими уровнями образования и религиозности, а также со спецификой семейного положения и схемы выплат арендной платы.

Принято считать, что высокая степень пешеходной доступности среды обитания способствует физической активности и укреплению здоровья ее жителей. Проведенное в 2009 г. австралийскими учеными исследование 333 человек в возрасте 60 лет и старше опровергает это утверждение. Оказалось, что даже тех, кто проживает в благоустроенных районах, пригодных для физических тренировок, от того, чтобы заниматься спортом, останавливают слабое здоровье, специфические особенности культурного бэкграунда, отсутствие энергии и мотивации, страх получить травму².

Помимо этого, результаты восьми исследований оказались противоречивыми, зафиксировав одновременно существенные и незначительные взаимосвязи между анализируемыми явлениями. Например, по данным одного исследования, качество жизни пожилых преимущественно зависит от имеющейся социальной поддержки, а не от физических факторов³, тогда как другое исследование обнаружило, что физическая активность людей старшего возраста связана в большей мере с безопасностью окружающей среды, нежели с развитой рекреационной средой, доступностью

¹ Urban neighborhoods and depressive symptoms environmental influences on healthy and active ageing among older adults / Aneshensel C.S., Wight R.G., Miller-Martinez D., Botticello A.L., Karlamangla A.S., Seeman T.E. // J. of gerontology: Psychological sciences a. social sciences. – Wash., 2007. – Vol. 62, N 1. – P. 52–59.

² Factors influencing the physical activity levels of older people from culturally diverse communities: An Australian experience / Bird S., Radermachers H., Feldmans S., Sims J., Kurowski W., Brownings C., Thomas S. // Ageing a. society. – Cambridge, 2009. – Vol. 29, N 8. – P. 1275–1294.

³ Levasseur M., Desrosiers J., Noreau L. Relationships between environment and quality of life of older adults with physical disabilities // Physical a. occupational therapy in geriatrics. – N.Y., 2004. – Vol. 22, N 3. – P. 37–53.

велодорожек и зон для пеших прогулок¹. Таким образом, согласно приведенным данным, среди множества «инвайронментальных» факторов существуют как имеющие очевидное влияние на здоровье и уровень социальной вовлеченности пожилых людей, так и не обнаруживающие подобного эффекта (с. 18).

Наконец, данные 22 исследований зафиксировали комбинацию личных и внешних влияний на здоровье и жизнедеятельность пожилых. Известно, что выявить долгосрочные эффекты воздействия окружающей среды на состояние здоровья человека достаточно сложно, поскольку не всегда можно понять, вклад каких именно факторов является решающим. В подобной ситуации большую ценность представляют близнецовые исследования, результаты которых позволяют понять, как условия и образ жизни влияют на схожих друг с другом людей. Существует множество исследований, направленных на поиск различий в процессе старения близнецов. В крупномасштабном исследовании 1053 пар близнецов старшего возраста, предпринятом датскими учеными, было обнаружено, что на познавательные и физические возможности близнецов влияет комплекс наследственных факторов, особенностей образа жизни и схожих условий окружающей среды². Похожие результаты были получены шведскими исследователями, изучавшими воздействие генетических и экологических факторов на физическое состояние 758 пар близнецов³. Они нашли, что в состоянии здоровья отдельных близнецов с возрастом начинают проследиваться сильные различия; это дает повод предположить эффект воздействия окружающей среды на протяжении долгого периода времени (с. 18–19).

Авторы обзора посчитали нужным дополнить свою работу замечаниями и рекомендациями по их исправлению. На их взгляд, необходимо расширять географию исследований указанной тематики и проводить больше проектов в странах Азии, Африки и Ав-

¹ Perceived neighborhood environments and physical activity in an elderly sample / Mota J., Lacerda A., Santos M.P., Ribeiro J.C., Carvalho J. // *Perceptual a. motor skills*. – Missoula (MT), 2007. – Vol. 104, N 2. – P. 438–444.

² Genetic and environmental links between cognitive and physical functions in old age / Johnson W., Deary I., McGue M., Christensen K. // *J. of gerontology*. – Wash., 2009. – Vol. 64, N 1. – P. 65–72.

³ Age-differences in genetic and environmental-influences for health from the Swedish adoption twin study of aging / Harris J.R., Pedersen N.L., McClearn G.E., Plomin R., Nesselroade J.R. // *J. of gerontology*. – Wash., 1992. – Vol. 47, N 3. – P. 213–220.

стралазии, где до сих пор работы в области экологической геронтологии достаточно редки. Также важно сохранять методологический баланс, сделав акцент на качественных и смешанных исследовательских методах. Кроме того, полезно было бы подключать к исследованиям подобного рода в качестве соисследователей и консультантов самих пожилых людей, которые могли бы оказать неоценимую помощь в корректировке задач, операционализации ключевых понятий и тестировании методик (с. 23–24).

В целом, по мнению М. Аннира и его коллег, данные большинства проанализированных исследований подтверждают гипотезу о влиянии окружающей среды на здоровье и жизнедеятельность пожилых. Вместе с тем незначительное число работ подобного влияния не обнаружили. Авторы обзора видят существенные перспективы в дальнейшем развитии экологической геронтологии как междисциплинарного научного направления. Исследования подобной тематики, на их взгляд, должны внести значительный вклад в понимание природы отношений между окружающей средой и процессами старения человека, его здоровьем, участием в жизни общества.

М.А. Ядова

Евсеева Я.В.

**«СЕРЕБРЯНАЯ» ЭКОНОМИКА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ.
(Обзор материалов конференции в г. Лодзь, Польша,
21–23 июня 2018 г.)¹**

Evseeva Ya.V.

**«SILVER» ECONOMY IN CENTRAL AND EASTERN
EUROPE. (Review of the materials of the conference in Łódź,
Poland, 21–23 June 2018).**

Аннотация. В обзоре освещаются доклады конференции в Лодзинском университете (июнь 2018 г.). Среди ключевых тем конференции: изменение социальных представлений о пожилом возрасте и пожилых людях; теоретические, эмпирические и социополитические аспекты успешного и активного старения; история, достижения, проблемы и перспективы экономики, ориентированной на пожилых потребителей, в странах Центральной и Восточной Европы.

Ключевые слова: «серебряная» экономика; активное старение; успешное старение; страны Центральной и Восточной Европы.

Abstract. The review highlights the papers of the conference at the University of Lodz (June 2018). Among the key topics of the conference were the following: changing social perceptions of old age and older people; theoretical, empirical and sociopolitical aspects of successful and active aging; his-

¹ Впервые обзор был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2018. – № 4. – С. 192–197.

tory, achievements, problems and prospects of the economy oriented towards older consumers in Central and Eastern Europe.

Keywords: «silver» economy; active ageing; successful ageing; Central and Eastern Europe.

21–23 июня 2018 г. в Лодзинском университете (Польша) состоялась конференция исследовательской сети EAST Института старения населения Оксфордского университета¹. Основные вопросы конференции – перспективы «серебряной» (т.е. ориентированной на пожилых людей) экономики и активное старение. Введением в дискуссию послужил доклад директора Института Джорджа Лисона (Оксфордский университет, Великобритания) [Leeson, 2018]. Британский демограф проследил рост интереса к пожилым в западных странах (от богаделен до первых пенсионных выплат и появления гериатрии); качественно новым этапом, по его мнению, стало рождение во второй половине XX в. геронтологии как особого и комплексного знания о старении человека. Средняя продолжительность жизни в мире растет на протяжении последних лет, подчеркнул он; тем не менее как общественные представления, так и государственная политика в отношении пожилых по-прежнему консервативны. Основываясь на описании семи возрастов человека из шекспировской комедии «Как вам это понравится», Лисон отметил, что хотя сегодняшние пожилые (65+) – это скорее пятый возраст («судия, с почтенным животиком, исполненный мудрейших изречений»), о пожилом возрасте продолжают думать как о седьмом возрасте («новое младенчество – пора беззубая, безглазая, без вкуса, без памяти малейшей, без всего»)². Необходимо, в том числе для развития «серебряной» экономики, чтобы эти взгляды изменились.

¹ Исследовательская сеть EAST (аббревиатура расшифровывается как East-European ageing societies in transition, «восточноевропейские стареющие переходные общества») объединяет занимающихся проблемами старения социологов, демографов, экономистов, специалистов в области социальной работы и социальной политики из стран Центральной и Восточной Европы.

² Монолог Жака // Шекспир У. Как вам это понравится / пер. П.И. Вейнберга. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3_%D0%96%D0%B0%D0%BA%D0%B0_\(%D0%A8%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%80%D0%92%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3_%D0%96%D0%B0%D0%BA%D0%B0_(%D0%A8%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%80%D0%92%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3)) (Дата обращения: 23.09.2018.)

Пётр Шукальский (Лодзинский университет, Польша) подчеркнул важность «серебряной» экономики для стран Центральной и Восточной Европы [Szukalski, 2018]. Он выделил два основных подхода к ее пониманию – рыночный (выгода для производителей) и социальный (польза для потребителей). На первом этапе ее развития продукты адаптировались к нуждам пожилых людей; в соответствии с актуальными представлениями, потребности пожилых потребителей должны быть учтены уже на стадии разработки. Как он указывает, люди старше 50 лет – единственная растущая возрастная группа в регионе. При этом их доход и образовательный уровень год от года повышаются; нынешние молодые и среднего возраста люди ожидают, что им не придется жертвовать привычным образом жизни в старшие годы. По мнению докладчика, предпринимателям необходимо искать соответствующие ниши и лучше понимать нужды пожилых людей. По мере созревания экономика региона будет становиться все более «серебряной», полагает он. В продолжение данного доклада Йоланта Перек-Бялас (Ягеллонский университет, г. Краков, Польша) сделала обзор услуг, предоставляемых пожилым людям в разных польских регионах (среди них – клубы, университеты третьего возраста и др.) [Perek-Białas, 2018]. Кроме того, она сообщила о таких инновационных продуктах, как удобные дверные звонки и тревожные браслеты. В фокусе доклада Эникё Вереш (Университет Бабеш-Бойяи, г. Клуж-Напока, Румыния) – «пожилой» туризм [Veress, 2018]. Докладчик рассказала о предложениях туристических агентств для потребителей старше 55 лет, обычно вне сезона, что обеспечивает более низкую стоимость туров; тематически это прежде всего природный и культурный туризм (посещение природных заповедников, достопримечательностей, монастырей и пр.). В свою очередь, Богуслава Урбаниак (Лодзинский университет, Польша) сделала доклад о межпоколенческих проектах и стратегиях пожилой занятости на различных польских предприятиях [Urbaniak, 2018]. По ее словам, изначально профсоюзы выступали против повышения пенсионного возраста, однако в последние годы ситуация начала меняться, и теперь они склоняются к тому, что ранний выход на пенсию, наоборот, противоречит интересам самих работников. Один из ключевых принципов стимулирования активного старения состоит в том, чтобы позволить пожилым работникам работать неполный день и сочетать работу и семейные обязанности.

Ежи Кжишковский (Лодзинский университет, Польша) сделал акцент на все еще низкой, на его взгляд, грамотности пожилых

польских потребителей в отношении доступных им социальных услуг [Krzyszowski, 2018]. Свое мнение докладчик подтвердил данными опроса, проведенного в 2017 г. в Лодзинском воеводстве. Из 1100 респондентов 51% не знали об услугах, которыми могли воспользоваться (из них 45% не желали пользоваться никакими услугами); 4% пользовались социальным транспортом, 1% – центрами дневного ухода. С его точки зрения, необходимо доносить информацию до пожилых людей, особенно в сельской местности, например устраивать дни открытых дверей в соответствующих организациях. Несколько исследователей посвятили свои доклады теме барьеров на пути развития «серебряной» экономики. Так, Агнеш Неменьи (Университет Бабеш-Бойяи, г. Клуж-Напока, Румыния) отметила достаточно высокий уровень пожилой бедности в стране, прежде всего в аграрных регионах [Nemenyi, 2018]. При средней по стране пенсии в 1122 лея (около 240 евро) пенсия фермера составляет порядка 463 леев (менее 100 евро), в связи с чем в сельских районах пожилые люди вынуждены работать несмотря ни на что; в возрастной группе 70–74-летних работают менее 5% городских жителей и около 29% жителей села. Мариана Мургова (Университет национального и мирового хозяйства, г. София, Болгария) и Марта Сугарева (Пловдивский университет, Болгария) также обратили внимание на достаточно тяжелое материальное положение пожилых людей страны [Mourgova, Sugareva, 2018]. Болгарские пожилые – среди самых бедных в Евросоюзе; особенно высокий уровень бедности наблюдается у местных пожилых женщин. Перспективу улучшения ситуации докладчики видят в развитии систем профессиональной переподготовки и совершенствовании пожилой занятости. Лукаш Юрек (Вроцлавский экономический университет, Польша) на основании данных кросс-национальных опросов проследил динамику эйджизма и негативных настроений по отношению к пожилым людям в разных странах Европы по мере увеличения государственных расходов на их содержание (пенсионные выплаты, долгосрочный уход, медицинские услуги) [Jurek, 2018]. В частности, он обнаружил, что увеличение числа занимаемых пожилыми коек в больницах и предоставляемых им медицинских консультаций положительно коррелирует с эйджизмом. Наконец, Марьяна Баджун (Институт общественных финансов, г. Загреб, Хорватия) осветила в своем докладе вопросы раннего выхода на пенсию в Хорватии [Badun, 2018]. Как она сообщила, каждый четвертый работник в стране выходит на пенсию досрочно, т.е. мужчины в 60, женщины – в 55 лет (в то время как

официальный пенсионный возраст составляет 65 и 60 лет, соответственно). Среди причин подобного решения она выделила: институциональные (особенности рынка труда); связанные с работой (ограниченные возможности для профессиональной самореализации, проблемы в коллективе); связанные со здоровьем; финансовые; социодемографические (образование, пол, семейное положение, наличие / отсутствие детей и внуков). В рамках шестой волны опросов SHARE¹ в 2015 г. в Хорватии были проинтервьюированы около 2500 работающих мужчин и женщин старше 50 лет на предмет их пенсионных намерений. Выяснилось, что наиболее расположены к раннему выходу на пенсию работники, занятые в частном секторе и характеризующиеся низким уровнем образования, плохим субъективным здоровьем и низким качеством жизни.

Анджей Климчук (Варшавская школа экономики, Польша) неоднократно выступал экспертом по вопросам социальной и экономической политики в отношении пожилых людей в различных польских фондах и Еврокомиссии. В своем докладе он проследил развитие идей «серебряной» экономики в Европе и становление Active ageing index² – наиболее известного европейского проекта, ориентированного на оценку уровня активного старения в странах Евросоюза (анализу подлежат: трудовая занятость; участие в жизни общества; независимость, здоровье, безопасность; социальные условия жизни пожилого населения) [Klimczuk, 2018]. В числе самых актуальных, с его точки зрения, продуктов и проектов, ориентированных на пожилых людей, докладчик назвал: новые технологии в долгосрочном уходе; идеи и технологии, обеспечивающие мобильность и независимое существование («умный дом» и пр.); инновационные проекты в области здравоохранения, образования и культуры; страховые и финансовые услуги. Основываясь на типологиях государств всеобщего благосостояния (Г. Эспинг-Андерсен, Ю. Казепов), моделей капитализма (П. Холл, Д. Соскис) и вариаций национальных культур (Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тёрнер), Климчук представил типологию европейских стран в зависимости от особенностей развития «серебряной» экономики и

¹ SHARE, Survey of health, ageing and retirement in Europe – база данных о здоровье, социальноэкономическом положении и социальных связях более 120 тыс. индивидов старше 50 лет в 27 европейских странах и Израиле. См.: SHARE. – Mode of access: <http://www.share-project.org/> (Accessed: 24.09.2018.)

² См.: Active ageing index. – Mode of access: <https://statswiki.unece.org/display/AAI/Active+Ageing+Index+Home> (Accessed: 25.09.2018.)

«творческой» экономики (в узком понимании – креативная индустрия, в широком – любые сферы, сопряженные с новыми идеями).

В завершение конференции свой доклад, посвященный актуальному состоянию и критике концепций успешного старения (УС), представила автор этих строк [Evseeva, 2018]. Она сделала обзор идей УС, а также идей, легших в их основу (теория активности и теория социального разобщения), и критической аргументации в их отношении (индивидуализация старения; игнорирование властных отношений и структурного неравенства в обществе, не позволяющих всем категориям населения стариться одинаково «успешно»). Кроме того, она обозначила модели старения, предложенные рядом исследователей в качестве альтернативы УС («сознательное старение» Г. Муди, «гармоничное старение» Дж. Лян и Б. Ло и др.). Согласно Я.В. Евсеевой, на данный момент можно выделить три основных подхода к феномену УС: 1) УС как удобная исследовательская методология, привлекающая финансирование и пропагандируемая международными организациями и властными институтами; 2) УС как условное обозначение позитивных взглядов на старение; 3) в рамках критических геронтологических направлений – УС как отражение современных неолиберальных ценностей. В рамках финального обсуждения были намечены актуальные направления будущих исследований и дискуссий. Среди них – старение как процесс, происходящий на протяжении всей жизни; межпоколенческие взаимоотношения; инновации, в том числе методологические, в отношении пожилого возраста и пожилых людей; индивидуальное планирование позднего периода жизни; совершенствование систем подготовки специалистов в области социальной политики и социальной работы, с тем чтобы они были готовы к значительно более старым обществам будущего; положение самых старых пожилых.

Список докладов

- Badun M.* Predictors of early retirement intentions in Croatia // Silver economy in Central and Eastern Europe. – Łódź, 2018. – June 23.
- Evseeva Ya.V.* Successful ageing: State of the art and criticism // Silver economy in Central and Eastern Europe. – Łódź, 2018. – June 23.
- Jurek Ł.* Determinants of ageism in healthcare in European countries // Silver economy in Central and Eastern Europe. – Łódź, 2018. – June 23.

- Klimczuk A.* A comparative perspective on the silver economy in the European Union: The emerging differentiation of national and regional models // Silver economy in Central and Eastern Europe. – Łódź, 2018. – June 23.
- Krzyszowski J.* The low social services literacy of old consumers // Silver economy in Central and Eastern Europe. – Łódź, 2018. – June 22.
- Leeson G.W.* The silver economy and redefining old age // Silver economy in Central and Eastern Europe. – Łódź, 2018. – June 22.
- Mourgova M., Sugareva M.* Social and economic inequality among old people in Bulgaria and lifelong workplaces // Silver economy in Central and Eastern Europe. – Łódź, 2018. – June 22.
- Nemenyi A.* The socio-economic status of the elderly in Romania // Silver economy in Central and Eastern Europe. – Łódź, 2018. – June 22.
- Perek-Białas J.* Regional contributions to the development of the silver economy in Poland // Silver economy in Central and Eastern Europe. – Łódź, 2018. – June 22.
- Szukalski P.* The importance of the silver economy in Central and Eastern Europe // Silver economy in Central and Eastern Europe. – Łódź, 2018. – June 22.
- Urbaniak B.* Social partners and active ageing in Poland // Silver economy in Central and Eastern Europe. – Łódź, 2018. – June 22.
- Veress E.* Demand and offers for silver tourism in Romania: New life strategies of young pensioners // Silver economy in Central and Eastern Europe. – Łódź, 2018. – June 22.

Фризон Г., Куйо М.-Ф.

**УСПЕШНОЕ СТАРЕНИЕ И ИММИГРАНТЫ
В ДЕПАРТАМЕНТЕ СЕНА-СЕН-ДЕНИ:
ПО СЛЕДАМ ОПРОСА¹.
(Реферат)**

Реф. ст.: *Frisone G., Couilliot M.-F.* Le bien-vieillir et les immigrés en Seine-Saint-Denis: Les pistes d'une enquête // *Retraite et société*. – P., 2018. – N 2. – P. 35–55.

Ключевые слова: успешное старение; иммигранты; предупреждение возрастных рисков.

Авторы, Глория Фризон (Высшая школа исследований по социальным наукам – EHESS, Центр научных и политических исследований им. Раймона Арона, Париж, Франция) и Мари-Франс Куйо (Институт междисциплинарных исследований социальных сетей – IRIS, Париж, Франция), рассматривают программу активного старения во Франции применительно к мигрантам, трудности ее реализации среди этой категории населения и возможные пути их преодоления.

Франция, как и все страны Запада охваченная ростом численности пожилого населения, включилась в осуществление государственной политики в области «успешного старения». Первый национальный план «Активное старение 2007–2009» был частью международного проекта ЕС Healthy ageing. Затем был принят

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2020. – № 1. – С. 27–33.

«Национальный план предотвращения потери самостоятельности» (2015), акцент в котором был сделан на выявлении факторов риска для здоровья и их мониторинге, а также на пропаганде здорового образа жизни. В нем также уделяется внимание социальному неравенству среди пожилых людей, потерявших способность проживать самостоятельно, и содержится призыв выстраивать социальную политику, уделяя особое внимание наиболее уязвимым гражданам, в частности пожилых иммигрантам.

По мере старения иммигранты чаще, чем коренные французы, отмечают плохое состояние здоровья, что авторы объясняют во многом тем, что они были заняты физическим трудом, часто в тяжелых условиях, и в целом непростыми социально-экономическими условиями. Накопление эффекта воздействия этих факторов в течение жизни делает эту группу населения, особенно женщин, крайне уязвимой. Они раньше, чем уроженцы страны, теряют способность проживать самостоятельно (75,3 года для уроженцев Магриба по сравнению с 82 годами для коренных французов, по данным 2002 г.) (с. 38). Эти обстоятельства, по мнению авторов статьи, делают их приоритетной аудиторией программы успешного старения.

Изучая, насколько доступны для них программы предотвращения рисков, связанных со старением, и пропаганда здорового образа жизни, авторы ставили в настоящем исследовании следующие вопросы. Осуществляют ли в рассматриваемом департаменте превентивную социальную политику, ориентированную на данную группу? Какие действия предпринимаются и виды деятельности предлагаются? Какие затруднения возникают по мере реализации программ и какие меры представляются действенными, чтобы увеличить их доступность для пожилых иммигрантов?

Для оценки включенности пожилых иммигрантов в эту программу и возникающих при этом трудностей французские социологи провели качественное обследование методом интервью в двух городах департамента Сена-Сен-Дени, охватившее социальных, административных, медицинских работников, представителей власти, занятых в программах активного старения, а также самих пожилых мигрантов. Выбор департамента они обосновывают большей долей мигрантов в нем – 29,7%, тогда как в целом в регионе Иль-де-Франс, к которому он принадлежит, – 19, а в стране – 9,3%, по данным переписи 2015 г. В старших возрастных группах численность мигрантов в департаменте еще выше: в группе лиц старше 60 лет они составляют 38%, а среди мужчин 60–75 лет каждый второй мигрант (с. 39). Среди респондентов – пред-

ставители первой волны иммиграции из Африки: приехавшие в 1960–1970-х годах выходцы из стран Северной Африки и в 1980-х годах – из стран, расположенных южнее Сахары. Внося вклад в подъем экономики в годы «славного тридцатилетия» и позднее, они были заняты преимущественно в строительстве, работах по госзаказам, промышленности, автомобилестроении, на низкоквалифицированных и опасных видах работ. Указывается, что в связи с экономическим профилем департамента в нем существует большое число рабочих общежитий для мигрантов, где они продолжают проживать, перестав трудиться. Здания обветшали, находятся в антисанитарном состоянии и не приспособлены для проживания лиц старшего возраста (отсутствие лифтов, удобства в коридоре).

Муниципальная политика поддержания здоровья пожилых мигрантов осуществляется через механизм местных контрактов по поддержанию здоровья (*contrats locaux de santé* – CLS), которые заключаются между государством и коммунами. Задача этих контрактов – «уделять большее внимание здоровью, предупреждать возрастные риски, проводить политику расширения услуг по уходу и медико-социальному сопровождению» (с. 42). Они призваны сократить социальное и территориальное неравенство в области доступа к здравоохранению и, соответственно, заключаются с наиболее проблемными территориями. Первые контракты, заключенные в департаменте Сена-Сен-Дени, распространялись в основном на доступ к правам и услугам по уходу. Мероприятия в основном сводятся к содействию в доступе к социальным и медицинским правам (помощь в составлении документов, опека пенсионеров и т.п.), а также к предупреждению рисков (вакцинация, предупреждение падений, диспансеризация, скрининг).

Деятельность по программе успешного старения протекает в двух направлениях: поддержка здоровья пожилых и поощрение к социализации (общению, коллективным занятиям). Первое из них включает в себя занятия, информирующие о здоровье, предупреждении заболеваний, здоровом образе жизни, иногда сопровождаемые скринингом. Эта деятельность задействует многих социальных акторов: ассоциации по предупреждению определенных заболеваний, онкологические комитеты департамента, национальные страховые медицинские кассы и др. Основная ее задача – информировать о предупреждении заболеваний и облегчить доступ к медицинским осмотрам. Ассоциация «женщин-посредников» обеспечивает пе-

ревод с французского и объяснение¹. Кроме того, организуется сопровождаемое посещение медицинских центров небольшими группами мигрантов с предоставлением транспорта. Для входящих в группу риска также устраивают посещение занятий по правильному питанию. В данной программе участвуют несколько общежитий обоих городов; она насчитывает около 100 участников.

Второе направление заключается в вовлечении обитателей общежитий в коллективные досуговые занятия, проводимые в городе для людей старшего возраста. Однако из-за провала этого плана ввиду игнорирования мигрантами общегородских занятий занятия для них были организованы прямо в общежитиях. Некоторые занятия (спортивные, связанные с общением, чаепитиями и пр.) стали регулярными.

Часть статьи посвящена особенностям осуществления программы успешного старения в каждом из двух городов с учетом особенностей социально-демографической ситуации, доли мигрантов и пожилого населения, индекса человеческого развития (ИЧР), традиций социальной работы и работы с мигрантами. Анализ ситуации указывает на то, что успешность реализации программы зависит от приоритетов локальной политики (выделение пожилых мигрантов в качестве целевой группы), от местных традиций и от энтузиазма конкретных исполнителей, задействованных в программе.

Исследование выявило многочисленные препятствия на пути реализации программы активного старения среди пожилых иммигрантов. Притом что непросто организовать мероприятие, связанное с участием многих профессиональных акторов, еще труднее мобилизовать самих мигрантов. Также указывается на трудности с финансированием программ, так как средства поступают лишь на коллективные проекты, тогда как для эффективного осуществления часто требуется подключать индивидуальный подход (личные консультации). Упоминается и неадаптированность содержания и методик программ к уровню образования мигрантов, их представлению. Еще один недостаток – разовый характер мероприятий: ответственные за финансирование полагают, что достаточно проинформировать публику, чтобы приобщить ее к той или иной

¹ Ассоциации зародились в 1980-х годах для обеспечения социального и культурного сотрудничества с семьями мигрантов. Они дают приют женщинам и детям; их движущей силой в основном являются женщины-мигрантки. – *Прим. реф.*

практике здорового образа жизни. Тогда как опыт показывает, что результат приносят повторяющиеся мероприятия. Одна их основных организационных проблем – выбор места проведения мероприятия. Нежелание мигрантов присоединяться к городской клубной активности (городские клубы для пожилых) вынуждает организовывать занятия в общежитиях – часто старых и ветхих или находящихся в процессе реновации – либо выбирать для мероприятий те городские пространства, где мигранты часто оказываются по своим делам, например устраивать информационные превентивные кампании в торговых центрах, на рынках.

Сложности возникают и с мобилизацией самих пожилых мигрантов, для которых характерны недоверие, опасливое отношение к государственным учреждениям, недостаточная осведомленность, страх не понять и быть непонятыми. Нежелание присоединяться к общегородским активностям объясняется тем, что пожилые мигранты не чувствуют себя комфортно среди задающих тон представителей иной культуры, их недостаточным знанием языка, представлением женщин, что их место в доме. Отсюда вытекает потребность в посредниках для осуществления контактов, оптимально – иммигрантах, прошедших соответствующее обучение.

Кроме того, среди пожилых мигрантов существует представление о старости, идущее вразрез с концепцией «успешного старения», распространенной в принимающем обществе и подразумевающей ответственное поведение пожилого человека, обязанного избегать рисков, стремясь максимально отсрочить проявления старости, и укреплять свое физическое, психологическое, когнитивное здоровье и социальные контакты. Интервью показали, что пожилые мигранты, выходцы из Африки, в большей или меньшей степени не видят необходимости отодвигать старение, предотвращать сопутствующие осложнения, поскольку воспринимают сопровождающее его дряхление, ухудшение функционирования организма как процесс, соответствующий естественному, божественному, предписанному ходу вещей. Однако, уточняют авторы, во-первых, взгляды пожилых мигрантов, проживших большую часть жизни во Франции, как правило, являют собой результат взаимопроникновения традиционной национальной модели старения и представлений принимающей страны, которые часто разделяются их детьми, выросшими на Западе. Во-вторых, у пожилых мигрантов находит понимание та составляющая программы успешного старения, которая делает упор на важность сильных социальных связей.

Практическая ценность статьи состоит в том, что проделанный анализ указывает на способы преодоления препятствий на пути вовлечения стареющих иммигрантов в программу. Помимо очевидных – упрощение финансирования, адаптация программ к образу жизни конкретных групп пожилых, поиск подходящих мест для мероприятий – важнее всего выработка стратегии осуществления программы с учетом конкретной ситуации.

Действенный метод преодоления трудностей, тормозящих приобщение стареющих мигрантов к программам успешного старения, авторы видят в опоре на посредников, так как для многих клиентов их помощь в доступе к юридическим, административным, медицинским и прочим программам, т.е. к соответствующим правам, является необходимой. В общежитиях эту роль исполняют посредницы, пользующиеся доверием и обладающие большим авторитетом среди обитателей. Только при их участии возможна мобилизация жителей для участия в мероприятиях. В семьях роль посредников исполняют дети пожилых мигрантов, в том числе обеспечивающие перевод для женщин, не выучивших французский язык. Именно они часто бывают инициаторами прохождения того или иного медицинского обследования, консультации, обращения за социальной помощью и т.п.

В ситуации оторванности от родной культуры значение родных и близких для пожилых людей возрастает. Работающие с ними профессионалы отмечают, что пожилые мигранты, по сравнению с коренными жителями того же возраста, получают больше внимания от близких. Представления выходцев из Африки и их детей о том, где должен проживать старый человек, отличаются от идей коренных французов. Проживание пожилых родителей совместно с детьми является среди них гораздо более распространенной практикой (среди пожилых мужчин 43% против 13%, среди женщин 32% против 9%, 2012 г.) (с. 51). Идея дома для престарелых кажется им неприемлемой с этической точки зрения, даже если обстоятельства порой вынуждают к этому. Так, по данным одного из социологических опросов, 70% мигрантов второго поколения из африканских стран утверждают, что надо взять к себе пожилого родителя, не способного жить самостоятельно¹.

¹ Attias-Donfut C., Gallou R. L'impact des cultures d'origine sur les pratiques d'entraide familiale: Représentation de la solidarité familiale par les immigrés âgés // Informations sociales. – P., 2006. – N 6. – P. 86–97.

Авторы делают вывод, что при коррекции недостатков в реализации программы эта группа населения, особенно уязвимая в силу пожилого возраста и специфики своего жизненного пути, связанной с миграцией, и поэтому нуждающаяся в поддержке, может извлечь пользу из входящих в программу активного старения мер по предотвращению возрастных рисков и укреплению здоровья. Для политики в отношении пожилых мигрантов уровень города представляется авторам оптимальным, а механизм местных контрактов по поддержанию здоровья, задействующий различных акторов, эффективным; при этом необходимо учитывать особенности конкретного населенного пункта. Для расширения охвата мигрантов – с проживающих в общежитиях до всех – они предлагают искать специфические подходы, в том числе действуя через социальных работников и детей мигрантов. Авторы напоминают, что социальное предложение для пожилых мигрантов должно согласовываться с их пожеланиями и представлениями о старости.

Е.Л. Ушкова

ОБРАЗОВАНИЕ И ТРУД В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

DOI: 10.31249/ustar/2020.00.05

Евсеева Я.В.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: ОБРАЗОВАНИЕ ВЗРОСЛЫХ КАК ФАКТОР АКТИВНОГО СТАРЕНИЯ. (Обзор журнала *Erwachsenenbildung*, 2011, № 13)¹

Evseeva Ya.V.

CONTEMPORARY TRENDS IN OLDER ADULT EDUCATION: ADULT EDUCATION AS A FACTOR OF ACTIVE AGEING. (Review of the journal «*Erwachsenenbildung*», 2011, N 13)

Аннотация. Настоящий текст представляет собой обзор статей одного из номеров (2013, № 13) австрийского журнала *Erwachsenenbildung*, исследующего вопросы образования взрослых. Данный номер журнала посвящен образованию пожилых. Авторы статей анализируют социальные факторы и дидактические принципы формального и неформального обучения в старшем возрасте и рассматривают непрерывное образование как фактор активного старения.

Ключевые слова: активное старение; образование пожилых; андрагогика; герагогика; формальное и неформальное образование; библиотеки; Австрия; Германия.

Abstract. The present text is a review of the articles published in one of the issues (2013, N 13) of the Austrian journal «*Erwachsenenbildung*» that studies adult education. This issue of the journal is devoted to older adult edu-

¹ Впервые обзор был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2013. – № 2. – С. 42–60.

cation. The authors of the articles analyse social factors and didactic principles of formal and non-formal education in later maturity and regard continuous education as a factor of active ageing.

Keywords: *active ageing; older adult education; andragogy; geragogy; formal and non-formal / informal education; libraries; Austria; Germany.*

У истоков концепций обучения взрослых стояли немецкоязычные ученые. Как известно, сам термин «андрагогика» в качестве обозначения теории и практики обучения взрослых людей в 1833 г. впервые употребил историк педагогики из Германии Александр Капп. Со второй половины XX в. развивается последнее в хронологическом отношении и, учитывая современные демографические тенденции, одно из наиболее перспективных направлений обучения взрослых – обучение пожилых людей. Термин «герагогика» в 1965 г. ввел в обиход немецкий психолог Хиларион Петцольд. Сейчас Х. Петцольд является приглашенным профессором в Дунайском университете, расположенном в австрийском городе Кремс. Еще в одном австрийском вузе – Церковной педагогической высшей школе, имеющей филиалы в Кремсе и Вене, – открыта единственная в своем роде магистратура по герагогике. В настоящее время Австрия, наряду с Германией, находится в авангарде обучения взрослых, и прежде всего – пожилых людей. Ведущий австрийский журнал в области обучения взрослых *Erwachsenenbildung*, доступный в Интернете, посвятил второй выпуск за 2011 г. (№ 13 в сквозной нумерации) вопросам образования пожилых людей. В подготовке номера приняли участие австрийские и немецкие исследователи. В фокусе внимания авторов – обучение пожилых людей как фактор активного старения.

Как указывают в своей редакционной статье Дагмар Хайдекер (руководитель секции «Общество и образование» в Федеральном институте образования взрослых в местечке Санкт-Вольфганг-им-Зальцкаммергут) и Артур Шнеебергер (научный сотрудник венского Института педагогических исследований в области экономики), в современном мире обучение пожилых людей является не роскошью, а необходимостью [Heidecker, Schneeberger, 2011]. Оно должно стать проводником активного старения, т.е., в соответствии с идеей активного старения, заложенной в программах Всемирной организации здравоохранения, способствовать улучшению здоровья и качества жизни пожилых людей, а также повышению их значимости в обществе. По мысли Хайдекер и Шнеебергера, учеба должна помочь пожилым людям планировать свою

жизнь, в частности легче справляться с выходом на пенсию; должна сыграть она свою роль и в улучшении межпоколенческих отношений. Необходимо бороться со стереотипами в отношении пожилого возраста и его возможностей. Усилия должны предприниматься как на индивидуальном, так и на общественном и политическом уровнях.

Как возможно обучение в пожилом возрасте, на чем оно основывается, как оно может быть организовано – такими вопросами задается в одной из центральных статей номера ее автор, заслуженный профессор в области образования взрослых в Ганновском университете Хорст Зиберт [Siebert, 2011]. Прежде всего, автор напоминает о сложности и многомерности категории «возраст». Во-первых, можно говорить не только о календарном возрасте, но также о возрасте медицинском (физическое состояние), психическом (субъективное ощущение возраста) и социальном (связанные с тем или иным этапом жизни социальные роли). Во-вторых, к пожилому населению относят и 60-летних, и 90-летних, однако они могут значительно друг от друга отличаться. Тем более что с возрастом различия только усиливаются. Между двумя пожилыми людьми при прочих равных условиях разница значительнее, чем между двумя детьми. С другой стороны, два 70-летних человека из разных социальных слоев будут сильнее отличаться друг от друга, чем 50-летний и 70-летний из одного слоя. В связи с этим свои особенности будет иметь обучение на каждом этапе жизни, в том числе в пожилом возрасте. Согласно приводимым автором данным, люди в возрасте от 50 лет значительно реже, чем более молодые, участвуют в формализованном образовании, в то время как в неформальном обучении – практически так же часто¹. При обучении людей старшего возраста важна опора на их собственный опыт, на уже имеющиеся у них знания, что помогает интегрировать и структурировать новые знания. Таким образом, делает вывод Х. Зиберт, необходимо, чтобы преподаваемое знание было осмысленным и оценивалось самими учениками как субъективно значимое.

Нужно учитывать, что пожилое население не гомогенно. Автор характеризует основные группы пожилого населения в зависимости от их жизненных стилей, общекультурных и образовательных потребностей:

¹ *Schiersmann Ch. Profile lebenslangen Lernens. – Bielefeld: Bertelsmann, 2006. – S. 36.*

- а) ориентированные на домашние заботы;
- б) ориентированные на общественные обязанности;
- в) «новые пожилые» (высокообразованные, материально независимые, мобильные, с разнообразными интересами);
- г) «заброшенные старики» (в большинстве своем одинокие, с низким доходом, слабым здоровьем, низкими культурными запросами).

Подводя итог, Х. Зиберт обозначает четыре ведущие образовательные концепции, посвященные обучению в старшем возрасте¹:

- 1) собственно учеба в пожилом возрасте («для себя») – самосовершенствование;
- 2) учеба для пожилых («для нас») – обмен опытом, имеющий место внутри пожилых групп;
- 3) учеба вместе с пожилыми («с другими») – межпоколенческое обучение, одним из прообразов которого выступает тандем младших и старших работников, опробованный в ряде компаний: старшие делятся опытом, младшие – свежими знаниями;
- 4) обращение с пожилыми («для других») – медицинско-психологическое и социально-педагогическое знание тех, чья работа состоит в заботе о пожилых людях.

Перспективной идеей, на которую можно ориентироваться и которую в будущем стоит развивать, Х. Зиберту представляется концепция мудрости как качества познания в старшем возрасте. Мудрость, сопряженная с осознанием конечности человеческого существования, а также относительности и преходящего характера наших знаний, развивается в течение всей жизни, однако в старшем возрасте выходит на качественно новый уровень.

Основополагающие принципы обучения пожилых людей в обществе, стремящемся к активному старению, раскрываются в статье одного из ведущих австрийских геронтологов и герагогов Франца Колланда (руководителя исследовательской группы по социальной геронтологии факультета социальных наук Венского университета, сопредатора журнала *International journal of education and ageing*) [Kolland, 2011]. По заявлению автора, пожилой возраст не является временем полного покоя и не должен восприниматься подобным образом. Тем более что с конца XX в. отмечается значительное улучшение здоровья людей в возрасте 60–80 лет. Нужно вспомнить формулу активной жизни, *vita activa*, как ее описывала

¹ Kade S. Altern und Bildung. – Bielefeld: Bertelsmann, 2007. – S. 128.

в свое время Ханна Арендт¹. И речь в данном случае идет не об активности ради активности, а об осмысленной, целенаправленной деятельности. Учеба, сама по себе являясь работой, позволяет людям дольше сохранять физические и интеллектуальные возможности на высоком уровне, а также участвовать в социальной и культурной жизни. В процессе учебы усиливается склонность к рефлексии, расширяется кругозор, развиваются творческие способности. В центре герагогической практики должен стоять субъект, с его уникальным опытом и потребностями, так что образование перерастает в «образование субъекта» («Subjektbildung»²). Герагоги должны опираться в своей работе на данные геронтологических исследований и учитывать возрастную специфику своих учеников. Они должны быть готовы к тому, что пожилым людям, которые сами подчас находятся в плену стереотипов и убеждены, что учеба в старости трудна и малоэффективна, потребуются дополнительная поддержка и стимуляция при принятии решения о продолжении образования и в процессе обучения. По данным автора, лишь у четверти австрийцев старше 70 лет есть доступ к новым технологиям, что фактически исключает пожилое население из центрального проекта современности – общества знаний. Обучение в пожилом возрасте призвано изменить эту ситуацию. Для повышения качества образования необходимо: учитывать разнообразие пожилой возрастной группы и создавать равные возможности для всех; повышать информированность пожилых людей о существующих проектах; улучшать профессиональную подготовку герагогов; расширять сеть образовательных центров, чтобы они были доступны всем желающим; уделять особое внимание обучению новым информационным и коммуникативным технологиям.

Современный взгляд на активное старение представлен в статье Барбары Пихлер (научного сотрудника Педагогического института Венского университета) [Pichler, 2011], а также в исследовании Яны Винберг (научного сотрудника Педагогического института Гейдельбергского университета) и Юдит Чепек (научного сотрудника Института социологии Гейдельбергского университета) [Wienberg, Czepek, 2011].

¹ *Arendt H. Vita activa oder Vom tätigen Leben.* – Stuttgart: Kohlhammer, 1960.

² *Scherr A. Subjekt- und Identitätsbildung // Grundbegriffe der Ganztagsbildung / hrsg. von Th. Coelen, H.-U. Otto.* – Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwissenschaften, 2009. – S. 137–145.

2012 год был объявлен «Европейским годом активного старения и солидарности поколений». Были реализованы различные проекты, проведены встречи, семинары¹. В связи с этим Б. Пихлер обращается к истокам геронтологической концепции активного старения, с целью критически оценить потенциал данных идей. В немецкоязычной литературе основы теории активности в отношении пожилого возраста были заложены в начале 1960-х годов Рудольфом Тартлером². Его работы стали ответом на господствовавшую тогда теорию социального разобщения. Согласно сторонникам теории активности, удовлетворенность пожилых людей жизнью зависит от степени их социальной активности, и они, как утверждается, вполне способны вести активный образ жизни. Если же они этого не делают, причина не в них, а в обществе, которое их отвергает. На основе теории активности американским психологом Робертом Хэвигхёрстом была создана теория успешного старения³, а почти три десятилетия спустя Пауль и Маргрет Балтес разработали модель СОК (селекция – оптимизация – компенсация), в соответствии с которой человек с возрастом стремится достигать только наиболее значимых целей и, осознавая их ограниченность, расходует свои ресурсы рациональнее⁴. Схожа с данными взглядами и концепция продуктивного старения⁵. Впоследствии идеи активного старения были взяты на вооружение различными организациями, в частности ВОЗ, и сейчас служат основой их программ.

В таком положении дел автор усматривает определенный экономический и политический интерес. Кроме того, усредненный взгляд на пожилое население как на объект приложения идей активного старения оставляет без внимания структурные различия между пожилыми людьми, а именно: пол, этническую принадлеж-

¹ Подробнее см.: *Europäisches Jahr für aktives Altern und Solidarität zwischen den Generationen 2012: Evaluationsbericht*. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=de&catId=89&newsId=2129&furtherNews=yes> (Accessed: 09.10.2019.)

² *Tartler R.* Das Alter in der modernen Gesellschaft. – Stuttgart: Enke, 1961.

³ *Havighurst R.J.* Successful aging // *The Gerontologist*. – Oxford, 1961. – Vol. 1, N 1. – P. 4–6.

⁴ *Baltes P.B., Baltes M.M.* Optimierung durch Selektion und Kompensation: Ein psychologisches Modell erfolgreichen Alterns // *Ztschr. für Pädagogik*. – Weinheim, 1989. – Jg. 35, H. 1. – S. 85–105.

⁵ *Dyk S. van.* Kompetent, aktiv, produktiv? Die Entdeckung der Alten in der Aktivgesellschaft // *PROKLA: Ztschr. für kritische Sozialwissenschaft*. – B., 2007. – Jg. 37, H. 1. – S. 93–112.

ность, социальный класс. Также в силу своей оптимистичности подобный подход не тематизирует болезнь и телесность вообще. Конечно же, отмечает автор, в призывах «вернуть тело» в дискурс о пожилом возрасте не следует доходить до ренатурализации старости, так что пожилой человек станет вновь рассматриваться, прежде всего, сквозь призму тела. Тем не менее телесность и болезнь – важные факторы пожилого возраста, и с определенной точки зрения процесс старения – это вновь и вновь принятие себя и своего тела, каждый раз нового, и это нельзя игнорировать. Наконец, невозможно все разнообразие человеческих проявлений свести к одной модели поведения. В будущем общество должно быть готово принимать самых разных своих членов, заключает автор и, возвращаясь к теме номера, утверждает, что именно такая ориентация предпочтительна для обучения пожилых людей.

Исследование Я. Винберг и Ю. Чепек представляет критику идей активного старения с позиции энтузиастов активного старения. Как заявляют авторы, окружающий пожилых людей мир по-прежнему наполнен стереотипами о пожилом возрасте. До сих пор превалирующей является трехчастная жизненная модель: учеба – работа – пенсия, причем неофициально пожилыми работниками считаются достигшие 40-летнего возраста. Это приводит к самостереотипизации людей старшего возраста. Кроме того, по мнению Я. Винберг и Ю. Чепек, взгляд на активное старение как на нечто, реализуемое в пожилом возрасте, в корне неверен. Основы потенциально активного старения закладываются в детстве. Чем раньше человек заканчивает свое образование (также часто в силу своего изначально непривилегированного положения: иммигрантского происхождения и пр.), тем ниже его квалификация и тем более невыгодным будет его положение на рынке труда, а затем и по окончании трудовой деятельности. Система пенсионного страхования ориентирована на людей, трудящихся непрерывно в течение достаточно продолжительного времени и имеющих стабильный доход. Люди с низкой квалификацией особенно подвержены риску безработицы, из-за чего часто не вписываются в эту систему. Казалось бы, им должна помочь учеба на пенсии, однако здесь срабатывает так называемый «эффект Матфея» («Всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет»): обучение в пожилом возрасте проходят чаще всего люди с высшим образованием и доходом не ниже среднего. Авторы статьи признают все достоинства активного старения и учебы в старшем возрасте: активные и образованные дольше живут и дольше

сохраняют здоровье. Однако, подчеркивают Я. Винберг и Ю. Чепек, предпринимаемых на данном этапе мер недостаточно – они носят узкий и подчас чисто формальный характер, и даже те из них, которые содержат в себе позитивный потенциал, затрагивают лишь тех, кто и так находится в привилегированном положении в силу своего образования, дохода и образа жизни.

Тему неравного доступа к образованию в пожилом возрасте развивают авторы следующих статей. Клаудия Штробель (научный сотрудник кафедры общей педагогики Мюнхенского университета), Бернхард Шмидт-Герта (член руководящего комитета Европейского общества научных исследований проблем образования взрослых, и.о. профессора Технического университета Брауншвейга) и Дитер Гнас (старший научный сотрудник Немецкого института образования взрослых, г. Бонн) рассматривают вопросы неравенства в биографической перспективе [Strobel, Schmidt-Hertha, Gnahn, 2011]. Йенс Фрибе и Катрин Хюльсман, являющиеся научными сотрудниками Немецкого института образования взрослых и участниками программы по исследованию инклюзивного обучения в кварталах немецких городов, анализируют разницу возможностей, возникающую вследствие разности социального окружения обучающихся [Friebe, Hülsmann, 2011].

Как указывают К. Штробель, Б. Шмидт-Герта и Д. Гнас, в 1979 г. в Германии было проведено первое исследование, посвященное обучению по окончании обязательного школьного образования. Оказалось, что тогда как из людей 19–34 лет продолжают обучение 34%, среди тех, кто старше 64, таких только 11%. В настоящее время количество обучающихся после 65 лет достигло показателей, отмеченных для возрастной группы до 34 лет в 1979 г. Пожилых людей все чаще рассматривают как важный общественный ресурс. К. Штробель, Б. Шмидт-Герта и Д. Гнас в своей статье стремятся выяснить, кто именно из пожилых людей и как обучается и у кого наиболее высокие шансы на продолжение образования. Авторы приводят результаты эмпирического исследования образовательных предпочтений группы немецких пенсионеров (1658 человек в возрасте от 66 до 80 лет), осуществленного в 2007 г. Были выделены следующие формы обучения: неформальное обучение, формальное обучение (курсы, семинары и пр.), краткосрочное формальное обучение (мероприятия в течение не более чем одного дня), частное обучение, самообразование (чтение книг, газет, статей в Сети, просмотр телепередач, посещение выставок и т.п.); медиаобучение (дистанционное; прежде всего в

Интернете). На основании кластерного анализа респонденты были отнесены к одной из пяти групп:

1) не обучающиеся (27%): не вовлечены в формальные образовательные проекты, не читают, минимально вовлечены в неформальное образование (получают знания от семьи и друзей);

2) занимающиеся самообразованием (17%): интересуются средствами массовой информации, путешествуют, демонстрируют среднюю читательскую активность;

3) интенсивно обучающиеся (12%): участвуют как в неформальном, так и в формальном (долгосрочном и краткосрочном), в том числе частном, обучении; ограниченно пользуются компьютером;

4) нерегулярно обучающиеся (30%): в формальном обучении принимают участие от случая к случаю, причем предпочитают краткосрочные курсы; отличаются средней читательской активностью;

5) активно обучающиеся с разнообразными интересами (14%): получают знания из максимального количества источников, много читают и больше других используют компьютер.

Как отмечают авторы, данные результаты являются отражением жизненного пути принявших участие в исследовании пожилых людей. Для первой группы характерен самый низкий, для последней – самый высокий образовательный уровень. У представителей последней группы самые крупные домашние библиотеки. Они чаще всего состоят в браке и в наибольшей мере довольны своими социальными контактами. В то же время не обучающиеся пожилые люди демонстрируют наименьшую удовлетворенность жизнью и своим окружением. У них наиболее негативные представления о старости, что является, с точки зрения авторов, существенным барьером на пути к активному образу жизни и учебе в пожилом возрасте.

Цитируя Юргена Кокку и Урсулу Штаудингер¹, Й. Фрибе и К. Хюльсман отмечают, что на то, как человек стареет, влияет то, где именно это происходит. Люди живут в своих социальных мирах, часто довольно замкнутых, – последняя ситуация характерна, например, для мигрантов. Особенно высокий уровень сегрегации отмечается в городах. Социальное пространство формирует определенные ресурсы и ограничения. В отношении участия в образовательных мероприятиях такими ограничениями могут стать труд-

¹ Gewonnene Jahre: Empfehlungen der Akademiegruppe *Altern in Deutschland* / hrsg. von J. Kocka, U. Staudinger. – Stuttgart: Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 2009. – S. 65. – (Altern in Deutschland; Bd. 9).

ное материальное положение, незнание государственного языка, отсутствие сетей поддержки. По заявлению авторов, образование для пожилых людей должно быть доступным во всех отношениях, в том числе территориально. На это и направлен осуществляемый в Бонне проект по изучению инклюзивного образования «в квартале». Особое внимание разработчиков проекта привлечено к бедным пожилым людям с низким образовательным уровнем, в том числе иммигрантам. В качестве модели были выбраны районы Катернберг в Эссене, а также Шальке и Бисмарк в Гельзенкирхене. Удаленность подобных районов от центра города может порождать у их жителей ощущение, что они находятся в некотором социальном и культурном вакууме. Работой с пожилыми людьми здесь занимаются местные церковные общины, социальные службы и муниципальные органы. Специальные образовательные центры для взрослых отсутствуют, однако существуют образовательные программы в досуговых центрах. Спортивный союз Гельзенкирхена проводит в районе Бисмарк спортивные занятия для пожилых людей, и, по словам организаторов, теперь у их подопечных успех ассоциируется со спортом.

По результатам проведенного исследования авторы подчеркивают, что образовательные учреждения для пожилых людей должны быть доступными – прежде всего территориально, а также физически (например, для инвалидов). Их деятельность должна быть прозрачной: информация о них должна достигать как можно большего количества потенциальных клиентов. Наконец, важно укреплять связи между всеми специалистами в данной области. Самых учреждений необходимо открывать больше. Кроме того, нужно формировать у пожилых людей, особенно далеких (в силу негативного школьного опыта и иных причин) от образования, мотивацию к обучению. Кварталы, где живут пожилые люди, должны стать для них «пространствами, создающими возможности для обучения» («lernförderliche Ermöglichungsräume»¹).

Две статьи номера исследуют тему стереотипов о пожилых людях в контексте новых технологий. Научные сотрудники педагогического факультета Университета бундесвера в Мюнхене Олаф Дёрнер, Петер Лос, Буркхард Шэфер и Кристоф Вильке отмечают живучесть стереотипов в самых новых высокотехнологич-

¹ *Küchler F. von. Lernort Gemeinde: Zentrale Ergebnisse und Erkenntnisse // Lernort Gemeinde / hrsg. von A. Mörchen, M. Tolksdorf. – Bielefeld: Bertelsmann, 2009. – S. 82.*

ных проектах в области обучения пожилых людей [Die Macht der Bilder, 2011]. По заказу Еврокомиссии были созданы иллюстрации, которые должны отражать современное видение образования для пожилых людей и повысить привлекательность соответствующих образовательных учреждений. Одну из этих иллюстраций рассматривают в своей статье авторы, используя для ее интерпретации концепции Эрвина Панофски и Макса Имдаля¹. На переднем плане изображен пожилой человек перед компьютером в компании молодого человека, взгляды обоих устремлены на монитор. Прежде всего, авторы обращают внимание на одежду героев. Молодой человек одет в свободную яркую рубашку, в то время как пожилой мужчина одет в строгий костюм, т.е. одет излишне хорошо и официально («overdressed»), что выдает в нем представителя старшего поколения. С точки зрения перспективной проекции молодой человек составляет единую группу с компьютером, а пожилой несколько выпадает из этой картины. В планиметрической композиции пожилой герой значительно выделяется по цвету. Сценическая хореография указывает на отстраненность героев, отсутствие между ними значимой для процесса обучения связи. Вытянутая вперед рука пожилого мужчины будто подчеркивает его беспомощность перед техникой. В целом, утверждают авторы, пожилой человек не выглядит компетентным студентом. Участники фокус-группы, в которой проходило обсуждение данной иллюстрации, также исходили из стереотипного мнения о пожилых учащихся.

Статья Сольвейг Харинг (научного сотрудника Педагогического института Грацкого университета, одной из создателей исследовательской группы по изучению биографий, члена Академии новых медиа в Грацком университете) посвящена образам пожилых женщин в Интернете [Haring, 2011]. Как заявляет автор, в современном мире тот, кто не представлен в Сети, не будет услышан. В связи с этим она отмечает, что в блогосфере и на каналах YouTube практически не проявляют активность женщины старше 60 лет; от них не ожидают компьютерной компетентности, что фактически лишает их голоса. На YouTube, например, потенциальные запросы в отношении пожилых женщин носят большей частью негативный характер: имеют место тэги вроде «old bitches» и «crazy old women». Положительные образы пожилых женщин в про-

¹ Imdahl M. Ikonik: Bilder und ihre Anschauung // Was ist ein Bild? / hrsg. von G. Böhm. – München: Fink, 1994. – S. 300–324.

странстве Интернета – редкость. Но они все же существуют. Автор приводит примеры джазовой исполнительницы Лимпе Фукс, певицы Лизы Кох и диджея Рут Флауэрс (Mamy Rock), чьи интервью и музыкальные ролики доступны в Сети. В качестве примера блога она приводит *Geragogik* – блог Эдит Бахер, женщины за 60, идентифицирующей себя как «герагога и тренера по развитию» («Geragodin, Entwicklerin, Homo Ludens-Trainerin») [Haring, 2011, S. 11–14]. По мнению автора статьи, пожилые женщины должны ориентироваться на эти примеры и заявлять о себе, для чего им прежде всего необходимо преодолеть технофобию и активно овладевать новыми технологиями. В образовательных проектах, ориентированных на пожилых людей, наиболее важной ей представляется «мотивационная дидактика»¹.

Особый аспект образования пожилых людей рассматривает в своей статье-эссе Райнхард Эгартнер – руководитель объединения австрийских католических библиотек, на общественных началах работающий в публичной библиотеке Михаэльбойерна [Ehgartner, 2011]. Для автора библиотека – бесценный источник знания, в том числе о пожилых людях и для пожилых людей; с помощью библиотеки человек может найти свой собственный путь к активному старению. Одно библиотечное собрание объединяет самые разные книги, судьбы, жизненные истории – например, роман Вальтера Мюллера, написанный на основе дневников его матери², и рассказ Петера Хандке о своей матери³. Около 10 лет назад, сообщает Р. Эгартнер, в Австрии стартовал проект, направленный на то, чтобы сделать местные библиотеки в большей мере соответствующими интересам и потребностям пожилых людей. Для библиотекарей проводились семинары, которые были призваны повысить их квалификацию в данной области. Ряд семинаров и мастер-классов, приуроченных к выставке его работ, провел известный австрийский фотограф Вилли Пухнер, автор нескольких серий фотографий, посвященных пожилым людям, – в частности, изображающих 90-летних жителей одного из районов Вены, а также влюбленные пары, сложившиеся после 70 лет.

В поисках вдохновения для своего проекта австрийские библиотекари обратились к зарубежному опыту и посетили, в частности,

¹ Arnold R. Weiterbildung: Ermöglichungsdidaktische Grundlagen. – München: Vahlen, 1996.

² Müller W. Kleine Schritte. – Salzburg; Wien: Müller, 2010.

³ Handke P. Wunschloses Unglück. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1974.

«Музей человеческой истории» (People's Story Museum) в Эдинбурге, в котором собраны документы, фотографии, предметы быта простых горожан с конца XVIII в. до наших дней. Из скандинавских стран пришла идея так называемых Erzählcafés («кафе рассказчиков»), где пожилые люди рассказывают истории из своей жизни. Второе рождение переживает традиция «Vorleseoma – Vorleseora» («бабушка / дедушка-чтец»): в библиотеках устраиваются вечера, на которых пожилые люди читают сказки детям. С одной стороны, это сближает поколения. С другой стороны, подобные мероприятия помогают осваивать немецкий язык детям, для которых он не является родным. Наконец, автор видит в этом воплощение мечты об обретении дедушки или дяди – старого мудрого помощника и защитника, которая была описана в «Оливере Твисте» и «Маленьком лорде», а позже – в «Летающей классной комнате» и «Гарри Поттере». Кроме того, имеет место следующий момент. Немало библиотекарей – сами пожилые люди. Более трети австрийских библиотекарей – старше 50 лет; есть и те, кому за 80. Всем им необходимо качественно обслуживать читателей, для чего на нынешнем этапе необходимо осваивать новые технологии. В целом, заключает Р. Эгартнер, вместе с архивами и музеями библиотеки составляют память человечества. И если изначально логотипом описываемого в статье проекта были книга и очки, то по итогам полученного библиотекарями опыта появился новый образ – книга, каждый листок которой представляет собой жизненную историю, своего рода маленькая библиотека жизни.

Собственно научно-педагогическим основам образования пожилых людей посвящена статья Аниты Брюннер (научного сотрудника Педагогического института Университета Альпен-Адрия в Клагенфурте) [Brünner, 2011]. Основываясь на программе, разработанной Хансом Заутером и Дагмар Хайдекер, она намечает дидактические принципы обучения пожилых людей.

Прежде всего, необходимо, чтобы преподаватели обладали психолого-педагогическими знаниями о пожилой возрастной группе. Важно, чтобы преподаваемый материал был целесообразным, опирался на факты и отвечал запросам целевой аудитории. Он должен ориентироваться на индивидуальные мотивы и ассоциации, отсылать к неявному знанию; фазы восприятия информации должны перемежаться с рефлексией. Любой курс должен быть практически ориентированным. И, что не менее важно, учебный процесс должен контролироваться учащимися.

Начиная работу над образовательным проектом, преподавателю следует задать себе десять вопросов.

1. Какова моя целевая группа, каковы рамочные условия моей работы, какие цели я перед собой ставлю и как планирую их достичь?

2. Какие различия существуют между учащимися в моей группе?

3. Какие темы и формы работы нужно избрать?

4. Как создать необходимую атмосферу, добиться обратной связи?

5. Как будет организована моя роль в учебном процессе, как мне дальше продолжать свое собственное обучение?

6. Какие методы и приемы работы выбрать?

7. С какими препятствиями и ограничениями мне предстоит столкнуться и как их преодолеть?

8. В какой форме я изложу результаты своей работы?

9. Как придать моей работе устойчивый характер, развить сеть необходимых контактов?

10. Как будет оцениваться моя работа?

Общие дидактические принципы раскрываются в конкретных проектах, которые описываются в статьях Фредерика Шульца [Schulz, 2011] и Мануэлы Фольман [Vollmann, 2011]. Ф. Шульц (научный сотрудник Технического университета Кайзерслаутерна, специализируется в области педагогики и общественных наук) руководит проектом «LEA – Lernend Altern» («Пожилые учащиеся»). Данный проект ориентирован на людей с ограниченными физическими возможностями, с тем чтобы и у них появилась возможность учиться и вести более активный образ жизни. В ходе проекта была сформирована группа из нескольких пожилых людей (от 65 до 90 лет), которые из-за проблем со здоровьем не покидают дома. Под руководством преподавателя они посредством Интернета осваивали различный учебный материал и выполняли задания. Общение происходило как асинхронно, так и в реальном времени. Проект, отмечает Ф. Шульц, очень прост в реализации. Он не требует никаких особых условий, и участникам необходимо обладать лишь минимальными навыками обращения с компьютером. Имеющиеся в распоряжении учебные материалы легко подвергаются оцифровке. По итогам проекта участники отметили улучшение мобильности и технических умений. Проект подтвердил, что социальные контакты и коммуникация выступают важным фактором развития позитивного мироощущения. Все участники отмети-

ли удовлетворенность проектом, треть высказали желание дальше учиться работе на компьютере. Единственной сложностью в осуществлении проекта, как указывает автор, может стать его техническая сторона, а именно – необходимость наличия оргтехники и высокоскоростного Интернета, однако при расширении проекта и использовании одних и тех же программ и технологий для большего числа пользователей затраты на его реализацию снизятся.

М. Фольман (специалист в области образования взрослых, основатель и президент некоммерческой организации «abz*austria», президент национальной зонтичной организации социальных предпринимателей, и.о. председателя наблюдательного совета института НКО Венского экономического университета) представляет в своей статье проект «Lernen bewegt» («Учеба мотивирует»). Организация «abz*austria» помогает женщинам старше 45 лет найти работу и тем самым обрести уверенность в себе и своих силах. В указанном проекте, проводившемся в 2005–2006 гг., приняли участие 10 безработных женщин. В качестве целей, которые руководители ставили перед собой, автор называет идентификационную работу, повышение самооценки посредством развития индивидуальных компетенций, мотивацию к продолжению образования, повышение компьютерной грамотности, развитие навыков управления проектами, работы в команде и разрешения конфликтных ситуаций, ознакомление с положением на рынке труда. Во-первых, было необходимо помочь женщинам преодолеть негативное отношение к своему возрасту и возможностям. Во-вторых, им нужно было научиться учиться. Слушательницы учились задавать вопросы, формулировать свои собственные цели в зависимости от жизненной ситуации и индивидуальных потребностей; им было нужно самостоятельно осознать, ради чего они принимают участие в проекте. По результатам биографической работы и рефлексии складывались стратегии дальнейшего обучения. В ходе работы у участниц формировались социальные компетенции, навыки общения и самопрезентации. Ими осваивались техники улучшения памяти, они учились представлять любую сложную информацию в простой форме, выстраивать связи между знаниями, в результате чего все знания образовывали единую систему; улучшались и различные технические навыки, в частности умение работать на компьютере. По итогам проекта участницы подготовили два продукта – плакат, представляющий позитивный образ работающей женщины старше 45 лет и размещенный в венском метро, а также брошюру «Psst... Ihre Chance!» («По секрету: Ваш шанс!»), которая привле-

кает внимание к положению работниц старшего возраста. По словам участниц, они увидели для себя перспективу как в работе, так и в других сферах жизни, почувствовали себя лучше морально и физически, стали креативнее, осознали собственную значимость, ощутили желание учиться и развиваться дальше. М. Фольман видит в учебе эмоциональное событие – от крайне негативного опыта человек переходит к ситуации успеха и позитивным переживаниям.

Вопросы психического здоровья как существенного фактора активного старения рассматривают в своей статье научные сотрудники Научно-исследовательского института Красного Креста в Вене Дорис Баммер и Альмут Бахингер, а также Герт Ланг (научный сотрудник Научно-исследовательского института Красного Креста, читает лекции по методам эмпирической социологии в институте социологии Венского университета) [Bammer, Lang, Bachinger, 2011]. Авторы отмечают, что психическое здоровье пожилых людей требует особого внимания, поскольку в этом возрасте люди сталкиваются с такими непростыми жизненными обстоятельствами, как выход на пенсию, болезнь и смерть близких. Многим пожилым людям приходится жить с хроническими заболеваниями и / или в одиночестве, что делает их одной из наиболее уязвимых групп населения. Задачу специалистов авторы видят в том, чтобы способствовать эмпауэрменту пожилых людей и их участию в жизни общества. Важно, чтобы работа по улучшению качества жизни пожилых людей осуществлялась «на местах» (im Setting) – по месту жительства, в доме для престарелых, – поскольку в этом случае новые здоровые привычки становятся частью повседневной жизни человека. Соответствующие мероприятия должны охватывать все заинтересованные стороны – самих пожилых людей, сотрудников обслуживающих их организаций, разработчиков социальных и медицинских программ. Должны быть сформированы междисциплинарные сети, которые будут аккумулировать необходимые ресурсы, знания и навыки.

Под эгидой Евросоюза в настоящее время осуществляются два проекта – «Mind Health» («Психическое здоровье») и «Mental Health Promotion Handbooks» («Справочники по содействию улучшению психического здоровья»). По мысли разработчиков, они должны привлечь внимание людей, во-первых, в школе, во-вторых – на рабочих местах, в-третьих – в учреждениях для пожилых людей. В рамках данных проектов организуются, в том числе в Интернете, тренинги по развитию здорового и активного образа

жизни. Участники учатся заботиться о своем здоровье, общаются, рассказывают о своей жизни, обмениваются опытом; в результате преодолевается социальная изоляция, люди обретают уверенность и контроль над своей жизнью. С точки зрения Д. Баммер, А. Бахингер и Г. Ланга, необходимо, чтобы улучшение психического здоровья стало неотъемлемой составляющей программ по повышению качества жизни, и в данном случае требуются большие организационные и властные усилия.

В заключение оригинальной части номера (за которой следуют рецензии) магистр Кристина Миттерলেখнер рисует портрет пока еще молодой специальности «герагог» [Mitterlechner, 2011]. Как уже было упомянуто, единственное учебное заведение, дающее профессиональное образование (степень магистра) в области герагогики, – это Церковная педагогическая высшая школа (Вена – Кремс). Именно ее и закончила автор данной статьи. Обучение здесь длится шесть семестров и на момент написания статьи стоило 1100 евро за семестр. Руководитель – Франц Колланд. Соискатели должны иметь высшее педагогическое или медицинское образование и несколько лет стажа работы по первой специальности. Следуя Ф. Колланду¹, К. Миттерলেখнер видит место герагогики на стыке геронтологии и педагогики. По ее словам, герагогика (наука об обучении пожилых людей) – это естественное продолжение педагогики (науки об обучении детей) и андрагогики (науки об обучении взрослых). Цель герагогики – раскрыть потенциал пожилых людей и использовать его на благо общества. Основные направления герагогической практики – повышение конкурентоспособности работников старшего возраста, подготовка к пенсии, обучение навыкам здорового образа жизни, помощь в осмыслении возраста и формировании творческого подхода к жизни, образование в области новых информационных технологий, межпоколенческое обучение.

Автор перечисляет несколько проектов, которые были воплощены в жизнь магистрами 2007 г. выпуска:

– «Обучение в радость» по системе Монтессори; проект запущен в 2009 г. в одном из венских досуговых центров;

– «SEELERNETZ – SeniorInnen lernen in Netzwerken» («Пожилые учатся в социальных сетях»);

¹ Kolland F. Standortbestimmung der Geragogik // Geragogik: Eine Herausforderung der Zukunft / hrsg. von H. Miklas. – B.; Wien: LIT-Verl., 2010. – S. 9–24. – (Schriften der Kirchlichen Pädagogischen Hochschule Wien/Krems; Bd 3).

- межпоколенческий проект «Sonnenschein» («Солнечный свет»): постояльцы дома для престарелых развивают мелкую моторику вместе с детьми дошкольного возраста;
- биографическая работа с пожилыми людьми;
- привлечение пожилых людей к волонтерской работе с нуждающимися в помощи сверстниками;
- исследование условий труда австрийских IT-специалистов старше 40 лет;
- внедрение курса герагогики в программу средних общеобразовательных и специальных учебных заведений; на момент написания статьи такой курс уже существовал в техникуме, готовящем работников социальной сферы, в г. Винер-Нойштадт, в евангелической гимназии Гальнойкирхена и в экономическом колледже в Вене (отделение «Менеджмент в социальной сфере»).

В 2009 г. выпускники магистратуры Церковной педагогической высшей школы основали первый профсоюз герагогов; его девиз – «Leben ist Lernen» («Жизнь – это учеба»).

Завершается настоящий выпуск журнала *Erwachsenenbildung* рецензиями на четыре новые книги, посвященные проблемам образования пожилых людей. Среди вопросов, рассматриваемых авторами данных публикаций, – развитие и перспективы герагогики, межпоколенческое обучение, социальный капитал пожилого населения, образование в жизни пожилых мигрантов.

Список литературы

- Bammer D., Lang G., Bachinger A.* Weiterbildung von Führungs- und Fachkräften als Beitrag zum aktiven Altern: Der Bereich der Gesundheitsförderung // *Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs.* – Wien; Graz, 2011. – N 13: *Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns* / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 121–129 (14–1–14–9). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Brünner A.* Leitprinzipien und didaktische Handlungsansätze in der Erwachsenenbildung: Lernen im Alter // *Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs.* – Wien; Graz, 2011. – N 13: *Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns* / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 79–89 (09–1–09–11). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Die Macht der Bilder: Zum Umgang mit Altersbildern im Kontext lebenslangen Lernens / Dörner O., Loos P., Schäffer B., Wilke Ch. // *Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs.* – Wien; Graz, 2011. – N 13: *Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns* / hrsg. von D. Heidecker,

- A. Schneeberger. – S. 68–78 (08–1–08–11). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Ehgartner R.* «Wäre ich ein Buch zum Lesen»: Bibliotheken als Begleiter aktiven Alterns // *Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs.* – Wien; Graz, 2011. – N 13: Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 90–96 (10–1–10–7). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Friebe J., Hülsmann K.* Bildungsaktivität und Bildungsbarrieren älterer Menschen im sozialen Raum // *Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs.* – Wien; Graz, 2011. – N 13: Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 58–67 (07–1–07–10). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Haring S.* Neue Medien – «alte» Frauen: Medienkompetenz für ein Aufweichen von Klischees // *Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs.* – Wien; Graz, 2011. – N 13: Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 97–104 (11–1–11–8). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Heidecker D., Schneeberger A.* Editorial // *Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs.* – Wien; Graz, 2011. – N 13: Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 5–10 (01–1–01–6). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Kolland F.* Bildung und aktives Altern // *Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs.* – Wien; Graz, 2011. – N 13: Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 11–19 (02–1–02–9). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Mitterlechner Ch.* Geragogin? Geragoge? Ein neuer Beruf für Bildung und Lernen im Alter(n) // *Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs.* – Wien; Graz, 2011. – N 13: Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 135–139 (15–1–15–6). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Pichler B.* Revoltierendes Anerkennen des Alter(n)s: Für eine unzeitgemässe Sicht auf das Alter // *Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs.* – Wien; Graz, 2011. – N 13: Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 29–37 (04–1–04–9). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Schulz F.* Weiterbildung im Alter entgrenzen: Niederschwelligkeit im eLearning-Projekt «LEA – Lernend Altern» // *Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs.* – Wien; Graz, 2011. – N 13: Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 105–112 (12–1–12–8). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Siebert H.* Bildung im Alter // *Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs.* – Wien; Graz, 2011. – N 13: Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 20–28 (03–1–03–9). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>

- Strobel C., Schmidt-Hertha B., Gnahn D.* Bildungsbiographische und soziale Bedingungen des Lernens in der Nacherwerbsphase // Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs. – Wien; Graz, 2011. – N 13: Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 47–57 (06–1–06–11). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Vollmann M.* Lebenslanges Lernen, Lern-Lust lebenslang: Lehrgang für Frauen 45+ // Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs. – Wien; Graz, 2011. – N 13: Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 113–120 (13–1–13–8). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>
- Wienberg J., Czepek J.* «Aktives Altern» unter Vorbehalt: Ungleiche Teilhabechancen von der Wiege zur Bahre // Magazin erwachsenenbildung.at: Das Fachmedium für Forschung, Praxis u. Diskurs. – Wien; Graz, 2011. – N 13: Erwachsenenbildung als Faktor aktiven Alterns / hrsg. von D. Heidecker, A. Schneeberger. – S. 38–46 (05–1–05–9). – Mode of access: <https://erwachsenenbildung.at/magazin/11-13/meb11-13.pdf>

Формоза М.
ЧЕТЫРЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ
ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ¹.
(Реферат)

Реф. ст.: *Formosa M. Four decades of Universities of the third age: Past, present and future // Ageing a. society. – Cambridge, 2014. – Vol. 34, N 1. – P. 42–66.*

***Ключевые слова:** университеты третьего возраста; непрерывное образование; образовательная геронтология.*

Статья Марвина Формозы (Европейский центр геронтологии, Мальтийский университет, Мальта) посвящена прошлому и настоящему международной системы образовательных учреждений, программ и курсов, известных как «университеты третьего возраста» (далее – УЗ В). Автор реконструирует 40-летнюю историю возникновения, институционализации и развития «социокультурных центров для пожилых людей, где в комфортной обстановке, с использованием простых и приемлемых для них методов обучения, люди “третьего возраста” получают возможность приобрести новые знания и навыки (или апробировать уже имеющиеся) применительно к общественно значимым сферам жизни» (с. 42–43). УЗ В возникли во Франции в 1972 г. и с тех пор получили самое широкое распространение во всем мире. В 2011 г. в Австралии

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 1. – С. 49–58.

насчитывалось 240 таких центров, объединявших 69 086 человек; в Британии – 798 (269 750 человек); в Китае в 2008 г. число подобных организаций достигло 40 000 (4,3 млн участников); УЗ В существуют сегодня в Канаде и Новой Зеландии, на Тайване, во многих европейских странах и в странах Латинской Америки (с. 43). Их целевая аудитория – люди, достигшие пенсионного возраста, не обремененные ни служебными, ни родительскими обязанностями и достаточно крепкие физически и духовно, чтобы не задумываться о смертельных недугах¹. При всем разнообразии существующих сегодня типов подобных организаций и специфике используемых ими стратегий обучения УЗ В – это не только способ сообщения современного знания людям определенной возрастной категории, но и форма социального движения в защиту права пожилых людей идти в ногу со временем и его проблемами. Другими словами, это одновременно теория и практика непрерывного (пожизненного) образования, социальной геронтологии и социальной политики, а также гуманистическое мировоззрение в действии, подчеркивает Формоза.

Истоки УЗ В восходят к законодательной инициативе правительства Франции, которое в 1968 г. обязало национальные университеты поддержать программу непрерывного образования. В 1972 г. в Университете Тулузы была организована первая летняя школа для пенсионеров, желающих за номинальную плату пройти курс обучения по ряду гуманитарных дисциплин. Спустя 15 лет Пьер Веллас, один из координаторов первой обучающей программы для людей третьего возраста во Франции, следующим образом сформулировал главные цели этой и последующих просветительских инициатив в рамках проекта непрерывного образования: 1) повышение качества жизни пожилых людей; 2) реализация задачи непрерывного обучения для пожилых в тесном контакте с более молодыми возрастными группами; 3) координация геронтологических исследовательских программ; 4) разработка и осуществление непрерывного образования в области геронтологии².

В Университете Тулузы, а позднее и в других университетах Франции обучение пожилых строилось по аналогии с обычным

¹ Weiss R.S., Bass S.A. Introduction // Challenges of the third age: Meaning and purpose in later life / ed. by R.S. Weiss, S.A. Bass. – N.Y.: Oxford univ. press, 2002. – P. 3–12.

² Vellas P. Genesis and aims of the universities of the third age // European network bull. – Brussels, 1997. – Vol. 1, N 1. – P. 9–12.

процессом преподавания: занятия, преимущественно в форме лекций, проводились в дневное время пять раз в неделю на протяжении 8–9 месяцев. Первоначально содержание лекционных курсов ограничивалось геронтологической тематикой; в последующие годы доминирующее положение заняли гуманитарные и искусствоведческие дисциплины. В стране год от года росло число пенсионеров, выражавших желание и готовность продолжить свое образование. В 1980 г. Французский союз университетов третьего возраста разработал перечень требований, которым должны отвечать образовательные учреждения, претендующие на звание УЗ В. Главной ценностью провозглашались академические стандарты образования, что предполагало привлечение к работе с пожилыми авторитетных преподавателей из лучших национальных университетов. Таким образом, процесс обучения лиц третьего возраста строился в соответствии с традиционной иерархией отношений «профессор – студент»; выбор предметов и организация учебных курсов целиком и полностью являлись прерогативой профессорско-преподавательского состава, тогда как учащимся, невзирая на их опыт и знания, отводилась пассивная роль слушателей. Тем не менее, по мнению ряда исследователей, в самой идее УЗ В проявился мятежный дух контркультуры: это было прибежище для тех, кому прежде (по причине их возраста) было отказано в праве на современное знание.

В отличие от Франции, где УЗ В имеют законодательную поддержку и функционируют в рамках или при непосредственном участии тех или иных факультетов университетов (теология, социальные и гуманитарные дисциплины, педагогика), британские центры аналогичного профиля существуют как независимые объединения на принципах взаимной помощи обучающихся и обучаемых. Это группы самообразования, которые представляют собой свободные собрания людей пожилого возраста, готовых делиться друг с другом своими профессиональными знаниями, практически (ремесленными и художественными) навыками, взглядами и мнениями о жизни и текущих событиях. Ключевые идеи британских УЗ В – это демократичность, равенство и минимальная социальная дистанция между обучающими и обучаемыми, отказ от авторитарного стиля преподавания, независимость от университетских и государственных структур, максимальная открытость. В этом отношении британские УЗ В можно рассматривать как реализацию идей И. Иллича, который выступал против институционализации процесса передачи знания, когда учителя уподобляются оракулам,

а учащиеся теряют способность к самостоятельному критическому мышлению¹. По мнению Иллича, система образования должна стать более гибкой и подвижной – с тем чтобы обеспечить доступ к образовательным ресурсам для всех желающих, способствовать свободному обмену знаниями и создавать предпосылки для передачи профессиональных навыков. Именно эти цели ставят перед собой британские УЗ В, которые никак не связаны ни с университетскими программами с их обязательным набором предметов, ни с системой социальной защиты, констатирует Формоза.

Помимо британской и французской моделей обучения пожилых людей, сегодня популярны культурно-гибридная, франкоязычная североамериканская, южноамериканская и китайская, продолжает автор. Для координации работы национальных обучающих центров для пожилых людей были созданы такие организации, как Международная ассоциация УЗ В (2008) и Всемирный УЗ В. Первая организация, объединяющая 23 государства (притом что УЗ В сегодня существуют более чем в 60 странах мира), раз в два года проводит международные конгрессы, где обсуждаются национальные программы и способы обучения пожилых; вторая занимается в основном технической поддержкой работы УЗ В во всем мире с помощью электронных ресурсов.

Обращаясь к культурно-региональной специфике моделей УЗ В в XXI столетии, Формоза подчеркивает, что во многих странах французские и британские организационные принципы непрерывного образования успешно объединены: в Финляндии УЗ В существуют в рамках университетов и ориентируются на академические образовательные программы; вместе с тем здесь используют опыт и знания самих пожилых учащихся, а также учитывают их пожелания в плане выбора предметов и содержания учебных курсов. На Мальте лекции университетских профессоров перемежаются «собраниями по интересам» под руководством авторитетных людей из числа обучающихся. В Монреале делается ставка на максимальное сближение требований к учащимся разных возрастных когорт, так что представители третьего возраста, при наличии у них профильного образования в прошлом, могут претендовать на степень бакалавра. В Южной Америке УЗ В в первую очередь ориентируются на представителей социальных низов, тогда как французские центры обучения для пенсионеров – это скорее заведения элитарного характера. В КНР доминирует тради-

¹ Illich I. Deschooling society. – Hammondsorth: Penguin books, 1973.

ционный тип всестороннего или универсального образования, в том числе и для пожилых, поэтому академические дисциплины сосуществуют с обязательными занятиями боевыми искусствами и философией; при этом в качестве преподавателей приглашают как маститых профессоров (чей труд оплачивается), так и молодых волонтеров. На Тайване УЗ В не связаны ни с университетами, ни с группами образовательной взаимопомощи; они функционируют при поддержке местной администрации, которая привлекает профессиональных преподавателей.

В работе УЗ В сегодня активно используются электронные ресурсы. Это касается не только пожилых людей, которые по тем или иным причинам не могут физически посещать занятия, но и всех желающих обучаться онлайн. Как свидетельствует статистика, в 2008 г. 38% населения старше 65 лет в США, Канаде, Новой Зеландии и Швеции являлись уверенными пользователями Интернета; поэтому в XXI в. виртуальное образование приобретает все большую популярность и среди пожилых. Разработку и координацию виртуальных курсов для лиц третьего возраста осуществляют такие международные центры, как УЗ В онлайн (U3A Online) и Виртуальный университет третьего возраста, где работают по преимуществу волонтеры из Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Очевидно, замечает автор, что онлайн обучение пожилых людей дешевле, чем традиционные формы УЗ В.

Формоза подробно останавливается на позитивных результатах деятельности УЗ В, которая, по его мнению, не ограничивается предоставлением образовательных услуг тем, кто в силу возраста исключен из системы формального образования. Эффективность социокультурных образовательных центров для пожилых проявляется не только в улучшении качества жизни, психического и когнитивного здоровья вовлеченных в обучение индивидов; их деятельность имеет непосредственное влияние на духовный климат современных обществ. С этой точки зрения УЗ В – это первый и весьма плодотворный шаг на пути реализации Мадридского международного плана действий в отношении старения, принятого ООН (2002). Существующие формы пожизненного образования разрушают стереотип третьего возраста как периода морального и физического упадка, когда индивид полностью исключен из социальной жизни и довольствуется ролью пассивного реципиента социальных пособий. Участие в неформальном образовательном процессе и овладение навыками виртуального общения дают пожилым людям возможность сохранить гражданскую позицию и

высказаться по тем вопросам, которые волнуют общество. Как заметил по этому поводу один из участников ирландского образовательного центра для пожилых, УЗ В – это физическое пространство, где люди третьего возраста, собираясь вместе, могут заявить о своем праве голоса (с. 49). В связи с этим Формоза обращает внимание на тот факт, что именно люди третьего возраста способны стать тем резервом социальной вовлеченности и гражданского участия, об утрате которых на рубеже XX–XXI вв. сожалел Р. Патнэм¹. Несмотря на то что УЗ В не вовлечены в орбиту политического активизма, они способствуют участию пожилых людей в жизни сообществ и дают им ощущение причастности к проблемам современности.

Что касается связи между физическим здоровьем пожилых людей и их обучением в УЗ В, то автор с осторожностью относится к имеющимся в литературе оптимистическим оценкам и прогнозам. Тем не менее накопленные данные дают основание говорить о том, что участие в непрерывном образовательном процессе в любой его форме позволяет людям, достигшим пенсионного рубежа, поддерживать имеющийся у них уровень интеллектуальной активности, а также получать информацию о способах сохранения своих когнитивных ресурсов. Для многих «студентов третьего возраста» позитивный эффект продолжающегося образования связан не только с приобретением знаний, но и с возможностью расширить свой кругозор благодаря общению с ровесниками, которые обладают совершенно иным профессиональным и жизненным опытом, а также заполнить психологический и коммуникативный вакуум, именуемый периодом заслуженного отдыха. Значительное число исследований свидетельствует о том, что люди третьего возраста, вовлеченные в неформальный образовательный процесс, увеличивают свой «психологический капитал»: повышается их самооценка, растет уверенность в своих силах, снижается уровень депрессии и тревоги, вызванных ощущением несоответствия своего жизненного опыта новым требованиям социальной реальности. Таким образом, резюмирует автор, «приобщение к деятельности УЗ В имеет для людей старшего возраста в том числе и терапевтический эффект, способствуя их психосоциальной адаптации к процессу старения и неизбежности выхода на пенсию» (с. 50). Для общества в целом непрерывное образование для пожилых, помимо

¹ Putnam R. Bowling alone: The collapse and revival of American community. – N.Y.: Simon & Schuster, 2000.

перечисленных «невещественных» позитивных результатов, является также и источником прямой экономической выгоды. Поскольку основное бремя в плане организации УЗ В, управления и собственно преподавания берут на себя волонтеры, затраты государственных служб, призванных улучшать качество жизни данной возрастной когорты, значительно снижаются.

Популярность и высокий общественный рейтинг УЗ В не освобождают их от социальной критики, с одной стороны, и серьезных финансово-организационных проблем – с другой, продолжает Формоза. Одной из таких проблем оказывается несоответствие материальных и человеческих ресурсов, которыми располагают образовательные центры этого типа, числу пожилых людей, желающих продолжить свое образование. Очевидно, что в первую очередь это проблема организаций, выбравших британскую модель непрерывного образования, т.е. независимость и взаимопомощь без поддержки государственных социальных либо образовательных структур. Вместе с тем те УЗ В, которые функционируют в рамках формальной системы национального образования и располагают хорошей материальной базой для своей работы, оказываются в полной зависимости от университетской администрации и чиновников, навязывающих те или иные стратегии и стандарты обучения, содержание учебных курсов и политику в отношении студентов третьего возраста. С учетом этих трудностей популярная некогда идея П. Ласлетта о превращении УЗ В в геронтологические научно-исследовательские лаборатории так и остается нереализованной, с сожалением констатирует Формоза¹.

Критические замечания в адрес УЗ В связаны с тем, что в рамках их деятельности воспроизводятся и поддерживаются многие стереотипы обществ позднего модерна: элитизм, классовая дифференциация, гендерная и этническая дискриминация и, как это ни парадоксально, образ пожилого человека как социальной обузы и гражданского балласта. Другими словами, идеология и практика образовательных институтов для людей третьего возраста очень часто расходятся друг с другом. Как показывает статистика, УЗ В в основном ориентированы на представителей среднего класса, т.е. на тех членов общества, которые уже имеют образование и кому знакома «радость познания». Либерально-художественное направление большинства учебных курсов также отвечает запро-

¹ Laslett P. A fresh map of life: The emergence of the third age. – L.: Macmillan press, 1989.

сам именно этого социального сегмента. Выходцы из рабочего класса настороженно относятся к подобным образовательно-культурным инициативам с их «буржуазными ценностями». Кроме того, предлагаемые УЗ В программы мало соответствуют желанию рабочих получить те или иные практические навыки – с тем, чтобы улучшить свое материальное положение на пенсии. То же самое происходит и с представителями этнических меньшинств в мультикультурных сообществах (например, в Австралии или в Новой Зеландии), поскольку их «культурный капитал» негласно считается недостаточным для участия в программах непрерывного образования.

Деятельность УЗ В также характеризуется ярко выраженным сексизмом. С одной стороны, основной контингент обучающихся в этих центрах – это пожилые женщины. Так, в Мальтийском университете пропорция пожилых женщин и мужчин составляет 3:1; в Австралии – 4:1; в Испании – 2,5:1 (с. 54). С другой стороны, численное преимущество женщин третьего возраста не отменяет традиции мужского доминирования в процессе обучения, что выражается в пассивности женской части аудитории, менее охотно участвующей в дискуссиях и обсуждениях, и в преобладании мужчин среди преподавательского состава. Вместе с тем второстепенная роль женщин в учебном процессе компенсируется содержанием учебных курсов, которые по большей части отвечают как раз женским интересам и малопривлекательны для сильного пола (даже те из них, что затрагивают темы здоровья и долголетия). Кроме того, административные функции в подобных культурно-образовательных учреждениях в основном выполняют женщины, что усиливает нежелание мужчин преклонного возраста посещать «дамские кружки по интересам».

К недостаткам современных УЗ В Формоза относит также неумение (или нежелание) администрации наладить диалог поколений. Идеал межпоколенного обмена знаниями в контексте непрерывного образования так и остается нереализованным. Более того, УЗ В сегодня не готовы принять в свои ряды людей более старших когорт (четвертый возраст), несмотря на то что проблемы со здоровьем, памятью и физической мобильностью могут иметь (или не иметь) как 60-летние, так и перешагнувшие 80-летний рубеж.

Подводя итоги 40-летней истории УЗ В, Формоза отмечает, что недостатки современной системы пожизненного образования, которые тормозят претворение в жизнь политики успешного ста-

рения и идеи мультिवозрастных сообществ, обусловлены концепцией пожилого возраста, унаследованной из прошлого века. Для того чтобы культурно-образовательные центры для людей третьего возраста сохранили свое значение в будущем, следует в корне пересмотреть эту концепцию. «Главный вызов, на который предстоит сегодня ответить университетам третьего возраста, – это релевантность и созвучность их деятельности жизненному миру нынешней и грядущих когорт старшего возраста», – подчеркивает Формоза (с. 56). Если 20 лет назад семейный круг либо дом для престарелых исчерпывали выбор образа жизни для людей старшего возраста, то сегодня идентичность пожилого человека – это «рефлексивное предприятие», которое реализуется ее субъектом путем свободного выбора в контексте общей тенденции позднего модерна к индивидуализации и секуляризации жизненных стратегий (с. 56–57). Люди третьего возраста в наши дни отличаются более крепким физическим здоровьем, более высоким уровнем образования, лучшим материальным достатком, чем их сверстники два десятилетия тому назад. В отличие от пожилых прошлого века, они чаще и охотнее сочетают частичную трудовую занятость с плодотворным досугом, в том числе с приобретением нового знания. Сегодня поколение третьего возраста уже не довольствуется традиционными ожиданиями в отношении «жизни на пенсии»; оно готово к творческому созиданию своей биографии на самых поздних ее этапах. С учетом сказанного УЗ В должны пересмотреть свои прежние задачи, а также изменить представления о целях и методах обучения старших возрастных когорт. М. Формоза предлагает следующие направления трансформации деятельности УЗ В в ближайшем будущем: 1) отказ от жесткого противопоставления французской и британской моделей образования для пожилых в пользу сочетания либо чередования чисто образовательных (практических) задач и досугово-терапевтических функций; 2) переход от лекционной, т.е. односторонне-пассивной стратегии сообщения знаний пожилой аудитории к интерактивным методам обучения с привлечением молодого поколения студентов; 3) установка на диалог обучающихся с преподавателями и друг с другом (независимо от пола, возраста и социального статуса); использование в процессе обучения жизненного опыта и профессиональных навыков аудитории; 4) пересмотр содержания учебных курсов в направлении их конкретизации, акцент на «практических» (ботаника, зоология, садоводство) и социально значимых (охрана окружающей среды, забота о себе) предметах и темах. УЗ В призваны

также расширять возрастной диапазон своих потенциальных участников и изыскивать способы привлечения в свои ряды представителей четвертого возраста, организуя выездные занятия и мероприятия по интересам в домах для престарелых и в соседских сообществах (лекции и дискуссии; клубы библиофилов; литературные чтения; самодеятельные журналы и т.п.).

Е.В. Якимова

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ /
ПОД РЕД. Б. ФИНДСЕНА, М. ФОРМОЗЫ¹.
(Реферат)**

Реф. кн.: International perspectives on older adult education / ed. by B. Findsen, M. Formosa. – Cham: Springer, 2016. – XIX, 519 p.

***Ключевые слова:** образование взрослых; образование пожилых; университеты третьего возраста; формальное и неформальное образование; грамотность.*

В предисловии к реферируемой книге известный андрагог Алан Таккетт (Вулверхэмптонский университет, Великобритания) отмечает, что в эпоху «образования для всех» сохраняется значительная разница между риторикой международных договоров и практикой на местах, между научной теорией и образовательной политикой. Лучшие практики в данной сфере, по его словам, способствуют улучшению качества жизни пожилых людей, обеспечивая содержательное общение, активность, познание. Ведь пожилым людям, как никому, известно, что обучение не сводится к экономической продуктивности, а позволяет радоваться, петь, рассказывать истории, обмениваться мнениями и мечтать – иными словами, несет в себе то, что нужно для жизни, которая стоит того, чтобы жить.

Редакторами данной монографии стали также известные специалисты в области образования взрослых – Брайен Финдсен

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2019. – № 4. – С. 10–34.

(Университет Вайкато, г. Гамильтон, Новая Зеландия) и Марвин Формоза (Мальтийский университет, г. Мсида, Мальта). Как они утверждают во введении, обучение в течение всей жизни никогда еще не было настолько востребовано. Оно, в частности, соответствует идеям активного старения, играющим важную роль в современном мире. Конечно же, ситуация в разных странах и регионах существенно разнится. И даже в более благополучных странах за бортом образования остаются многие группы пожилых людей – в частности, мужчины; сельские жители; представители этнических меньшинств; люди, живущие с инвалидностью / хроническими заболеваниями; подчас им помогают инициативы в области неформального образования¹ и деятельность НКО. При этом, пожалуй, самым заметным феноменом в области образования пожилых стали университеты третьего возраста, основывающиеся на нескольких моделях – западноевропейской (французской), англосаксонской, франкоканадской, южноамериканской и китайской.

Реферируемая монография содержит введение, заключение и 42 главы, посвященные ситуации с образованием пожилых в этих странах и написанные местными специалистами в данной сфере. Тексты были призваны охарактеризовать исследования, политику и практику. Редакторы предложили будущим авторам ответить на следующие вопросы. Как сформировалась текущая ситуация и какие организации и индивиды оказали на нее влияние? Какова современная структура, и в чем заключаются ее теоретические основы? Насколько велика роль государства? Кто извлекает выгоду из современной ситуации? Каковы актуальные проблемы, и каким видится будущее? Также по возможности требовалось привести пример удачной практики. Редакторы стремились включить стра-

¹ Авторы, пишущие на английском языке, выделяют три вида образования / обучения: *formal* (протекает в стенах учебного заведения, с четким обозначением ролей преподавателя и ученика, в рамках учебного плана и с обязательной аттестацией), *non-formal* (занятия могут проходить и не в образовательных учреждениях; учебные курсы основываются на опыте и интересах учащихся; студенты могут выступать в роли преподавателей; обучение может включать в себя как академические дисциплины, так и досуговые занятия; аттестация необязательна; сюда относится и самообразование), *informal* (спонтанное познание в ходе любой деятельности). Причем последний вид в силу отсутствия интенции обычно именуется обучением (*learning*), а не образованием (*education*). В отечественной литературе принято деление на формальное и неформальное образование, однако российские авторы, стремящиеся к более тонкой классификации, пишут, соответственно, о формальном, неформальном и информальном обучении (образовании). – *Прим. реф.*

ны с разным уровнем экономического развития. Тем не менее представленными оказались не все регионы. Финдсен и Формоза признают отсутствие стран Ближнего Востока и Северной Африки, в частности таких важных, как Египет. В ряде случаев подобные пробелы объяснялись техническими проблемами, прежде всего отсутствием англоговорящих специалистов. Различным аспектам в разных главах уделено больше или, соответственно, меньше внимания, в том числе в силу существующего уровня развития системы образования пожилых. Редакторы благодарны исследователям за участие: некоторым из них приходилось готовить свои тексты в ситуациях военных конфликтов и эпидемий; другие не отразили ситуацию в полной мере, опасаясь преследования со стороны властей. Финдсен и Формоза ожидают, что в будущем меняющаяся ситуация в мире заставит даже страны, упорствующие в своем непризнании важности образования для своих пожилых граждан, начать создавать благоприятные условия для обучения в течение всей жизни.

Ниже следует краткое описание ситуации с образованием пожилых в 42 странах.

Австралия. Согласно статистическим данным за 2006 г., обучение проходил 1% австралийцев старше 55 лет (с. 27). Однако Барри Голдинг (Федеральный университет Австралии, г. Балларат) и Хелен Кимберли (Братство св. Лаврентия, г. Мельбурн) не доверяют данной статистике, поскольку она не учитывает различные возможности для обучения в местных сообществах, такие как группы взаимопомощи (в которых задействовано 66% пожилых австралийцев) и пр. Не принимает она во внимание и такое важное явление, как «мужские ангары» («men's sheds», организации, деятельность которых направлена на улучшение мужского здоровья; многие их участники – пожилого возраста). Авторы утверждают, что Австралии необходима общенациональная политика, ориентированная на пожилых людей, в том числе в образовательной сфере.

Австрия. Австрия обладает богатыми традициями в области обучения взрослого – и пожилого – населения, являясь одной из стран, где складывались теория и практика как андрагогики, так и герагогики. На данный момент порядка полумиллиона людей старшего возраста (60% – женщины) посещают около 46 тысяч различных курсов в образовательных центрах для взрослых и в университетах. Основой обучения служит экспериентально-биографический подход, привлекающий собственный опыт обучающихся. Наибольший интерес у слушателей вызывают курсы,

посвященные здоровью и заботе о теле, а также изучение иностранных языков. Франц Колланд и Анна Ванка (Венский университет) полагают, что в будущем больше внимания должно уделяться вопросам экологии и гражданского участия.

Аргентина. Хосе-Альберто Юни и Клаудио-Ариэль Урбано (Национальный университет Катамарки, г. Сан-Фернандо-дель-Валье-де-Катамарка) указывают, что в Аргентине самый высокий процент пожилого населения в Латинской Америке. Институционализация образования для пожилых людей началась в 1980-е годы. Сейчас 24 университета из 47 предлагают курсы для пожилых учащихся. Концептуально они основываются на идее, что университет служит местному сообществу. Открыты и университеты третьего возраста. Основные курсы посвящены ИКТ, здоровью, гражданственности. Среди аспектов, которые требуют внимания, авторы главы называют нехватку высококвалифицированных преподавателей, недостаток программ для профессиональной переподготовки пожилых и невнимание к гендерному дисбалансу (более 90% пожилых учащихся – женщины).

Ботсвана. Образование пожилых в Ботсване не институционализировано; обучение в этом возрасте носит здесь преимущественно неформальный характер. Ребекка Лекоко (Университет Ботсваны, г. Габороне) предлагает выстроить систему образования для пожилого населения на основе уже имеющихся пространств, среди которых библиотеки, культурно-досуговые центры и общинные собрания; она полагает важным сочетать зарубежный опыт и местные традиции.

Бразилия. Мейри Кашони (Университет Сан-Паулу) и ее коллеги отмечают, что в стране по-прежнему высокий уровень неграмотности. Проведенное в 2004 г. в 204 городах исследование показало, что из респондентов старше 60 лет 18% не получили никакого формального образования, 27% полностью неграмотны, еще 22% пишут и читают с трудом (с. 70). Система обучения взрослых начала формироваться в 1960-е годы, по инициативе правительства и католической церкви; ее основной целью была борьба с неграмотностью. С 2002 г. бесплатное начальное образование доступно всем независимо от возраста. В 1970–1980-е годы появились курсы для пожилых и университеты третьего возраста. Посещают эти занятия в основном женщины с уровнем образования и достатка выше среднего.

Великобритания. Александра Уитнолл (Уорикский университет, г. Ковентри) сообщает, что более трети населения Велико-

британии сейчас составляют люди старше 50 лет. По ее словам, непрерывное образование, и в частности – образование пожилых развиваются здесь исключительно динамично. В результате серии семинаров в Килском университете в начале 1980-х годов были созданы Ассоциация образовательной геронтологии (позже переименованная в Ассоциацию образования и старения) и один из ведущих журналов в данной области *International journal of education and ageing*. В конце 1980-х годов в Университете Стратклайда в Глазго были запущены первые программы для пожилых учащихся. В настоящее время в округах, музеях, центрах дневного пребывания и др. организуются занятия искусствами и ремеслами, историей и пр.; в последнее время повышается качество программ для постояльцев домов для престарелых. Увеличивается число пожилых работников, участвующих в программах повышения квалификации. Растет значимость онлайн-курсов и межпоколенческих проектов (автор, в частности, упоминает получившую широкое признание инициативу, в рамках которой воспоминания пожилых о Второй мировой войне позволили школьникам больше узнать об этих событиях). Наиболее же значимым проектом стала британская модель университета третьего возраста, которая представляет собой самоорганизующиеся группы пожилых людей, выбирающие интересные им темы и предметы, а также досуговые практики. Сейчас, по мнению Уотнолл, необходимо больше исследований, изучающих, как непрерывное обучение может улучшить жизнь индивидов, сообществ и общества в целом.

Гана. Майкл Тагое (Ганский университет, г. Легон) посвящает свою главу неформальному обучению людей старшего возраста, находящихся в промежуточном положении между полной занятостью и окончательным прекращением трудовой деятельности. Работники бюджетной сферы в Гане выходят на пенсию в 60 лет, однако наблюдается острая нехватка молодых кадров, так что, в частности, преподаватели, врачи и медсестры старше указанного возраста продолжают работать, обычно в частных учреждениях, полный или неполный день либо по гибкому графику. В интервью автору главы они рассказали, как учатся у своих коллег и студентов, а также о процессе освоения новых технологий и новых профессиональных сфер.

Германия. В то время как в ГДР не было специальных образовательных программ для пожилых, в ФРГ в 1970-е годы появились первые курсы для людей, выходящих на пенсию, с тем чтобы подготовить их к пенсионному периоду жизни, а на рубеже 1970–

1980-х годов открылись первые университеты третьего возраста. Федеральное правительство задает общее направление образовательной политики, а земли ответственны за конкретные проекты. Кроме того, популярность приобрели группы взаимопомощи, обеспечивающие неформальное обучение. Бернхард Шмидт-Герта (Тюбингенский университет) придерживается мнения, что большую роль в обучении в старшем возрасте играет индивидуальная биография; так, среди индивидов 65–80 лет с более высоким образовательным уровнем обучаются на пенсии 26%, а с более низким – 7% (с. 138). То же касается и неформального обучения. Тем не менее есть исследования, согласно которым обучение в любом возрасте способно, по крайней мере частично, компенсировать недостатки предыдущего образования (там же). Первые исследования образования пожилых в Германии относятся к 1970–1980-м годам. Среди актуальных современных тем автор выделяет следующие: повышение квалификации, переподготовка и вторая карьера; развитие компетенций в пожилом возрасте, мудрость; образовательные потребности и перспективы самых старших – людей старше 80–85 лет; представления о пожилых в обществе и их представления о себе как контекст обучения.

Гонконг. С каждым десятилетием, отмечают Эрнест Чуй (Университет Гонконга) и Синьи Жао (Пекинский университет), уровень образования людей старше 65 лет в Гонконге повышается. Так, между 2001 и 2011 гг. количество людей этого возраста, не получивших никакого образования, снизилось с 42% до менее чем 32%, а число обладателей университетских дипломов возросло с 3 до 5% (с. 170). С 1960-х годов Гонконг переживает интенсивное экономическое развитие. В течение нескольких десятилетий в фокусе внимания правительства была молодежь и ее профессиональная подготовка. Тем не менее старение населения заставило его обратить внимание на нужды пожилых. Созданная в 1997 г. правительственная комиссия по делам пожилых занялась в том числе и вопросами образования. В данное время доступны следующие возможности: различные образовательные центры, включая университеты третьего возраста; межпоколенческие проекты; обучение по радио и Интернету (пользователями Сети являются около 10% людей старше 65). По мере того как все больше бэби-бумеров будут достигать старшего возраста, заявляют авторы, спрос на образование будет расти, и решение этого вопроса потребует усилий со стороны и правительства, и неправительственных организаций.

Греция и Кипр. Обе страны пострадали от экономического кризиса. Образовательные услуги здесь в данное время не выделены в отдельную область; они большей частью оказываются в центрах социального обслуживания, где социальные работники проводят занятия с пожилыми, большая часть которых обладает достаточно низким образовательным уровнем. В Греции центры образования взрослых прекратили свое существование в 2011 г.; на Кипре они предоставляют несистематические курсы. По мнению Георгиоса Царифиса (Университет им. Аристотеля в Салониках), основной проблемой является отсутствие целенаправленной государственной политики в данной области.

Зимбабве. Стэнли Мпофу (Национальный университет науки и техники, г. Булавайо) заявляет, что образования пожилых в стране не существует и можно говорить лишь об образовании взрослых в целом. После обретения независимости в 1980 г. интенсивно развивались школьное образование, а также образование молодежи. В последние годы наблюдается снижение показателей на всех уровнях. В ряде сельских районов начальное образование получают не более 20% детей; учительские вакансии заполняются на треть, и более трети преподавателей не обладают необходимой квалификацией (с. 496). В образовании взрослых отсутствует единая система подготовки и аккредитации. Существующие на данный момент возможности включают в себя: «параллельные классы» в университетах в вечернее время и в выходные; модульное обучение в рамках кратких учебных отпусков; дистанционное обучение (доступное меньшинству). Правительство также обеспечивает обучающие программы по сельскому хозяйству, где большинство составляют люди старшего возраста; обучаются пожилые – в основном женщины – и грамоте. Автор полагает, что образованию в Зимбабве не хватает регулирования, в том числе правового; по его мнению, формальное и неформальное образование должны быть уравнены в правах, а работа в области обучения взрослых должна обрести престиж в обществе.

Индия. Из 90 млн пожилых индийцев 35 млн неграмотны (с. 180) (по данным 2004 г., грамотность деревенских женщин составляла 12% (с. 183)). Задача преодоления неграмотности среди взрослого населения была заявлена правительством в конце 1980-х годов, а в конце 1990-х годов была впервые разработана государственная политика в отношении пожилых, причем образование как приоритет было обозначено только десятилетие спустя. В данное время существует сеть университетов третьего возраста, занятия в

которых (популярные программы – компьютер, история, география, языки, литература, религия) посещают более обеспеченные городские жители. В качестве примера удачной практики Иланго Поннусвами (Университет Бхаратидасан, г. Тируччираппали) приводит занятия для неграмотных и малограмотных пожилых сельчанок, дающие им базовые инженерные знания, чтобы они могли помочь своим сообществам.

Индонезия. Возраст выхода на пенсию служащих в Индонезии – 58 лет (пенсию получают служащие и военные, порядка 4% населения (с. 198)). Как сообщают Клара Кусхарто (Сельскохозяйственный университет Богора) и Нугрохо Абикусно (Университет Трисакти, г. Джакарта), в большинстве государственных организаций и частных компаний доступны программы подготовки к пенсии (они включают в себя занятия по здоровому образу жизни, финансовому планированию и построению второй карьеры). В университетах 15 из 33 провинций страны организованы «серебряные колледжи», ориентированные на развитие теории и практики обучения пожилых индонезийцев, в большинстве своем не получивших формального образования. В деревнях проводятся совместные занятия физкультурой, оказывается помощь местным мелким предпринимателям.

Испания. Мариано Санчес-Мартинес (Гранадский университет) и Хуан Саес (Университет Мурсии) отмечают, что в стране в последнее время появилось немало образовательных возможностей для людей старше 60 лет (в 2013 г. составлявших 23% населения (с. 411)). Во-первых, это центры образования взрослых (в 2010/2011 уч. г. около 8% учащихся здесь были старше 64 лет и получали образование разных ступеней – от освоения грамоты до среднего образования). Во-вторых, это народные университеты при муниципалитетах, действующие по всей стране и ставящие себе задачу содействия культурному и образовательному развитию пожилых граждан; основные занятия в них – компьютер, литературное творчество, школьные предметы, тренировка памяти, физкультура и др. В-третьих, авторы пишут о центрах обучения в зрелом возрасте (испанский аналог университетов третьего возраста), предлагающих курсы, в частности, по компьютерной грамотности, истории искусств, иностранным языкам, живописи, литературе, драматургии и т.п. В-четвертых, испанские университеты предлагают специальные программы для пожилых людей, позволяющие им получить высшее образование. При этом авторы главы утверждают, что с точки зрения методологии обучение пожилых в Испании

значимо не отличается от обучения других возрастных групп, в то время как этой образовательной области, как никакой другой, нужны инновационные подходы – именно в этом Санчес-Мартинес и Саес видят вызов для испанского образования пожилых в будущем.

Италия. Италия характеризуется самой высокой средней продолжительностью жизни в Европе (порядка 83 лет), что в сочетании с ранним выходом на пенсию (62 года при трудовом стаже в 38 лет) обеспечивает длительный пенсионный период. При этом пенсионному обеспечению правительство отдает приоритет перед остальными социальными услугами. Формальное образование в стране представлено университетами третьего возраста. Ряд спортивных ассоциаций организуют спортивные занятия для пожилых. С 1970-х годов существуют досуговые центры в муниципалитетах – здесь проводятся игры, танцевальные вечера, экскурсии, а также занятия по компьютерной грамотности, искусствам, языкам; часто устраиваются занятия, которые могут быть интересны всей семье. Еще одна возможность для неформального обучения (саморазвития и приобретения различных навыков) – волонтерские организации (крупнейшая из них, AUSER, включает 300 тыс. членов). Будущее итальянской системы образования для пожилых Елена Луппи (Болонский университет) видит в развитии межпоколенческих проектов, для чего в силу традиций в стране есть все условия.

Канада. Страна исключительно разнообразна в географическом, этническом, социально-политическом и лингвистическом отношении. Возможности (от доступа в Интернет до образовательных курсов) в крупных городах значительно отличаются от таковых в сельских районах. Образование взрослых по большей части находится в ведении провинций и, соответственно, разнится от региона к региону. Образовательная сеть *Third Age Network* в провинции Онтарио, ориентированная на людей третьего возраста, предоставляет шанс прослушать университетские лекции, а также дает пожилым людям возможность самим стать модераторами занятий для сверстников. При этом формальное образование не вызывает большого интереса у слушателей, уступая всем способам получения знаний, за исключением радио (с. 83). Пэт Спадафора и Лиа Тсотсос (Колледж Шеридан, г. Оквилл) считают, что в будущем канадское образование для пожилых должно сочетать формальное и неформальное обучение и не игнорировать людей самого старшего возраста.

Кения. Как пишут Флорида Амакобе Карани и Дэвид Мачария (Университет Найроби), импульсом для формирования системы образования взрослых в конце 1970-х годов стала борьба с неграмотностью. По состоянию на 2007 г. среди людей старше 65 лет грамотных насчитывалось менее 28%, среди людей старше 70 лет – менее 11%; при этом между регионами наблюдаются существенные различия (в Найроби 87% грамотных взрослых, в Северо-Восточной провинции – 8% (с. 225)). В ситуации нехватки специальных программ для людей старшего возраста некоторые пожилые посещают начальную и среднюю школу вместе с детьми. Высшее образование среди пожилых получают единицы. Наряду с этим имеет место традиционное неформальное обучение. Кроме того, в общинных домах местные жители, в том числе пожилые, занимаются традиционными ремеслами, играют в игры и т.п. Авторы отмечают, что впервые потребности пожилых нашли свое отражение в государственной политике в 2000-х годах, хотя на практике формальное образование для людей старшего возраста пока не нашло своего воплощения; тем не менее с ростом числа образованных пожилых людей эта ситуация будет меняться.

Китай. Как отмечают Синьи Жао (Пекинский университет) и Эрнест Чуй (Университет Гонконга), у современных пожилых все еще достаточно низкий уровень образования (из пожилых, проживающих в сельской местности, около 51% не получили никакого образования, менее 1% закончили университет; для города эти показатели составляют 16 и 7% соответственно (с. 100)). Конфуцианство – философская основа китайского образования – гласит, что все люди обучаемы, а обучение продолжается в течение всей жизни. В 1980-е годы правительство, проводник социальной политики в стране, начало продвигать образование для пожилых, сначала для пенсионеров, затем для всех людей старшего возраста. Сейчас наряду с государственными университетами третьего возраста существует и небольшое количество частных, взимающих невысокую плату за обучение. В то время как в городах программы ориентируются на стандартные европейские образцы (из уникального – каллиграфия и игра на национальных инструментах), в деревне они ориентируются на практику и включают животноводство и сельскохозяйственные технологии. Различные обучающие курсы доступны также по телевидению и в Интернете. В 2002 г. был снят возрастной ценз на университетское образование, так что пожилые люди при желании могут получить и обычное университетское образование. На данный момент проходят обучение около

2% пожилых, а правительство уже, как утверждают авторы, не справляется с растущим спросом, так что, по их мнению, система вскоре потребует реформирования.

Колумбия. За исключением обеспеченного меньшинства большая часть населения страны живет в крайней бедности. Среди пожилых немало бедных, а также неграмотных. В деревнях количество неграмотных пожилых достигает 70%. В настоящий момент в ряде государственных университетов можно обучиться грамоте. Разнообразные курсы предоставляют частные организации, но позволить себе их может меньшинство населения. Проведенные автором главы Мигелем-Альберто Гонсалесом-Гонсалесом (Университет Манисалеса) интервью с пожилыми колумбийцами показали, что те ощущают себя забытыми правительством и своей страной.

Лесото. Глава, написанная Джулией Прис (Дурбанский технологический университет, г. Питермарицбург, ЮАР) и Дэвидом Крумом (Национальный университет Лесото, пос. Рома), открывается описанием процесса традиционного обучения с его устной традицией и освоением на практике основных занятий племени. Старшие члены племени были в этой системе главным источником знания и олицетворением мудрости. Колониальные годы в значительной степени разрушили традиционное обучение. Сейчас порядка 8% населения составляют люди старше 60 лет, и около 86% из них живут в сельских районах (с. 236). Большая часть населения занята в неформальной экономике и трудится до тех пор, пока есть силы, оттого четкое представление о пожилом возрасте отсутствует; на пенсию, выплачиваемую с 70 лет, может претендовать меньшинство. Страна подписала международные хартии о всеобщем образовании, однако образование для взрослых по большей части означает базовую грамоту. Национальный университет Лесото предоставляет курсы (очно и дистанционно) уровня выше начальной школы, и среди обучающихся есть небольшое число людей старше 60 лет (таким уровнем образования обладают 3% людей этого возраста в стране (с. 239)). К неформальному обучению авторы относят общинные собрания и посещение церкви.

Малайзия. Рахима Бинти Ибрагим (Университет Путра, г. Сери-Кембанган) и ее коллеги указывают, что Малайзия присоединится к «старым» нациям в 2035 г., когда количество людей старше 60 лет в ней достигнет 15%. Число пожилых людей, не получивших никакого образования, последовательно снижается и на 2010 г. составляло 56,5% (с. 248). В конце 2000-х годов обучение в

течение всей жизни было обозначено в качестве приоритета правительством страны. Практически во всех штатах организованы общественные колледжи, открытые для всех взрослых граждан; пожилым и инвалидам здесь предоставляются краткосрочные бесплатные курсы. С 2005 г. индивиды в возрасте 50 лет и старше могут получить высшее образование в Университете Сайнс (шт. Пинанг) с 50%-ной скидкой. В 2008 г. в шт. Селангор был основан первый университет третьего возраста; на момент написания главы на более чем 50 курсах обучались 630 индивидов (порядка 65% – женщины, почти 95% имели полное либо неполное среднее образование). В местных сообществах осуществляется религиозное обучение. В городах неформальное обучение (занятия физкультурой, семинары о здоровом образе жизни пр.) происходит в клубах для пожилых людей.

Мальта. Как и в других странах, наиболее высокий процент неграмотных – среди самых старших (по состоянию на 2011 г. – 23% среди людей старше 90 лет; для сравнения: 10% – среди 60–69-летних (с. 262)). Порядка 2% пожилых мальтийцев обучаются в учреждениях формального высшего образования; так, они составляют 0,5% студентов Мальтийского университета. Однако Мальта обладает одной из самых развитых сетей университетов третьего возраста в Европе – здесь и сосредоточено большинство учащихся старше 60 лет. В сфере неформального обучения наряду с посещением музеев, танцевальными занятиями и прочими подобными практиками все большую популярность приобретает туризм. Марвин Формоза (Мальтийский университет, г. Мсида) отмечает, что несмотря на экономическую доступность и открытость образование для пожилых, в частности на Мальте, несет в себе ряд дискриминирующих черт: оно отражает идеологию среднего класса и отвечает интересам женщин в большей мере, нежели мужчин, а также соответствует потребностям людей третьего, но не четвертого возраста. Исследователь считает, что в будущем необходимы более продуманная государственная политика, а также скоординированные усилия по вовлечению индивидов и групп, пока не охваченных обучением.

Намибия. Как сообщают Мириам Хамуниела и Наавеше Неконго-Нильсен (Университет Намибии, г. Виндхук), в 1992 г., вскоре после обретения независимости, в стране была принята программа борьбы с неграмотностью. Сейчас ряд учреждений среднего и высшего образования обеспечивают обучение взрослых. Различные обучающие программы доступны также в библио-

теках и досуговых центрах. Однако специального образования для пожилых в стране на данный момент не существует. Авторы провели интервью с 73 респондентами в возрасте от 60 до 96 лет (57 женщин; 62 посещали школу) и выяснили, какие знания и навыки те хотели бы приобрести. Они получили следующие ответы (в порядке убывания): скотоводство, садоводство, заготовка продуктов; английский язык; управленческие навыки; пользование смартфоном; также упоминались: финансовая грамотность; основы здорового образа жизни; педагогика; кулинария; строительство.

Нигерия. Майкл Омолева (Ибаданский университет) пишет о традиционном неформальном обучении, традиционных африканских науке, технике и музыке как о ведущих способах передачи сообщений, идей и эмоций. В современной Нигерии, как и во многих других африканских странах, основная задача образования для взрослых – преодоление неграмотности. В конце 1980-х годов Ибаданский университет разработал программу, призванную сделать обучение грамоте привлекательным для взрослых учащихся: они должны были видеть практическую пользу этого обучения и обретать уверенность в себе. Автор полагает, что образование пожилых нигерийцев должно сочетать лучшие черты традиционного и современного обучения, оставаясь инклюзивным и интегративным.

Нидерланды. С 1960-х годов в стране существуют курсы подготовки к пенсии / второй карьере. С 1980-х годов, акцент сместился в сторону увлекательного досуга и саморазвития и, соответственно, курсов, посвященных здоровому образу жизни и активному старению. Большинство курсов осуществляется на платной основе, и принимают участие в них в основном образованные обеспеченные люди. Начало неформальному обучению в конце 1970-х годов положили смоделированные по шведскому образцу учебные кружки, а затем основанные на швейцарском опыте занятия по тренировке памяти. По утверждению Юмбо Клерка (агентство The Elephant learning in diversity, г. Неймеген), пик развития образования пожилых в Нидерландах пришелся на 1990-е годы, когда особой популярностью пользовались волонтерство, сторителлинг, межпоколенческие и биографические проекты. В данное время функционирует сеть университетов третьего возраста, а также существует ряд организаций, в которых пожилые профессионалы, в том числе на пенсии, трудятся на волонтерских основаниях / выполняют функции консультантов. Автор упоминает и проблему пожилых мигрантов, среди которых неграмотны от

60% (турецкие мужчины) до 90% (марокканские женщины); несколько НКО занимаются их неформальным обучением. В Программе международной оценки компетенций взрослых (Programme for the international assessment of adult competencies, PIAAC) Нидерланды, по словам автора, показывают хороший средний результат, но при этом у страны большая по сравнению со многими другими странами разница в показателях между мужчинами и женщинами, молодыми и пожилыми, этническими голландцами и мигрантами. Клерк связывает это с установкой государства на маркетинговую; в последние десятилетия оно отдало непрерывное образование на откуп частным инициативам.

Новая Зеландия. Как отмечает Брайен Финдсен (Университет Вайкато, г. Гамильтон), Новая Зеландия официально представляет собой бикультурную нацию, и это проявляется в различных областях, в том числе в сфере образования. Пенсионный возраст – 65 лет; тем не менее, по данным 2013 г., 22% продолжали работать после достижения этого возраста, что автор связывает с растущими запросами пожилых людей из среднего класса, которые пенсия уже не способна удовлетворить (с. 298). Система образования пожилых в Новой Зеландии во многом схожа с британской системой, однако имеет и свои особенности. Такое образование реализуют университеты третьего возраста, досуговые центры; его частью являются программы познавательного туризма и пр. Таким образом, частично образование осуществляется для пожилых, часть – вместе с ними либо ими самими. Важное значение имеют местные проекты, прежде всего образование маори. В 2006 г. почти половина новозеландцев 25–64 лет проходили то или иное обучение (причем 77% – для работы); порядка трети студентов высших учебных заведений были старше 40 лет; пик неформального обучения – 45–54 года (с. 301).

Перу. Как отмечает Бланка Лопес ла Вера (Папский католический университет Перу, г. Лима), количество людей старше 60 лет увеличивается ежегодно на 3%, а людей старше 80 лет – на 5% (с. 332). Недостаточное пенсионное обеспечение заставляет пожилых продолжать работать (по данным автора, таких 68% (с. 333)), причем в большинстве своем в неформальной экономике. В подобной ситуации образование для большинства не является приоритетом. 22% людей старше 60 лет неграмотны; около 45% закончили год начальной школы, порядка 22% – год средней школы, менее 15% проучились год в вузе (там же). Автор отмечает нехватку научных исследований и отсутствие государственной

образовательной политики, ориентированной на пожилых. В медицинских центрах национальной системы здравоохранения не только оказывается гериатрическая помощь, но и проводятся занятия, посвященные здоровому образу жизни и искусствам. Порядка 5% муниципалитетов также предоставляют обучающие программы. В сельских и бедных городских районах НКО проводят тренинги по органическому садоводству, заботе о себе, долгосрочному уходу и пр.; устойчивость проекта в данном случае зависит от финансирования. В двух государственных и двух частных университетах доступны программы для пожилых учащихся.

Португалия. Паула Гимарайнш (Лиссабонский университет) и Фатима Антунеш (Университет Минью, г. Брага) обращают внимание на рост числа исследований, посвященных образованию пожилых в Португалии. Среди освещаемых тем – теория герагогики, феномен мудрости, межпоколенческое обучение, роль правительства и НКО; основные методы – кейс-стади, анализ документов, интервью. Образовательная практика пока только развивается и на данный момент носит гетерогенный и фрагментированный характер. Курсы для пожилых организуются в музеях, библиотеках, местных сообществах. С конца 1970-х годов действуют университеты третьего возраста. Около 2% индивидов 55–69 лет принимают участие в формальном, 17,5% – в неформальном обучении (с. 353). Большинство посещающих университеты третьего возраста имеют среднее / неполное среднее образование (23% – 6 классов образования) (там же).

Российская Федерация. По словам Ольги Агаповой (Представительство Немецкой ассоциации народных университетов (IIZ / DVV), г. Санкт-Петербург), с точки зрения теории образования взрослых герагогика в России – часть андрагогики. После Октябрьской революции ведущей целью была ликвидация неграмотности, до 1970-х годов – профессиональная подготовка (включая вечерние школы для рабочей молодежи), затем – общее культурное образование для всех. Современный акцент на образовании пожилых отражает глобальные тренды. В своей главе автор уделяет внимание обществу «Знание», в советские годы крупнейшему народному университету, в постсоветское время ставшему, при поддержке Немецкой ассоциации народных университетов, базой для университета третьего возраста – одного из первых подобных учреждений в России. В 2000-х годах развивалась теория образования пожилых, проводились конференции, публиковались труды. В разных регионах страны в рамках общества «Знание» открылись

университеты, каждый из которых специализируется на определенных аспектах обучения (биографическое и межпоколенческое обучение; волонтерство; творческое развитие; защита прав пожилых и пр.). Сейчас по всей России существует большое количество курсов и программ (занятия проводятся в библиотеках и музеях, центрах социального обслуживания, университетах третьего возраста и др.), однако, по мнению автора, существующие предложения нельзя назвать системой. И герাগогическая теория практически не находит воплощения на практике; введенная в 1994 г. специальность «образование взрослых» в 2000 г. была исключена из номенклатуры специальностей бакалавриата и магистратуры, на данный момент она представлена в нескольких учреждениях постдипломного педагогического образования и повышения квалификации педагогических работников. Агапова полагает, что в стране есть необходимая база для развития теории и практики образования взрослых и пожилых, однако систему обучения невозможно построить без государственной поддержки и стабильного финансирования.

Сингапур. Как сообщает Кальяни Мехта (Университет SIM (Сингапурский институт управления)), образование пожилых – новое явление в Сингапуре. Вплоть до последнего времени речь шла, прежде всего, об образовании взрослых, т.е. восполнении и продолжении образования людей старше 21 года. Законодательство об обучении пожилых людей пока отсутствует. В 2011 г. был принят акт, обязывающий всех работодателей предоставлять работу гражданам, достигшим пенсионного возраста (62 года); контракт может быть продлен до 65 лет. С 1990-х годов Наньянская академия изящных искусств стала проводить занятия по каллиграфии, живописи, скульптуре и керамике для всех желающих, и среди тех, кто проявил интерес, были и пожилые люди. Кроме того, сейчас существует более 100 досуговых центров и клубов, а также общественные колледжи, часть которых с начала нового тысячелетия ориентируется именно на пожилых людей. Университет SIM предоставляет 20%-ную скидку абитуриентам старше 60 лет. Автор ожидает, что с повышением образовательного уровня в будущем все, в том числе люди старшего возраста, смогут проходить бесплатные курсы в Сети.

Словения. Сабина Еленк Крашовец и Соня Кумп (Люблянский университет) приводят краткий исторический очерк образования взрослых в Словении. Согласно их данным, после Второй мировой войны эта область образования развивалась в Словении,

как части Югославии, в основном в рамках народных и рабочих университетов (сейчас переименованных в центры образования взрослых) и была подчинена профессиональным задачам. В середине 1980-х годов в стране была открыта первая в Югославии экспериментальная «школа третьего возраста», а затем первый университет третьего возраста, образцом для которого послужил французский прообраз; заявленная задача нового учреждения формулировалась как повышение качества жизни пожилых граждан через образование. Сейчас действует сеть университетов третьего возраста, предоставляющих курсы по подготовке к пенсии, переподготовке и волонтерству, досуговые занятия; по данным 2009 г. у почти 60% участников было высшее образование либо более высокий уровень образования и лишь у 1% начальное образование или ниже; женщины составляли более 90%; наиболее популярные курсы – гуманитарные и социальные науки, иностранные языки (с. 392). Учебные кружки – основная форма обучения в центрах образования взрослых. В последние годы повышается значимость волонтерства и межпоколенческих проектов. При этом авторы отмечают, что возможности для обучения крайне ограничены, в частности, в сельских районах (в некоторых из них действуют образовательные НКО). Еленк Крашовец и Кумп призывают в будущем расширять образовательные возможности, которые бы могли охватить и пожилых людей, на данный момент практически не вовлеченных в процесс обучения (малообразованные; живущие в домах для престарелых; отличающиеся плохим здоровьем, низким достатком и пр.).

Страны Северной Европы (Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия, Исландия). Тарья Тикканен (Университет Ставангера, Норвегия) указывает, что истоки современной образовательной системы региона – в народном обучении XIX в. Система открытых университетов включает в себя и университеты третьего возраста. Показатели участия здесь – самые высокие в Европе и ОЭСР. Обычно эту систему описывают как североευропейскую, или, чаще, скандинавскую модель. При всех различиях между странами, пишет автор, все же важнее сходства – демократия, уважение к правам человека, равные возможности, социальная солидарность. В последние два десятилетия здоровое старение, длительная занятость и непрерывное обучение стали новой нормой жизни в этих странах. Тикканен связывает это с правительственной политикой, предполагающей участие всех граждан в жизни общества, повышение соответствия между квалификацией и практическими навы-

ками, формирование инклюзивного обучающего(ся) общества. В итоге в сравнении со средним показателем ОЭСР в странах Северной Европы наиболее высокий образовательный уровень и самая высокая занятость индивидов старше 55 лет. Тем не менее автор считает, что перспективы для дальнейшего развития существуют: показатели участия пожилых в обучении по-прежнему ниже, чем у молодых; пользуются компьютером меньше половины пожилых граждан. Однако Тикканен подчеркивает, что скандинавская модель показала свою устойчивость и число пожилых учащихся в регионе будет только расти.

США. Рональд Манхаймер (Университет Северной Каролины, г. Эшвилл) пишет, что с повышением финансового благосостояния и образовательного уровня с каждым десятилетием все больше пожилых американцев участвуют в тех или иных видах формального и неформального обучения. В 1951 г. Национальная ассоциация образования выпустила первый учебник по обучению в старшем возрасте. В середине 1960-х годов была создана сеть центров для пожилых, предлагавших занятия по ремеслам и изобразительному искусству, музыке, танцам, физкультуре, здоровому питанию, игре в бинго; позднее появились курсы по истории, литературе, драматургии, писательскому творчеству и генеалогии. В 1960–1970-х годах развивалась государственная политика в отношении образования пожилых; возникло немало инициатив на местах. С середины 1970-х годов на базе колледжей и университетов действуют институты непрерывного образования. Занятия организуются также в религиозных центрах и центрах в местных сообществах. В середине 1970-х годов возникла сеть *Elderhostel* (позже *Road Scholar*) – недорогое жилье в университетских кампусах в летнее время для людей старше 55 лет, совмещающих учебу и путешествия. Среди других проектов автор называет: театры для пожилых (с пожилыми непрофессиональными актерами); институты духовного старения (предлагающие медитации, занятия йогой и ушу, а также курсы истории религий, мифологии, китайской медицины и пр.); программы развития лидерских качеств. Современное образование пожилых в США децентрализовано (существует несколько образовательных ассоциаций) – его во многом направляет рынок, а не правительственная политика. При этом автор полагает, что возможности для инноваций в данной сфере будут и дальше привлекать индивидов и группы, признающие важность непрерывного образования, лидерства и служения сообществу.

Тайвань. Йи-Йин Лин (Университет штата Джорджия, г. Атланта, США) и Чинь-Шан Хуан (Университет Чун Чэнь, г. Чиаи) отмечают успехи образовательной геронтологии в Тайване за последние 30 лет. Формирование системы они относят к 1990-м – началу 2000-х годов, когда было признано, что население страны быстро «стареет». В середине 2000-х годов образовательная геронтология стала университетской специальностью, и была выработана политика, определяющая принципы образования пожилых. Первый университет для пожилых был основан в 1982 г. В 1990–2000-х годах интенсивно развивалась теория непрерывного образования. Помимо 265 (на момент написания главы) университетов во всех городах существуют обучающие ресурсные центры для «активных пожилых», а также специальные университетские программы и межпоколенческие проекты. В будущем, полагают авторы, необходимо больше внимания уделять пожилым с инвалидностью, повышать компьютерную грамотность, передавать больше функций НКО, расширять возможности для получения пожилыми высшего образования.

Танзания. Как указывает Филемон Муши (Университет Дар-эс-Салама), Танзания – пока еще «молодая» страна (люди старше 60 лет составляют 4% населения). И хотя женщины живут дольше (средняя продолжительность их жизни – 62 года, мужчин – порядка 60 лет), они подвергаются серьезной дискриминации, не имея ни права на обладание имуществом, ни права голоса на общинных собраниях; подчас пожилых женщин убивают из предубеждения. После обретения независимости в 1961 г. 85% населения были неграмотными (с. 434); новое правительство рассматривало обучение грамоте, а также СМИ, радио и кино в качестве пути к знаниям (и тем самым самосознанию) и преодолению бедности и экономического отставания. На данный момент специальных образовательных программ для пожилых в стране нет, и они могут участвовать в формальном (разных уровней) и неформальном образовании для взрослых. Однако с середины 1980-х годов с установкой на неолиберализм и приватизацию образование перестало быть приоритетом для правительства, и к 2007 г. из 42 млн населения менее 1,3 млн обучались грамоте (из них небольшое количество пожилых) (с. 439); остались практически не затронутыми образованием такие группы, как охотники, собиратели, кочевники и др. Будущее танзанийского образования автор видит лишь в изменении правительственной политики.

Турция. Как сообщают Сюзан Язиджи и Нилюфер Коркмаз Яйлагюль (Университет Акдениз, г. Анталя), история современного турецкого образования начинается после революции 1923 г. Тогда основными задачами были повышение грамотности населения и введение единых образовательных стандартов. В 1930-х годах появились отдельные учреждения для взрослых, сочетавшие обучение грамоте и культурно-досуговые занятия, а десятилетие спустя были открыты сельские институты для подготовки педагогов для таких учреждений в провинции. На данный момент, притом что неграмотные составляют 4% населения, около половины их приходится на людей старше 60 лет (83% женщины), а закончивших школу среди 55–64-летних – только 20% (с. 449). Существующие предложения для пожилых не носят систематического характера и включают в себя курсы, предоставляемые в университетах, муниципалитетах и НКО. Популярностью пользуется изучение Корана (между 2008 и 2012 гг. число людей старше 45 лет, изучающих Коран, увеличилось более чем в пять раз (с. 450)). При этом исследования демонстрируют, что в целом участие пожилых в обучении по-прежнему ограничено. Авторы полагают, что в первую очередь требуются бесплатные либо недорогие курсы по здоровому образу жизни, компьютерной грамотности и разнообразным культурным практикам.

Уганда. Большая часть населения старше 45 лет проживает в сельских районах, что, по мнению Джорджа Ладаа Опенджуру (Университет Гулу), может послужить основой для формирования здесь системы образовательных услуг для граждан старшего возраста. В целом же население страны, в силу низкой продолжительности жизни, пока «молодеет». В связи с этим в фокусе государственной образовательной политики находится прежде всего молодежь. Ни в одном университете Восточной Африки не предлагаются курсы по геронтологии или старению. Непрерывное образование здесь представляет собой профессиональную подготовку, занятия по гражданственности, физкультуру. Пожилые люди имеют право к ним присоединиться, но большинство из них учатся неформально. Национальная политика в отношении пожилых, принятая в 2009 г. и предполагающая среди прочего преодоление неграмотности пожилого населения и обучение его уходу за носителями ВИЧ, пока ожидает реализации. Автор считает, что правительство, гражданское общество и исследователи должны уделять больше внимания образованию пожилых.

Франция. Международная слава французского образования для пожилых людей связана с университетами третьего возраста, ставшими моделью для многих стран мира. Первый университет был основан в 1973 г. в Тулузе. В 1970–1980-е годы активно развивалась и теория обучения пожилых. Французские университеты третьего возраста стремились поддерживать высокие академические стандарты формального университетского образования. Вскоре движение университетов третьего возраста распространилось по всему миру. В 1990-е годы в стране стали появляться и другие организации, в большей мере ориентированные на неформальное обучение и досуговые занятия. В этот период наблюдалось и снижение исследовательского интереса к данной области. Доминик Керн (Университет Верхнего Эльзаса, г. Мюлуз) ожидает в ближайшие годы рост числа исследований образовательных практик для пожилых.

Чили. Интерес к образованию для пожилых возник в стране в 1980-х годах под влиянием Мадридского плана по старению ООН (1982) и систем университетов третьего возраста в европейских странах. Первые программы были разработаны в Католическом университете Чили (г. Сантьяго) и Университете Вальпараисо. На данный момент курсы существуют в нескольких университетах, при муниципалитетах, а также на базе НКО. Помимо обучения грамоте они включают программы по психологии, теологии, здоровью, науке, культуре и искусствам. Однако они охватывают небольшую часть пожилого населения (в частности, от 2 до 14% в муниципалитетах (с. 91)) и носят разрозненный характер. В стране до сих пор не готовят специалистов ни по одной геронтологической специальности. Педро-Пауло Марин-Ларраин (Католический университет Чили) и его коллеги надеются, что разработанная единая государственная политика по позитивному старению в 2012–2015 гг. в будущем поможет изменить ситуацию.

ЮАР. Джон Эйчисон и Питер Рул (Университет Квазулу-Натал, г. Питермарицбург) рассматривают две перспективы – ориентированные на белое и на черное население соответственно, поскольку такова реальность по-прежнему разделенной страны. Как сообщают авторы, между 1948 и 1994 гг. в рамках системы апартеида образование пожилых существовало большей частью в религиозной форме, а также в виде неформальных культурных практик образованных белых из верхушки среднего класса. После 1995 г. обучение взрослых было по большей части направлено на получение профессиональной квалификации. На базе системы вечерних

школ, сложившейся в 1920–1940-х годах, до установления политики апартеида, были организованы центры образования для взрослых (для рабочей молодежи). В 2008 г. была запущена кампания по преодолению неграмотности Kha Ri Gude («Давайте учиться»), ориентированная в том числе и на пожилых людей, составлявших на тот момент 1,4 млн из 4,7 млн неграмотных в стране: по утверждению правительства, пожилые, играющие важную роль в воспитании детей, должны создавать в семье атмосферу, мотивирующую на получение образования (с. 401). В итоге около 20% обучающихся в 2008–2011 гг. в рамках данной кампании были старше 60 лет. На другой чаше весов находится сеть университетов третьего возраста, участниками которой являются в основном белые пенсионеры из среднего класса; в последние годы появилось несколько отделений в смешанных, а также преимущественно черных районах. Задачами этих университетов являются интеллектуальная стимуляция, преодоление изоляции и борьба с негативными стереотипами в отношении пожилого возраста. Помимо курсов и познавательного-досуговых занятий вроде экскурсий учащиеся также принимают участие в дискуссиях с приглашенными докладчиками либо проводят занятия сами.

Южная Корея. Как указывают Ёнха Ки (Университет Сунсил, г. Сеул) и Юнджи Ким (Корнелльский университет, г. Итака, США), к 2026 г. порядка 21% населения страны будет старше 65 лет (с. 358). Особенно быстро «стареет» сельское население. Образовательный уровень населения повышается. По данным 2009 г., 98% людей 25–34 лет закончили среднюю школу, а среди 55–64-летних – только 43%; в 2011 г. около 32% людей старше 65 лет были неграмотными (с. 359). Первые законодательные акты, касавшиеся пожилых людей, появились в начале 1990-х годов и поощряли занятость в старшем возрасте. Правительственные инициативы конца 1990-х годов касались благосостояния пожилых, ставя задачу улучшения их физического и эмоционального здоровья. Наконец, в 1999 г. был принят закон о непрерывном образовании. Это понятие в стране включает в себя дополнительное обучение для школьников, профессионально-техническое и общее / гуманитарное обучение. Под эгидой Корейской ассоциации пожилых людей действуют школы (предполагающие изучение школьных предметов, национальной политики, гражданственности и участие в жизни сообщества) и колледжи для пожилых граждан (более высокий уровень). 22 школы действуют при университетах и дают знания в области здоровья, экономики, политики, культу-

ры, международных отношений, а также теории образования пожилых. Из других учреждений авторы называют центры благосостояния пожилых (занятия спортом и искусствами); школы при религиозных организациях; курсы, организуемые НКО. Ки и Ким полагают, что южнокорейской образовательной политике недостает скоординированности; кроме того, требуется больше специалистов; учреждения должны стать более эффективными, а программы – в большей мере соответствовать интересам и потребностям пожилых людей.

Япония. Население Японии – одно из самых долгоживущих в мире (средняя продолжительность жизни женщин составляет около 87 лет). При пенсионном возрасте в 65 лет многие выходят на пенсию в 60, так что для них организуются курсы подготовки к пенсии, а также своего рода промежуточные формы занятости. Этой системой пользуются порядка 75 тыс. людей. Выходя на пенсию, ряд японцев устраиваются на неполный рабочий день либо становятся волонтерами (занимаются с детьми в библиотеках, проводят экскурсии и т.п.). С 1990-х годов правительство продвигает идею обучения в течение всей жизни. Основа непрерывного обучения в Японии – образовательные центры в местных сообществах, существующие с конца 1940-х годов и предлагающие занятия по искусствам, садоводству, спортивные занятия и пр. В середине 1960-х годов начали открываться специальные классы для пожилых в городах, а в конце 1980-х годов – крупные центры обучения пожилых. Последние не получили развития, и первенство перешло к небольшим учреждениям, поддерживаемым в том числе местными НКО. Везде акцент делается на профилактике заболеваний, в соответствии с государственной ориентацией на укрепление здоровья нации и долголетие. Нередко используется практика смены ролей преподавателя и студента; некоторые учреждения полностью управляются пожилыми людьми. С начала 2000-х годов ряд японских университетов ввели особый вступительный экзамен для абитуриентов старше 50 лет, и теперь в них существуют курсы, состоящие из студентов до 50 лет, старше 50 лет и смешанные. Библиотеки также все больше ориентируются на пожилых посетителей. Шигео Хори (Осакский педагогический университет) полагает, что при всех достижениях японской образовательной системы в будущем потребуются новый взгляд: процесс старения меняется, и это должно найти свое отражение в обучении, а обучающие программы должны разрабатываться самими «новыми пожилыми».

Подводя итог исследования, Финдсен и Формоза отмечают, что они стремились не отразить некий большой нарратив, а скорее проследить актуальные тренды в разных регионах мира. Среди таковых они называют: влияние глобализации в сочетании с повышающимся интересом к автохтонному знанию, как, например, в Новой Зеландии; роль религии, прежде всего ислама (в мусульманских регионах Азии); номинальная значимость и фактическое разложение концепции сыновней почтительности в Гонконге и Тайване; рост влияния НКО на фоне неолиберальных тенденций в разных странах; наследие колониального периода в африканских странах, характеризующихся низким уровнем образования, особенно среди пожилого населения. Что касается образования пожилых граждан, то оно существует в разнообразных формах и где-то не выделено из образования взрослых, а где-то полностью институционализировано. Как пишут редакторы, большинство глав книги содержат в себе комбинацию пессимизма и оптимизма. И все же с поколением бэби-бумеров связаны существенные изменения в мире, и непрерывное образование – и образование пожилых – продолжит развиваться. Б. Финдсен и М. Формоза надеются, что данная монография даст импульс дальнейшим исследованиям как в странах, чей опыт нашел здесь свое отражение, так и в тех, чей голос еще предстоит услышать.

Я.В. Евсеева

**РАБОТА, ЗДОРОВЬЕ И КОММОДИФИКАЦИЯ
ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ БАЛАНСА
МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И РАБОТОЙ И ПЕРСПЕКТИВА
ДОЛГОЙ ЖИЗНИ / БИГГЗ С., МАКГЭНН М.,
БОУМЭН Д., КИМБЕРЛИ Х.¹
(Реферат)**

Реф. ст.: Work, health and the commodification of life's time: Reframing work – life balance and the promise of a long life / Biggs S., McGann M., Bowman D., Kimberley H. // Ageing a. society. – Cambridge, 2017. – Vol. 37, N 7. – P. 1458–1483.

Ключевые слова: старение население; продуктивное старение; баланс между работой и жизнью; пожилые работники.

Социологи из Мельбурнского университета (Австралия) Саймон Биггз, Майкл Макгэнн, Дина Боумэн и Хелен Кимберли изучают будущее трудовой занятости и баланса между работой и занятиями в нерабочее время сквозь призму таких актуальных феноменов, как старение населения и, соответственно, увеличение продолжительности жизни. Встает вопрос о том, как использовать появившееся время. При этом простой ответ: «Жить дольше – значит дольше работать» – не раскрывает всех возможностей долгой жизни, так что, по мнению Биггза и его коллег, вопрос баланса между работой и остальной жизнью нуждается в серьезном пересмотре.

Как указывают авторы, соотношение между пенсионерами и трудоспособными гражданами в странах ОЭСР к 2050 г. достигнет 70 к 100, а пенсионные расходы превысят национальные доходы.

¹ Реферат публикуется впервые.

С этим связаны прогнозы относительно кризиса пенсионных систем и, соответственно, желание правительств продлить трудовые годы населения своих стран. Биггз и его коллеги стремятся проанализировать взаимосвязи между работой, возрастом и здоровьем, уделив при этом внимание такому подчас остающемуся за скобками дебатов о занятости и старении вопросу, как коммодификация времени.

Делая краткий обзор истории пенсионного обеспечения, авторы отмечают, что после Второй мировой войны перспектива выхода на пенсию в определенном возрасте стала жизненной реальностью большинства людей в западных странах. С ростом числа государств всеобщего благосостояния и развитием пенсионных систем эта пенсионная фаза оказалась структурно отделена от остальной жизни. Пенсия стала восприниматься как «естественная поддержка в конце жизненного цикла»¹. Тем не менее кризис начала 1970-х годов привел к длительной рецессии во многих странах; в этой ситуации ранний выход на пенсию виделся спасением от растущей безработицы.

Многие оставляли работу, будучи еще в хорошей физической форме. В итоге начало пенсионного периода получило название «третьего возраста»² и стало ассоциироваться с «либерализацией», «освобождением»³, когда индивида по окончании трудовой деятельности ожидали не болезни и недомогания, а годы здоровой жизни с разнообразными интересными занятиями. Конечно же, чернорабочие и занятые интеллектуальным трудом представители среднего класса вступили в «третий возраст» с разными физическими и финансовыми возможностями. В то же время слышались голоса, утверждавшие, что ранняя пенсия и фиксированный возраст окончания трудовой жизни отнюдь не способствуют благоденствию пожилых людей (с. 1460).

Представители британской неомарксистской социальной геронтологии Питер Таунсенд и Алан Уокер полагали, что индивиды, достигшие пенсионного возраста, еще вполне могут быть социально, политически и экономически активными⁴. В 1985 г.

¹ *Phillipson Ch. Ageing.* – Cambridge: Polity, 2013. – P. 73.

² *Laslett P. A fresh map of life: The emergence of the third age.* – L.: Weidenfeld & Nicholson, 1989.

³ *Phillipson Ch. Op. cit.* – P. 76.

⁴ *Townsend P. The structured dependency of the elderly: A creation of social policy in the twentieth century // Ageing a. society.* – Cambridge, 1981. – Vol. 1, N 1. –

американский геронтолог Роберт Батлер выдвинул термин «продуктивное старение», призванный отразить способность большого количества индивидов старше официального пенсионного возраста работать и приносить пользу своим сообществам¹. По утверждению многих авторов, здоровье представителей нового поколения пожилых лучше, чем у их предшественников, так что этот экономический ресурс больше нельзя игнорировать; данный дискурс стал основой социальной политики середины 1990-х годов (с. 1461).

«Активное старение», в смысле «продуктивной социальной и экономической жизни», стало ведущей программой организаций ЕС и ОЭСР в отношении стареющего населения². Более инклюзивная концепция, по мнению авторов статьи, продвигается ВОЗ: в ее рамках под активным старением понимается «продолжающееся социальное, экономическое, культурное, духовное и гражданское участие»³. Однако властные институты в западных странах отдают предпочтение первой модели, продлевая период трудовой занятости (в частности, за счет повышения или отмены пенсионного возраста, а также максимального сокращения возможностей для раннего выхода на пенсию). Кроме того, имеет место явление, получившее наименование «индивидуализации пенсии» (с. 1462): индивидов поощряют принимать на себя большую ответственность за формирование собственной пенсии; повышается роль частных фондов и индивидуализированных накопительных схем. С точки зрения Биггза и его коллег, данные тренды свидетельствуют о диверсификации трудовых и пенсионных возможностей, но в то же время они указывают на увеличение рисков (сокращение социальных гарантий, угроза безработицы) в жизни пожилых людей.

Акцент на социально-экономической активности стареющего населения породил внимание и к здоровью пожилых работников. На рубеже 1990–2000-х годов отмечается рост числа исследований, в которых анализируется связь между работой и здоровьем. И если ранее работа в основном рассматривалась как фактор,

P. 5–28; Walker A. The social creation of poverty and dependency in old age // J. of social policy. – Cambridge, 1980. – Vol. 9, N 1. – P. 49–75.

¹ Butler R.N. Health, productivity and aging: An overview // Productive aging: Enhancing vitality in later life / ed. by R.N. Butler, H.R. Gleason. – N.Y.: Springer, 1985. – P. 1–13.

² Maintaining prosperity in an ageing society / Organization for Economic Cooperation and Development. – P.: OECD, 1998. – P. 14, 84.

³ Active ageing: A policy framework / World Health Organization. – Geneva: WHO, 2002. – P. 12.

обеспечивающий социальное взаимодействие и структурирующий повседневный опыт индивидов, то теперь вопрос был поставлен иначе: усиливает или же ослабляет работа ощущение счастья у работников в целом и пожилых работников в частности, и какие именно формы занятости способствуют тому и другому¹. Очевидно, что в правительственных документах утверждалась благоприятное воздействие труда на жизнь и самочувствие абсолютного большинства работников. Однако различные исследования демонстрируют неоднозначность данной ситуации. С одной стороны, подобный «позитивный» подход практически исключает обсуждение потенциальных негативных последствий трудовой деятельности для человеческого здоровья. С другой стороны, с расширением сферы услуг и экономики знаний и одновременным сокращением числа профессий, предполагающих тяжелый физический труд, люди действительно получают возможность трудиться дольше. Но при этом именно у работников, занятых в экономике знаний, фиксируется самый высокий уровень стресса (с. 1464). Кроме того, по словам австралийских исследователей, не исключена и возможность получения ложноположительной корреляции: утверждается, что, работая дольше, человек дольше сохраняет здоровье, однако это может означать и иное, а именно – то, что человек работает дольше именно благодаря хорошему здоровью.

Согласно Обследованию здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе (SHARE), около 50% европейских работников регулярно испытывают стресс из-за работы (с. 1465). Работа может быть сопряжена с физическими и психологическими трудностями (к последним работники среди прочего относят несправедливое отношение со стороны руководства, безразличие начальства к душевному состоянию сотрудников). Развивающиеся на фоне стресса сердечно-сосудистые заболевания, диабет и депрессия могут послужить мотивацией к раннему уходу на пенсию. В этом случае выход на пенсию станет облегчением, и прогрессирование заболевания индивида может замедлиться. Важно, в какой мере индивид контролирует ситуацию, в частности – соответствует ли момент выхода на пенсию его собственному желанию; если он вынужден оставить работу против воли, состояние его здоровья, напротив, может ухудшиться – вследствие депрессии, которая может вызвать чрезмерное употребление алкоголя и формирование пагубных пи-

¹ См., напр.: Warr P. Work, happiness and unhappiness. – N.Y.: Lawrence Erlbaum, 2007.

щевых привычек. Здесь также проявляется различие между квалифицированными и неквалифицированными работниками. Тогда как высокообразованные квалифицированные работники, особенно занятые в инновационных и творческих сферах, фактически уже не представляют своей жизни без работы и считают работу после достижения пенсионного возраста собственным выбором, для занятых в традиционных областях и в особенности работников физического труда между работой и личной жизнью существует четкая граница. В результате они либо продолжают трудиться, не имея иной возможности (прежде всего, в силу материальных причин), либо выходят на пенсию – если такая возможность у них есть. Исследования конца 2000-х годов на материале 72 стран продемонстрировали, что второй после детства пик счастья в жизни человека приходится на 55–75 лет, а это именно ранние пенсионные годы, или «третий возраст» (с. 1468).

По мнению Биггза и его коллег, рассмотрение проблемы продления трудовой занятости будет неполным без анализа феномена коммодификации времени как важного аспекта восприятия времени в позднем капитализме. По мере развития капитализма, отмечают австралийские исследователи, повседневный опыт людей все больше подчинялся ритму рынка труда, так что время, не подчиненное ни производству, ни потреблению капитала начало восприниматься как периферическое. В результате люди не ощущают самоценности досуга и игры и не могут позволить себе предаваться им, не испытывая угрызений совести. Иначе говоря, время превратилось в экономический ресурс, который ни в коем случае нельзя потратить впустую. Нерабочее и так или иначе высвободившееся время необходимо заполнить потреблением товаров и услуг (шопингом, походом в кафе, кино и пр.).

В последние годы за счет большего проникновения работы в жизнь индивидов это состояние постоянного беспокойства (*restlessness*) интенсифицировалось (с. 1470). Согласно теоретике новой культуры времени Мортену Свенstrup¹, все часы жизни становятся потенциальными рабочими часами¹. В рамках предыдущей модели, доминировавшей в западных странах вплоть до середины 1970-х годов, оплачиваемая работа выполнялась в определенные часы в определенных местах. С развитием технологий и

¹ *Svenstrup M. Towards a new time culture: Conceptual and perceptual tools.* – 2013. – Mode of access: https://www.academia.edu/5476409/Towards_a_New_Time_Culture_-_Conceptual_and_Perceptual_Tools (Accessed: 12.12.2019.)

распространением практики удаленной работы пространственно-временные границы работы и неработы начали размываться. Поначалу данные изменения были встречены с оптимизмом: некоторые авторы полагали, что это позволит индивидам сбалансировать работу и личную жизнь (с. 1470). Итог, однако, оказался обратным: чаша весов еще больше склонилась в пользу работы. От работников ожидают, что они будут доступны в том числе и в нерабочее время и в любой точке мира. Люди работают дома, по вечерам, в выходные, в гостиницах и в общественном транспорте и не ощущают, что работа когда-нибудь будет закончена. Подобный образ жизни, как отмечают ряд исследователей, может оказать негативное влияние на межличностные и семейные отношения и привести к изоляции¹.

Данная тенденция вполне согласуется с дискурсами успешного и продуктивного старения. Пенсионеров мотивируют выбирать «активные потребительские жизненные стили»² и продуктивно использовать «дополнительное» время более долгой жизни³. Поощряются те виды деятельности, которые, не будучи оплачиваемыми, все же напоминают работу, – например, уход за больными родственниками и волонтерство. Тем самым вновь обретенная в пожилом возрасте свобода оказывается во власти новой серии социальных обязательств, обусловленных неолиберальной рациональностью⁴.

Однако подобный подход отнюдь не должен быть единственно возможным – ему есть альтернативы. Одна из них представлена социально-психологическими подходами, согласно которым во второй половине жизни восприятие времени претерпевает существенные изменения. Ценностная система индивида трансформируется в результате осознания ограниченности времени жизни, которое еще остается в его распоряжении. Стремление к социаль-

¹ См., напр.: *Haworth J., Lewis S.* Work, leisure and well-being // *British j. of guidance a. counselling*. – Abingdon, 2005. – Vol. 33, N 1. – P. 67–79.

² *Featherstone M., Hepworth M.* Images of positive aging: A case study of Retirement Choice magazine // *Images of aging: Cultural representations of later life* / ed. by M. Featherstone, A. Wernick. – L.: Routledge, 1995. – P. 44.

³ *Towards a Europe for all ages: Promoting prosperity and intergenerational solidarity* / Commission of the European Communities. – Brussels: Commission of the European Communities, 1999. – P. 12.

⁴ *Rudman D.L.* Shaping the active, autonomous and responsible modern retiree: An analysis of discursive technologies and their links with neo-liberal political rationality // *Ageing a. society*. – Cambridge, 2006. – Vol. 26, N 2. – P. 197.

ным достижениям сменяется ориентацией на аутентичность и желанием придать жизни собственный смысл; на первый план выходят аспекты Я, которые раньше в силу следования конформной модели поведения подавлялись¹. Согласно Карлу Густаву Юнгу, если задачей первой половины жизни является поиск своего места в обществе (и, соответственно, выполнение социальных обязательств и представление себя продуктивным членом общества), то во второй половине жизни большее значение приобретает личностное развитие (с. 1473). Духовное развитие в пожилом возрасте Ларс Торнстам назвал геротрансценденцией, под чем понимается меньшая эгоцентричность и в то же время большая избирательность в связях и занятиях². Теория геротрансценденции сочетается с теорией социоэмоциональной селективности: в ситуации ограниченности времени жизни все взаимодействия, в которые вступает человек, должны быть высокого эмоционального качества³. Учитывая вышесказанное, предложение продолжать работать как можно дольше не представляется удовлетворительным ответом на вопрос о том, что же делать с долгой жизнью. По мнению Биггза и его коллег, прежде всего необходимо постараться найти креативный баланс между работой и остальной жизнью (с. 1475).

Исторически, указывают авторы, вопрос баланса между работой и личной жизнью (WLB, work – life balance) рассматривался в связи с проблемой массового выхода женщин на рынок труда и, соответственно, необходимостью сочетать профессиональные и семейные обязанности, с которой столкнулись работающие женщины; решением этой проблемы виделись различные гибкие формы занятости (с. 1475). По мере старения рабочей силы акцент сместился на пожилых работников, которым, как было признано, также приходилось совмещать работу с многочисленными семейными обязанностями; и вновь в качестве решения предлагается гибкая занятость (там же). Однако, отмечают австралийские исследователи, во главу угла при этом всегда ставят работу, и отчет ведется от нее; другие занятия в жизни индивида представляются вторичными. Фактически не рассматривается вариант, согласно

¹ *Dittmann Kohli F.* The construction of meaning in old age: Possibilities and constraints // *Ageing a. society.* – Cambridge, 1990. – Vol. 10, N 3. – P. 279–294.

² *Tornstam L.* Gerotranscendence. – N.Y.: Springer, 2005.

³ *Carstensen L.L., Isaacowitz D.M., Charles S.T.* Taking time seriously: A theory of socioemotional selectivity // *American psychologist.* – Wash., 1999. – Vol. 54, N 1. – P. 165–181.

которому благополучию людей будет способствовать не совмещение работы и внерабочих обязанностей, а нелинейная, дискретная трудовая траектория. Во внимание ведь можно принимать не недели, месяцы, годы, а всю трудовую биографию индивида (с. 1476). Примерами действительно гибкого подхода могут послужить схемы, допускающие карьерные перерывы; сверхурочная работа в периоды, когда индивид может себе это позволить, в обмен на выходные в будущем; бессрочные сберегательные счета и пр. В ряде европейских стран эти модели уже постепенно внедряются. Так, в Нидерландах реализуется схема, в соответствии с которой работники могут вносить до 12% зарплаты на не облагаемый налогами счет, средства с которого в дальнейшем могут быть использованы для финансирования учебы, декретного отпуска и др. В таком случае пожилой возраст не будет рассматриваться как новый перспективный ресурс, из которого надо извлечь все возможное, – просто в трудовую модель изначально должны быть заложены механизмы, обеспечивающие баланс между работой и личной жизнью и позволяющие разным возрастам дополнять друг друга и помогать друг другу на жизненном пути.

Таким образом, подводят итог авторы, в жизни пожилых работников помимо труда и квазитрудовых практик должно быть место для разнообразных занятий, соответствующих этапу психического и духовного развития, на котором они находятся (а именно – религиозных и духовных практик, отдыха и досуга, гражданского участия и участия в жизни сообщества и пр.). Критическая геронтология должна продолжать демонстрировать обществу, что работа не является единственной формой социальной легитимации пожилого возраста в современную эпоху. Тогда, заключают С. Биггз, М. Макгэнн, Д. Боумэн и Х. Кимберли, у долгой жизни может появиться смысл.

Я.В. Евсеева

Лотерингтон А.Т., Обстфеллер Э., Хэлфорд С.
«СТАРУХАМ ТУТ НЕ МЕСТО»:
КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗРАСТА
НА ЗАКАТЕ ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ¹.
(Реферат)

Реф. ст.: *Lotherington A.Th., Obstfelder A., Halford S. No place for old women: A critical inquiry into age in later working life // Ageing a society. – Cambridge, 2017. – Vol. 37, N 6. – P. 1156–1178.*

Ключевые слова: *пожилые работники; средний медицинский персонал; феминизм; Норвегия.*

Норвежские исследовательницы Анна Тереза Лотерингтон (Университет Тромсё) и Эуд Обстфеллер (Норвежский университет естественных и технических наук, г. Йовик) и их коллега Сьюзан Хэлфорд (Саутгемптонский университет, Великобритания) изучают положение пожилых работников в ситуации глобального старения населения и радикальных изменений в сфере труда. В своем исследовании они опираются на феминистскую методологию, а также художественный и эмпирические источники – соответственно, фильм «Старикам тут не место» и интервью и фокус-группу с операционными медсестрами, вскоре выходящими или уже вышедшими на пенсию.

Как указывают авторы, в странах Запада, для которых характерна тенденция к продлению трудовой деятельности, доминируют

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2020. – № 1. – С. 72–77.

два дискурса: а) стареющая рабочая сила как проблема и б) активное старение (предполагающее также и длительную трудовую активность). В первом случае пожилой работник рассматривается как тормоз на пути развития, не способный осваивать новое; во втором он видится ресурсом, который может и должен быть использован гораздо шире. Однако, по мнению Лотерингтон и ее коллег, содержательно эти дискурсы не столь различны, и отношение к пожилым людям они несут в себе схожее. Во-первых, они оба индивидуализируют старение: годным, способным либо негодным, неспособным оказывается индивид; об организационных структурах, дискурсах и практиках речь не идет. Во-вторых, в обоих случаях нормой выступает молодость, с которой и сопоставляется пожилой возраст. Тем самым хорошие работники – это те, что «еще довольно молоды», «как молодые», «не уступают молодым» (и, соответственно, наоборот). Авторы стремятся бросить вызов этим представлениям, предложив новый взгляд на взаимоотношения возраста, изменений и работы.

Сделанный Лотерингтон и ее коллегами обзор литературы демонстрирует, что пожилые люди по-прежнему подвергаются возрастной дискриминации на рабочем месте, несмотря на антидискриминационное законодательство в странах Европы и Северной Америки. При этом существуют исследования, подтверждающие, что пожилые работники вполне могут приспособиться к цифровому рабочему пространству¹. Тем не менее многие исследователи остаются в рамках той же бинарной оппозиции, что и политики и специалисты: позитивный – негативный, молодой – немолодой. Бóльшим потенциалом, с точки зрения авторов статьи, обладают работы, в которых сами организации трактуются как элемент продуцирования возрастных различий².

Из феминистской методологии авторы черпают два принципа. В соответствии с первым, знание ситуативно и не абстрактно, а испытывает воздействие мира и, в свою очередь, воздействует на мир. Д. Харауэй разделяет рефлекссию и дифракцию³. Рефлексия представляет собой отражение и репродукцию. В рамках данного

¹ *Borghans L., Weel B.T.* Do older workers have more trouble using a computer than younger workers? – Maastricht: Maastricht univ. press, 2002.

² What's age got to do with it? On the critical analysis of age and organizations / Thomas R., Hardy C., Cutcher L., Ainsworth S. // *Organization studies*. – Cambridge (MA), 2014. – Vol. 35, N 11. – P. 1569–1584.

³ *Haraway D.* *Modest_Witness@Second_Millennium.FemaleMan©_Meets_OncoMouse*. – L.: Routledge, 1997.

подхода можно пытаться противодействовать эйджизму, утверждая, что пожилые работники ничем не хуже молодых, однако, по мнению Лотерингтон и ее коллег, это лишь воспроизводит доминирующую – «молодую» – модель, не предлагая никакой альтернативы. На другой чаше весов находится дифракция, выявляющая то, как именно производятся различия, в данном случае возрастные различия в организации (больнице).

Согласно второму принципу, ни одна категория не является «чистой» и фиксированной – любые категории «приводятся в действие» и «разыгрываются» во взаимоотношениях людей, вещей и практик; возраст и гендер взаимообуславливают друг друга и находятся в интерсекциональной связи. По Дж. Акер, категория «работник» (англ. «worker») не является нейтральной, а несет в себе историю мужского доминирования, в связи с чем женщинам, по крайней мере некоторым, нелегко справиться с ролью «хорошего работника»¹. Работа выполняется различными акторами, среди которых и человеческие тела, а если акторы – в том числе тела – меняются, меняются и практики. Если же, утверждают Лотерингтон и ее коллеги, в каких-то (пусть и доминирующих на данный момент) практиках процесс старения представляет собой проблему, он вполне может не быть таковым в иных практиках. И вместо того, чтобы определять, в какой мере пожилой работник отличается (не отличается) от молодого работника, следует задаться вопросом о том, насколько состоятелен сам этот стандарт и не пришло ли время изменить практику. Как полагают авторы, подобный подход принесет пользу не только пожилым, но и всем работникам, так или иначе отличающимся от существующего стандарта.

Художественный источник – фильм «Старикам тут не место» («No country for old men», США, 2007, реж. Джозэл и Итан Коэны) – исследовательницам подсказала одна из респонденток, 61-летняя Анна (имена изменены), подумывающая о ранней пенсии (в 62 года). Она сравнила свою нынешнюю ситуацию с положением шерифа Белла, готового оставить когда-то любимую работу, которая настолько изменилась, что он уже ее просто не понимает и оттого ощущает себя потерянным, ненужным и слишком старым для этого нового мира.

Данный фильм (экранизация одноименного романа Кормака Маккарти) авторы рассматривают как символическую критику со-

¹ Acker J. Hierarchies, jobs, bodies: A theory of gendered organizations // Gender a. society. – Newbury Park (CA), 1990. – Vol. 4, N 2. – P. 139–158.

временной Америки и метарассказ о социальных изменениях. Пожилой шериф Эд Том Белл вспоминает о временах, когда все было просто, когда ему не приходилось часто использовать оружие (но если уж он его использовал, то схватка решалась в его пользу), когда ему нужно было быть не только решительным, но и заботливым и мудрым. Но теперь зло непобедимо и неистребимо. Современный преступник, такой как наемный убийца Антон Чигур, не играет по правилам и не знает жалости. Белл не может с ним справиться и решает, что ему пора уйти на покой.

Составившие эмпирическую базу исследования интервью и фокус-группа явились частью большого проекта, проводившегося авторами в 2009–2012 гг. и посвященного пожилым работникам сферы здравоохранения и новым технологиям. В Норвегии, как и в других странах, данная сфера в последние годы переживает существенные изменения, среди которых – цифровизация рабочих процессов и внедрение новых систем управления. В целом проект включал в себя опрос всего старшего и среднего медицинского персонала двух крупных больниц ($N = 6245$), фокус-группы ($N = 9$) и глубинные интервью с клиницистами, менеджерами, программистами и сотрудниками профсоюзной организации ($N = 52$). Большую часть среднего медицинского персонала представляли женщины. Для целей настоящего исследования были отобраны интервью с одной из медсестер (упомянутой выше Анной) и четырехчасовая фокус-группа с четырьмя еще работающими / вышедшими на пенсию медсестрами старшего возраста (сентябрь 2010 г.).

Участницы фокус-группы (от 62 до 76 лет) были набраны из круга знакомых авторов методом снежного кома; состоялась она в известном всем кафе. Лотерингтон и ее коллеги предложили обсудить тему изменений, имевших место на протяжении профессиональной карьеры участниц. Если в ходе дискуссии затрагивались вопросы гендера, возраста и / или технологий, им уделялось больше внимания. Авторы заметили, что участницы стремятся прийти к единому мнению, сформировать «единый голос».

Начинали работу они в 1950–1960-х годах. Они вспоминают, что были в ответе «за все» – подготовку, обслуживание, уборку. По отношению к хирургу их положение было сродни положению жены, вполне в соответствии с подчиненной феминностью той эпохи. Прежде всего, они отвечали за инструменты – их было необходимо стерилизовать; иглы не доставлялись в готовой упаковке; тампоны пересчитывались и складывались в стопки. Участницы с гордостью и удовольствием рассказывают о своей активной

роли в операционной, ведь хирург не мог бы без них обойтись ни до, ни во время операции. Далее следовали уборка и отчет (который писали ручкой на бумаге!). Одна из участниц вспоминает, как однажды к ним пришла молодая медсестра, заявившая, что она не для того училась на операционную сестру, чтобы чистить и убираться (и это был своего рода сигнал к изменению). Остальные были поражены таким отношением: эта молодая медсестра не понимала того, что было очевидно для ее старших коллег, а именно что благодаря, в частности, уборке они чувствовали себя своими в операционной, обретали компетенции и признание. Подобно шерифу Беллу, они наслаждались своим рабочим ландшафтом. Сейчас же все инструменты приходят в упаковке, и работа, которая была их вотчиной, выполняется неким анонимным другим. Сами по себе операции стали малоинвазивными, что делает роль медсестер в операционной пассивной и оттого скучной. Отчеты составляются на компьютере. Его ценности пожилые медсестры не видят, он лишь нарушил привычный рабочий ритм. Как когда-то молодая медсестра, они готовы воскликнуть, что не для того становились операционными медсестрами, чтобы работать на компьютере. Общество изменилось, работа изменилась, пожилые медсестры потеряли контроль над своими собственными рабочими практиками и готовы оставить работу. Интернализируя стереотипы о пожилых работниках, они объясняют сложившуюся ситуацию своим возрастом. Зло изменений, этот Антон Чигур в больнице, приходит извне, пугает людей и не испытывает жалости. Не работа адаптируется к опыту и навыкам людей – люди вынуждены приспособливаться и в случае неудачи уходить.

Фильм, интервью и фокус-группа становятся для авторов инструментами дифракции. Так почему же пожилые медсестры не вписались в работу современной больницы? Можно предложить несколько ответов. Например, модернизация, новый менеджмент и пр., однако, с точки зрения Лотерингтон и ее коллег, это ничего не объясняет и не способствует решению проблемы. Или, скажем, трансформации в сфере здравоохранения; но меняется не только работа – меняются и работники, так что как таковые изменения в той или иной профессиональной области не могут и не должны быть ответом. Далее, можно говорить об утрате контроля, а также о разрушении традиционной феминности. На смену последней приходит новая феминность, и приходит она не из операционной, а из большого общества, знаменуя собой новые социально-материальные практики. Лотерингтон и ее коллеги полагают, что с

подобным злом в больнице можно и нужно бороться. Во-первых, необходимо перенести фокус с индивида на организацию и проследить, как именно возраст продуцируется в организациях. Во-вторых, нужно исследовать, какие последствия произведенные возрастные различия имели для организационных процессов. Одним из последствий может быть принятие некоего стандарта, которому не все работники будут соответствовать. Если нормальное старение отрицается, то «идеальный» работник будет настолько молод, насколько возможно, независимо от его действительного возраста. Если же работникам будет «позволено» стареть и телесные изменения будут восприниматься так же естественно, как изменения технологические, то такая организация станет по-настоящему инклюзивной. Нормальный процесс старения, подчеркивают Лотерингтон, Обстфеллер и Хэлфорд, следует не игнорировать, а использовать, развивая более динамичные рабочие практики, что сделает трудовую жизнь более привлекательной для всех категорий работников, в том числе отличающихся от существующих стандартов.

Я.В. Евсеева

ОБРАЗ ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

«СОЦИАЛЬНАЯ СТОРОНА ВАЖНА ТАК ЖЕ, КАК И ФИЗИЧЕСКАЯ»: ОПЫТ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛЫХ МУЖЧИН / Симс-Гулд Дж., Ан Р., Ли Н., Оттони К.Э., Макки Д.С., Маккей Х.Э.¹ (Реферат)

Реф. ст.: «The social side is as important as the physical side»: Older men's experiences of physical activity / Sims-Gould J., Ahn R., Li N., Ottoni C.A., Mackey D.C., McKay H.A. // American j. of men's health. – Thousand Oaks (CA), 2018. – Vol. 12, N 6. – P. 2173–2182.

Ключевые слова: *гегемонная маскулинность; пожилые мужчины; старение; здоровье; физическая активность; мобильность.*

Джоани Симс-Гулд, Рэй Ан, Невилл Ли, Каллиста Энн Оттони, Доун С. Макки и Хизер Энн Маккей из Университета Британской Колумбии (г. Ванкувер, Канада) рассматривают, как представления о маскулинности соотносятся с опытом физической активности у пожилых мужчин.

Авторы отмечают, что в основе североамериканской гегемонной маскулинности лежат физическая сила, автономия, независимость и способность преодолевать трудности². И если раса, этническая принадлежность, класс и сексуальная ориентация считаются общепризнанными факторами, влияющими на мужскую идентичность, то возраст часто упускается из виду. Стоит учиты-

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2020. – № 1. – С. 18–22.

² Connell R.W. Gender and power: Society, the person and sexual politics. – Cambridge: Polity press, 1987.

вать, что возрастные изменения приводят к потере силы, умственных способностей, независимости и автономии, а это противоречит гегемонной маскулинности. Поэтому важно понимать, как идеалы маскулинности влияют на жизнь пожилых мужчин. Гендер операционализируется авторами статьи как динамический, т.е. восприятие гендера может трансформироваться с течением времени, из-за того, что физические и умственные способности меняются в зависимости от возраста и географических условий (с. 2173–2174).

Согласно статистике, в 2017 г. в Канаде людей в возрасте старше 65 лет было больше, чем детей в возрасте до 15 лет, и ожидается, что число пожилых людей будет неуклонно расти. Авторы ссылаются на данные исследований, показывающих, что физическая активность является залогом «здорового старения»¹. Однако при этом в Канаде менее одной трети пожилых мужчин соблюдают рекомендации по поддержанию необходимого уровня физической активности. Одно из гендерно обусловленных различий связано с тем, что мужчины более склонны основываться на «нездоровых» убеждениях для демонстрации своей маскулинности (например, они пренебрегают поддержкой сообщества, считая, что способны справиться со своими проблемами самостоятельно) (с. 2174).

Для того чтобы детальнее рассмотреть опыт физической активности пожилых мужчин, авторы использовали метод *Photovoice* (метод фотовыражения). Так, они хотели понять, являются ли уверенность в собственных силах и маскулинность основой мобильности и физической активности мужчин. В качестве теоретической рамки авторы использовали символический интеракционизм, в котором поведение людей понимается с точки зрения самих людей, поскольку они создают собственные реальности (там же).

Photovoice – это качественная исследовательская стратегия, «с помощью которой люди делают фотографии и обсуждают их как инструмент стимулирования личностных изменений»². Этот метод применяется, когда людям сложно вербально выразить свои

¹ Powell K.E., Paluch A.E., Blair S.N. Physical activity for health: What kind? How much? How intense? On top of what? // Annual rev. of public health. – Palo Alto (CA), 2011. – Vol. 32, N 1. – P. 349–365; Gabriel Z., Bowling A. Quality of life from the perspectives of older people // Ageing a. society. – Oxford, 2004. – Vol. 24, N 5. – P. 675–691; Rowe J.W., Kahn R.L. Successful aging // The Gerontologist. – Wash., 1997. – Vol. 37, N 4. – P. 433–440.

² Photovoice as a participatory health promotion strategy / Wang C.C., Yi W.K., Tao Z.W., Carovano K. // Health promotion international. – Oxford, 1998. – Vol. 13, N 1. – P. 75.

взгляды на ту или иную проблему. Участникам исследования при использовании этого метода выдают фотокамеры и просят фотографировать, рефлексировать, запечатлевать и передавать свой жизненный опыт через изображение. В исследовании Дж. Симс-Гулд и ее коллег фотографии являлись визуальным отображением восприятия пожилыми мужчинами своей физической активности и мобильности. «Демократичность» этого метода состоит в том, что первоначальный сбор данных осуществляется самими участниками, а не исследователями. Кроме того, сами участники, а не только исследователи, вынуждены рефлексировать над вопросами проекта.

Мужчины, участвующие в исследовании, были выбраны из проекта «Мужчины в движении», который реализовывался в Ванкувере в сентябре 2015 – мае 2016 г. В рамках этого проекта в течение 12 недель испытуемые были задействованы в программе повышения уровня физической активности и мобильности. Им были бесплатно выданы транспортные карты, предоставляющие доступ к местному общественному транспорту (метро и автобусы). Критериями подбора участников для нового исследования были: возраст 65 лет и старше; идентификация себя как мужчины; владение английским языком; готовность к физической активности.

Из 58 участников проекта «Мужчины в движении» для исследования методом *Photovoice* были отобраны 14 человек. Средний возраст участников составил 75 лет. Исследование началось в феврале 2016 г., в апреле 2016 г. были сделаны фотографии, а в апреле-мае того же года были проведены интервью. Участники прошли специальный инструктаж по созданию фотографий. В течение недели им было предложено сделать любое количество фотоизображений, которые отвечали бы на следующие вопросы. 1. Что заставляет вас стремиться быть физически активным? 2. Что мешает вам быть физически активным? 3. Как программа «Мужчины в движении» изменила ваше отношение к физической активности? (с. 2175).

14 участников исследования сделали 870 фотографий (в среднем 62 фотографии от каждого участника), отражающих их восприятие мобильности и физической активности. В дополнение к фотографиям нужно было заполнять журнал, внося туда описание смысла каждой фотографии. Через неделю после начала фотографирования участникам было предложено выбрать три наиболее подходящих для целей исследования изображения. С информантами были проведены интервью, в ходе которых их попросили подпи-

сать фотографии и объяснить, почему они посчитали, что с их помощью лучше всего можно ответить на вопросы исследования.

Анализ фотографий и интервью показал, что с помощью получившихся изображений участники стремились выразить свое стремление двигаться и быть более активными. Пожилые мужчины демонстрировали это двумя основными способами: через ежедневные контакты с окружающими их людьми и через движение, наблюдаемое в сообществах (например, фото бегущих детей) (с. 2176).

Участники исследования делали фотографии своих прогулок, на которых их сопровождали родственники или друзья. Как рассказал в интервью один из информантов, если бы у него не было друзей, с которыми он мог бы играть в гольф, он бы, скорее всего, не выходил из дома так часто, потому что *«социальная сторона важна так же, как и физическая»*. Таким образом, отмечается, что социальные связи стимулируют регулярную физическую активность и делают ее более приятной (там же).

Для других участников стимул к движению возникал из наблюдений за окружающими людьми. Они характеризовали движение других как побуждающее, поскольку оно вызывало желание больше двигаться самим. Пожилые мужчины могли быть не вовлечены в движение непосредственно, но возникающее чувство связанности от нахождения рядом с другими активными людьми заставляло их ощущать, что они не одни. Некоторые участники при этом подчеркнули важность одиночества в своей повседневной жизни и физической активности; для них одиночество может быть расслабляющим и приятным, и это не означает, что у них нет социальных связей (с. 2177). Стремление к одиночеству, по мнению авторов, можно объяснить через желание соответствовать идеалу сильного и независимого мужчины, которому не нужна помощь других.

Авторы считают, что взаимодействию с сообществом также способствовали городская и естественная окружающая среда. Так, участники сделали более 350 фотографий природы (деревья в парках, цветы, закаты на пляже и т.п.). Прогулки на природе, по словам одного из информантов, имели для него заметный терапевтический эффект. Городская среда включала в себя изображения памятников и эстетических сооружений. Близость и доступность необходимых объектов инфраструктуры (больниц, банков, магазинов) в представлении информантов позволяла им больше передвигаться пешком и не пользоваться автомобилем. Для одного из информантов переезд из пешеходного района в район с оживленным

дорожным движением, наоборот, явился причиной того, что он стал меньше гулять и больше ездить на автомобиле.

Проект «Мужчины в движении» для многих участников стал стимулом к тому, чтобы начать пользоваться общественным транспортом. До этого многие из них отдавали предпочтение личному автомобилю, что авторы также связывают со стремлением соответствовать нормам маскулинности. Пользование общественным транспортом позволило пожилым мужчинам посетить места, в которых они раньше не бывали, минимизировав при этом опасности, связанные с вождением автомобиля, и уменьшив вероятность попадания в пробку (с. 2177).

Через некоторые фотографии пожилые мужчины репрезентировали свой опыт старения и принятия нового этапа жизни (например, через фотографии цветов, которые в интервью описывались как то, что цветет, но рано или поздно увядает). Они также пытались увидеть и описать через изображения свое текущее положение, связанное с утратой некоторых физических способностей, и возможности для будущих изменений. Выбор физической активности для них был способом отвергнуть стереотипы, ассоциирующиеся со старением.

В фотографиях пожилых мужчин были различимы гендерные стереотипы. Участники часто делали фотографии «мужских» вещей и занятий (строительные площадки, инструменты, хоккейные коньки), но были и примеры «женских» изображений (цветы, сады). Последние описывались как что-то «красивое», «спокойное», имеющее целительный эффект.

В целом, заключают Дж. Симс-Гулд и ее коллеги, при создании программ поддержания здоровья пожилых мужчин нужно учитывать, что решающее значение имеет стимулирование их обращения к местным сообществам и в качестве их активных членов, и в качестве тех, кому может потребоваться помощь. Но в то же время нужно иметь в виду, что использование мужчинами социальных связей для поддержки противоречит сконструированным нормам «гегемонной маскулинности» (с. 2180). Например, отмечают авторы статьи, учитывая значимость социальных взаимодействий, с одной стороны, и необходимость одиночества – с другой, программы стимулирования физической активности должны быть не только групповыми, но и индивидуальными.

А.Ю. Долгов

Априль К.

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПАРИЖСКИХ ТАНЦЕВАЛЬНЫХ
ЗАЛОВ: ДОСУГ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ¹.
(Реферат)**

Реф. ст.: *Aprill Ch. Dancings parisiens au quotidien: Un loisir de seniors // Ethnologie française. – P., 2012. – Vol. 42, N 3. – P. 483–491.*

Кристоф Априль (Центр Норберта Элиаса Высшей школы социальных наук, г. Марсель, Франция) анализирует упадок французских танцевальных залов, превратившихся из массовой формы проведения досуга в одну из повседневных практик пожилых людей. В данной статье рассматриваются функции общественных балов для этой возрастной группы. В своем исследовании автор использовал методы включенного и невключенного наблюдения и интервью.

Главная характеристика сегодняшних танцевальных залов – исключительно преклонный возраст их публики. Случайно попавшие туда люди, даже чуть более молодые, воспринимаются как юноши. Возрастные рамки участников, зафиксированные автором, включали людей от 60 до 99 лет. Видимо, в связи с пенсионным возрастом танцоров подобные заведения закрываются достаточно рано. Невысокая плата за вход делает подобную форму досуга доступной даже для пенсионеров.

Основное внимание автор уделяет анализу социальных и психологических функций танцевальных залов и происходящих там общественных балов. Прежде всего, танцы – способ провести

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2015. – № 3. – С. 135–139.

время, заняться чем-то, определенный вид структурирования времени. Постоянный посетитель отмечает, что проведение в зале двух-трех часов ежедневно составляет часть его распорядка дня. Впрочем, эта форма досуга дает «третьему возрасту» гораздо больше, и главное – ощущение полноценного существования. Посещение танцевального зала позволяет на время избежать изолированности и одиночества. Предоставляемые танцевальными залами возможности для общения были отмечены всеми опрошенными. Это особенно ценно для пожилых людей. В беседах с французским социологом в качестве достоинств посещений ими общественных балов респонденты упоминали: постоянный состав, представляющий собой сообщество знакомых; радость от встреч с противоположным полом, друзьями, знакомыми; моральную поддержку от общения и танцев; доброжелательную атмосферу; танцы как источник эмоций, удовольствия, возможность послушать музыку и подвигаться под нее. Наконец, посещение танцевального зала представляет для людей преклонного возраста способ поддерживать себя в форме, с точки зрения как физических нагрузок, так и необходимости сохранять опрятный, ухоженный вид. Автор замечает, что все посетители, несмотря на возраст и физическое состояние, тщательно причесаны, сдержанно, но элегантно одеты, дамы делают макияж. Желание нравиться партнеру или, по крайней мере, быть приемлемым заставляет следить за собой, своим телом и внешним видом, что позволяет пожилым людям держаться и «не опускаться».

В статье отмечается и такая функция танцев, не связанная с возрастом, как снятие стресса. Автор разделяет мнение французских исследователей Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понтали относительно того, что «...механизм парных танцев... в частности его невербальные и эмоциональные параметры, входит в число современных видов деятельности, обеспечивающих “адекватную разрядку патогенных аффектов” и “освобождение от внутренних конфликтов”» (цит. по: с. 486).

В речи многих опрошенных присутствует тема упадка общественных балов как исчезающего мира, контраста нынешней ситуации и той, что была в период их юности. Действительно, залы закрываются, их количество уменьшается. До определенного времени данная досуговая практика являлась массовой, общедоступной независимо от возраста, пола, общественного сословия. На балы ходили семьями, начиная с юности, а иногда и детства, это было место знакомств и встреч, их посещение проходило нитью сквозь всю жизнь людей, они формировали круг общения. А. Жирар и

вслед за ним М. Бозон и Ф. Эран называют общественные балы того периода «брачным институтом» (цит. по: с. 484). Однако «в 1960-е годы бал как система, охватывающая широкие слои населения, испытывает качественный кризис» (с. 490). Среди причин указывается то, что общественные балы перестали быть единственной, практически безальтернативной формой досуга; возникла мощная конкуренция. В качестве основного конкурента опрошенными называется телевидение (кстати, как негативный символ пассивности). Распространение новых стилей танцев (новое поколение – новые танцы) и, шире, изменение отношения к телу, формирование культа тела, красоты и здоровья, возникновение в связи с этим новых телесных практик также потеснили старые танцевальные залы. Согласно автору статьи, «на смену “естественной” практике танца... пришла риторика чувственности, сопровождаемая “спектаклями” эротизма, инструментализация которых происходит через СМИ и которыми пользуется рынок телесных практик» (с. 487). Кроме того, свою роль в спаде интереса к залам сыграла специализация: если на общественных балах имеет место смешение стилей танцев, то в последние десятилетия люди, обучающиеся танцам, как правило, занимаются каким-то одним стилем. Еще одна причина – смена поколений, естественный уход заведомо этих заведений и то, что не произошло передачи этой практики от поколения к поколению. Наконец, среди причин уменьшения количества танцевальных залов автор указывает изменение ситуации с недвижимостью в крупных городах (в частности, в Париже), повышение арендной платы, что негативно сказывается на их положении.

Анализируя символическое значение танцевальных залов, французский социолог в первую очередь указывает на противопоставление практики общественных балов старению и смерти. Данная практика, участниками которой становятся люди преклонных лет, представляет собой своего рода преодоление возраста, возможность отчасти замедлить, отсрочить и держать под контролем процесс старения и его проявления – малоподвижность, пассивность, немощность, беспомощность, причем как в действительности, так и в собственных ощущениях и представлениях. «Ежедневно они приостанавливают время и собственную участь. И эта инверсия дает им возможность жить не лучше, но по-другому...» – считает автор (с. 486).

Как любой объект культуры, общественный бал обретает ценность, лишь когда в него верят, и при этом «данная вера основывается на опыте и разделении этого опыта» (с. 486). Поэтому он

по-разному выглядит изнутри и со стороны: участником эта ситуация воспринимается как насыщенная эмоциями и переживаниями, а случайному наблюдателю происходящее может показаться жалким или смешным. Что совпадает с намерением участников не произвести впечатление на зрителей, а получить удовлетворение от танцев самому и доставить его партнеру, и отличает общественные балы от профессиональных танцев.

Автор рассматривает парные танцы как форму отношения к другому. Момент танца конденсирует в пространстве и времени это отношение. Во время него партнер выступает как «значимый другой» в том смысле, какой придавали ему П. Бергер и Т. Лукман, подчеркивая его важность при конструировании собственного Я в работе «Социальное конструирование реальности»¹. Здесь вместо постоянных, брачных пар выступают временные пары, но восприятие отношений как значимых сохраняется. Находясь на танцевальной площадке, «каждый находит в объятиях другого и под взглядами группы свое признание» (с. 486).

Наконец, отношения в рамках этой практики, в отличие от других форм досуга, строятся в рамках гендерного разделения ролей, четко в соответствии с нормами гетеросексуальности. Хотя для большинства посетителей близость, как конечная цель, не является актуальной, ухаживание и флирт часто окрашивают их. При этом возникающие во время танцев отношения не сводятся лишь к «чувственной составляющей, внутренне присущей танцам» (с. 489).

Автор заключает, что хотя, по его мнению, общественные балы представляют нематериальное достояние французской культуры, их статус не определен. Являясь «пространством жизни, досуга и проявления чувства собственного достоинства для пожилых людей» (с. 489), танцевальные залы испытывают давление, связанное с удорожанием недвижимости. При том, что доля людей старше 60 значительна и составляет в парижских округах от 16 до 23%, отсутствуют группы поддержки, лоббирование этой общественной практики, без чего, вероятно, при существующей тенденции с уходом нынешнего поколения «третьего возраста» она прекратит существование.

Е.Л. Уикова

¹ *Berger P., Luckmann T. La construction sociale de la réalité. – P.: A. Colin, 2006. Англ. оригинал: Berger P., Luckmann T. The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge. – N.Y.: Anchor books, 1966.*

Бильдтгард Т., Эберг П.

**ВРЕМЯ КАК СТРУКТУРИРУЮЩИЙ ФАКТОР В НОВЫХ
ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ¹.
(Реферат)**

Реф. ст.: *Bildtgård T., Öberg P.* Time as a structuring condition behind new intimate relationships in later life // *Ageing a. society.* – Cambridge, 2015. – Vol. 35, N 7. – P. 1505–1528.

Ключевые слова: *время; интимные отношения; пожилой возраст.*

Как отмечают авторы реферируемой статьи Торбьёрн Бильдтгард (Стокгольмский университет, Швеция) и Петер Эберг (Университет Ельве, Швеция), людей, вступающих в новые отношения в пожилом возрасте, становится все больше. Тем не менее в социальной геронтологии, с точки зрения шведских исследователей, этому явлению уделяется пока недостаточно внимания. Исходя из того, что у пожилых, свободных от работы и воспитания детей, много свободного времени, но само время их жизни неумолимо сокращается, Бильдтгард и Эберг ставят себе задачу проанализировать, носят ли отношения в этом возрасте особый характер и как фактор времени влияет на отношения пожилых людей.

До недавнего времени, указывают авторы, в фокус внимания социальной геронтологии попадали преимущественно пожилые люди, состоящие в браке. При этом, согласно Э. Гидденсу, в эпоху

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2017. – № 2. – С. 84–90.

позднего модерна люди строят отношения, основываясь не на внешних социально-экономических условиях и принятых формах (таких, как брак), а на том, какое удовольствие и удовлетворение им приносят сами эти отношения¹. По мысли авторов реферируемой статьи, пожилые люди, не ориентированные на рождение и воспитание детей, ближе всего к подобным «чистым» отношениям. В последние годы романтические отношения пожилых людей становятся темой художественных фильмов и статей в популярных журналах, пожилые индивиды помещают все больше объявлений в рубрике «желает познакомиться», выходят книги, инструктирующие людей старшего возраста, как найти нового партнера. Происходит это на фоне явления, получившего название «седой революции в сфере разводов»². Так, в Швеции сегодня из порядка 2,5 млн людей старше 60 лет более миллиона одиноки; и если количество вдовцов снижается, то число разведенных неуклонно увеличивается (между 1968 по 2010-м оно возросло с 4 до 17%, а именно с 55 до 400 тыс. человек (с. 1506)). Как и в других развитых странах, с возрастом растет число одиноких женщин в сравнении с мужчинами (в группе 60–79-летних – 58%, среди тех, кому за 80, – 76% (с. 1507)). В итоге увеличивается количество случаев совместного проживания без заключения брака (2,5% населения в 1989 г., 6,1% – в 2011 г.). Все более распространенной формой отношений становится LAT (*living apart together*)³.

Существующие исследования, отмечают Бильдтгард и Эберг, посвящены в основном следующим темам: отношение пожилых людей к свиданиям и вступлению в новые отношения; формы, которые новые отношения принимают, – брак, гражданское партнерство, LAT; влияние новых отношений на качество жизни. Вопрос времени привлекает внимание исследователей, прежде всего, с точки зрения того, как предыдущий опыт отношений влияет на стратегии построения новых отношений. Наименьший интерес к новым отношениям проявляют вдовы, которые были замужем лишь однажды и были в браке дольше других (т.е. брак был либо исключительно счастливым, либо слишком неудач-

¹ *Giddens A. The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies. – Oxford: Polity, 1992.*

² *Brown S.L., Lin I.F. The gray divorce revolution: Rising divorce among middle-aged and older adults, 1990–2010 // J. of gerontology: Psychological sciences and social sciences. – Oxford, 2012. – Vol. 67, N 6. – P. 731–741.*

³ Романтические отношения без совместного проживания. – *Прим. редф.*

ным). Мужчины с любым прошлым опытом стремятся к новым отношениям активнее, чем женщины (хотя разведенные также опережают вдовцов). Женщины предполагают, что им вновь придется вести хозяйство, – в Швеции все больше пар в настоящее время предпочитают не съезжаться, что позволяет им получать удовольствие одновременно и от близости, и от независимости.

Возвращаясь к основному предмету своего исследования, авторы сообщают, что концепт времени в последние годы вызывает интерес как в социальных науках в целом, так и в области социальной геронтологии (теория жизненного пути, нарративная геронтология, теория развития). В социальной философии время рассматривается либо как объективная категория, существующая независимо от индивида, либо как субъективный опыт, неотъемлемый компонент индивидуального сознания. Один из наиболее известных адептов первого подхода, Э. Дюркгейм, полагал, что время – это социальная категория, внешняя по отношению к индивиду, но принадлежащая социальному пространству и организующая индивидуальное и историческое время. В схожем ключе представители теории жизненного пути утверждают, что члены общества разделяют представления о том, как «нормальная» жизнь должна быть организована во времени¹. Со своей стороны, ряд социальных мыслителей, от М. Хайдеггера до Дж.-Г. Мида и А. Шюца, видели бытие *как* время. Эта аргументация была подхвачена биографическими исследованиями и нарративной геронтологией, изучающими, как пожилые рассказывают историю / истории своей жизни. Согласно Хайдеггеру, смерть одновременно неизбежна и непредсказуема, и именно с этим ее свойством соотносится жизненный проект человека; неизбежность смерти заставляет индивида осознанно строить свою жизнь определенным образом². Для пожилого человека наличие большого количества свободного времени и при этом недостаток времени жизни как такового могут способствовать развитию новых интимных отношений либо стать препятствием на их пути.

В рамках исследования авторами были проведены качественные интервью (длившиеся в среднем два часа) с 28 респондентами, живущими в радиусе 300 км от Стокгольма (18 женщин, 10 мужчин, в возрасте 63–91 года). 22 человека состояли в (новых)

¹ См., напр.: Hagestad G.O., Neugarten B.L. Age and the life course // Handbook of aging and the social sciences / ed. by R. Binstock, E. Shanas. – N.Y.: Van Nostrand Reinhold, 1985. – P. 35–61.

² Heidegger M. Being and time. – N.Y.: Harper, 2008.

отношениях, шесть ходили на свидания и искали партнера. За исключением одного, респонденты ранее были женаты; у всех были дети от предыдущих отношений. Поиск потенциальных респондентов осуществлялся с помощью объявлений в СМИ и через организации пенсионеров. Авторы стремились сформировать максимально репрезентативную выборку с точки зрения возраста, пола, формы отношений; при этом хотя они и искали респондентов в небольших городах и поселках, а также среди гомосексуальных пар, итоговую выборку сформировали гетеросексуалы, горожане, представители среднего класса. Интервью проводились поочередно Т. Бильдтгардом и П. Эбергом, транскрибировались и анализировались. Гайд освещал четыре основные темы: повседневная жизнь, история нынешних отношений, история прошлых отношений, будущие перспективы. Осуществлялись сравнение индивидуальных случаев, их концептуальное развитие и теоретическое кодирование. Наряду с дедуктивным анализом, в процессе работы с данными и использования программного обеспечения Dedoose были созданы и новые индуктивные коды. Итогом стало выявление двух основных тем – «свободное время» и «оставшееся время», а также ряда подтем, о чем пойдет речь ниже.

В 1989 г. П. Ласлетт обозначил период в жизни человека между окончанием трудовой деятельности и традиционной немощной старостью как «третий возраст», который стал возможен благодаря успехам главным образом развитых стран в здравоохранении и социальной сфере и, соответственно, существенному повышению средней продолжительности и качества жизни¹. Люди «третьего возраста» больше не связаны обязательствами по отношению к несовершеннолетним детям, и семейные взаимоотношения становятся скорее выбором, нежели долгом. Больше не мешает отношениям и работа. По словам одного из респондентов (мужчина, 84 года, в новом браке), они с женой все время вместе, чего не было в его прошлых отношениях. Более того, проводя вместе значительно больше времени, партнеры ощущают, что отношения выходят на новый уровень, становятся глубже и приносят больше удовольствия; многие респонденты описывают нынешние отношения как главные и лучшие в их жизни. Кроме того, отношения спасают от одиночества; даже тот, кто раньше не нуждался в спутнике жизни, с возрастом начинает испытывать такую потребность.

¹ Laslett P. A fresh map of life: The emergence of the third age. – L.: Weidenfeld & Nicolson, 1989.

Вдовы и вдовцы уже доживали жизнь в ожидании смерти, но у них появился любимый человек, и они вновь обрели будущее. В прежних отношениях мог образоваться дисбаланс вследствие разного времени выхода на пенсию партнеров. Одна из респонденток (76 лет, в гражданском партнерстве) вскоре после выхода на пенсию рассталась с мужем, на 13 лет ее моложе: пока они оба работали, противоречий не возникало, но на пенсии она захотела проводить с ним больше времени, а он по-прежнему уделял все внимание работе; в итоге она нашла нового партнера, также пенсионера. В связи с этим в Швеции возможностью раньше выйти на пенсию пользуются, прежде всего, именно те, чей партнер уже пенсионер.

Второй аспект касается ограниченного времени жизни пожилых людей. Многие респонденты страдают от того или иного либо нескольких хронических заболеваний; некоторые уже перенесли инфаркт или инсульт. И даже те, кто обладает относительно хорошим здоровьем, столкнулись с болезнью и смертью в своем ближайшем окружении. Часть респондентов потеряли предыдущего супруга. Все это постоянно напоминает пожилым людям о собственной смертности. В результате нынешние отношения описываются как хрупкие и ценные, и респонденты, будучи благодарны за каждый день с любимым человеком, стараются быть настолько внимательными и понимающими, насколько возможно. В то время как в молодости можно было надеяться на следующие отношения, если предыдущие не сложились, в пожилом возрасте появляется ощущение, что эти отношения последние. Некоторые желают умереть первыми или одновременно с партнером. Конечность жизни также рождает ощущение безотлагательности важных дел. Совместные планы необходимо претворять в жизнь, пока не окажется слишком поздно. По словам одного из респондентов, мужчины 88 лет, на данный момент состоящем в гражданском партнерстве, они с невестой решили съехаться и обручиться практически сразу после знакомства, поскольку «в пожилом возрасте осторожность не приносит никаких плодов» (с. 1519). При этом, также вследствие ограниченности времени жизни, один из респондентов (мужчина, 68 лет, LAT) видит в неизлечимой болезни партнера (в частности, если такое произойдет с его подругой) повод для разрыва отношений, поскольку остаток жизни нужно провести в удовольствии, а не в страдании. Правда, оговариваются авторы, это единственный подобный пример: остальные респонденты, состоящие в отношениях, в случае необходимости готовы ухаживать за своим

партнером. Однако для тех, кто в постоянных отношениях пока не состоит и только ищет спутника жизни, состояние здоровья кандидатов имеет значение. 70-летний респондент (LAT) рассказывает, что не стал встречаться с женщиной, у которой оказалось хроническое заболевание. Женщины не хотят становиться сиделками (особенно если им это уже пришлось пережить раньше). 73-летняя респондентка, пока одинокая, в свое время ухаживала за умирающим мужем, однако тогда, по ее собственным словам, она была моложе и здоровее; сейчас же это будет для нее слишком тяжело. Наконец, появляется ощущение, что уже просто «слишком поздно» для чего бы то ни было. В частности, для вступления в отношения с новым человеком. Как оказалось, немало респондентов сейчас состоят в отношениях с людьми, с которыми встречались в молодости, но тогда не создали семью. По мнению 78-летнего респондента (LAT), для того чтобы по-настоящему узнать нового человека, может потребоваться пять–десять лет, а таким запасом времени люди в его возрасте уже не обладают, поэтому он вновь сошелся с женщиной, с которой встречался 50 лет назад. Еще одна респондентка (73 года, пока в постоянных отношениях не состоит) отговорила женатого мужчину, с которым начала встречаться, от того, чтобы сообщить жене об этих отношениях: на развод, со всеми его формальностями и другими сопутствующими обстоятельствами, времени уже нет.

Как продемонстрировало настоящее исследование, подводят итог Бильдтгард и Эберг, пожилые люди оценивают потенциал новых отношений исходя из перспективы надвигающегося конца жизни. Повышение средней продолжительности жизни при радикально не меняющемся пенсионном возрасте способствовало появлению у пожилых людей свободного времени; тем не менее само время их жизни крайне ограничено. Авторы полагают, что полученные ими результаты могут быть использованы для исследования не только новых, но и единственных супружеских отношений, а также других решений, принимаемых пожилыми людьми в повседневной жизни.

Я.В. Евсеева

Тимонен В., Дойл М.

**ОДИНОЧЕСТВО В ТЕЧЕНИЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ:
ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО¹.
(Реферат)**

Реф. ст.: *Timonen V., Doyle M. Life-long singlehood: Intersections of the past and the present // Ageing a. society. – Cambridge, 2014. – Feb. – P. 1–22.*

Ключевые слова: безбрачие; жизненный цикл; нарративный анализ; Ирландия.

В своей статье Вирпи Тимонен и Марта Дойл (Школа социальной работы и социальной политики, Тринити-колледж, Дублин, Ирландия) исследуют такое явление, как одиночество (иными словами, безбрачие) в течение всей жизни, и то, какие формы оно принимает в пожилом возрасте. В течение жизни 26 респондентов, принявших участие в исследовании, демографическая модель общества менялась от высокого уровня безбрачия, поздних браков и высокой фертильности в сторону высокой брачности и низкой фертильности. Авторы обнаруживают, что те, для кого одиночество было сознательным выбором, остаются независимыми и самодостаточными и в поздние годы. Те же, кто желал вступить в брак, но по той или иной причине не смог этого сделать, испытывают сожаление и страдают от одиночества.

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 2. – С. 36–41.

Брак, заявляют авторы, обладает более привилегированным статусом по сравнению с одиночеством. Б. де Пауло и В. Моррис образовали термин «синглизм» для обозначения стигматизации и стереотипизации холостых¹. С их точки зрения, подобные тенденции можно наблюдать в том числе и в социальных науках. Так, Дж. Габриум видел в «одиночках» «определенный тип социальной личности»². Наибольшей стигматизации подвергаются неженатые пожилые мужчины: их образ жизни ассоциируется с наиболее высоким риском социальной изоляции и психологических проблем³. Вместе с тем другие авторы подчеркивают, что одиночество несет с собой финансовую, эмоциональную и духовную независимость, возможности для личностного развития и т.п.⁴ Причинами безбрачия могут быть политические или экономические условия, желание сосредоточиться на карьере, личные или семейные обстоятельства⁵.

В своем исследовании, отмечают В. Тимонен и М. Дойл, они стремились учесть разнообразный опыт одиноких пожилых людей обоего пола. В данном случае значим также социокультурный контекст. Респонденты были детьми в 1930–1950-е годы, в то время как бесплатное среднее образование было введено в Ирландии только в 1967 г., тем самым оно было для них недоступно. В их молодые и зрелые годы влияние церкви (как католической, так и консервативной протестантской церкви Ирландии) было всеобъ-

¹ *De Paulo B., Morris W.* Singles in society and science // *Psychological inquiry*. – Abingdon, 2005. – Vol. 16, N 2–3. – P. 57–83.

² *Gubrium J.F.* Being single in old age // *International j. of aging a. human development*. – Thousand Oaks (CA), 1975. – Vol. 6, N 1. – P. 29–41.

³ *Choi N.G.* The never-married and divorced elderly: Comparison of economic and health status, social support and living arrangement // *J. of gerontological social work*. – Abingdon, 1996. – Vol. 26, N 1–2. – P. 3–25; *Scheper-Hughes N.* Saints, scholars and schizophrenics: Mental illness in rural Ireland. – Berkeley: Univ. of California press, 2001.

⁴ *Stein P.J.* Single life: Unmarried adults in social context. – N.Y.: St. Martin's press, 1981; *Reynolds J., Wetherell M.* The discursive climate of singleness: The consequences from women's negotiation of a single identity // *Feminism a. psychology*. – L., 2003. – Vol. 13, N 4. – P. 489–510; *Byrne A.* Women unbound: Single women in Ireland // *Women alone* / ed. by V. Yans-McLoughlin, B. Rudy. – New Brunswick (NJ): Rutgers univ. press, 2008. – P. 29–73.

⁵ *O'Brien M.* Never-married older women: The life experience // *Social indicators research*. – B.; N.Y., 1991. – Vol. 24, N 3. – P. 301–315; *Baumbusch J.L.* Unclaimed treasures: Older women's reflections on lifelong singlehood // *J. of women a. aging*. – Abingdon, 2004. – Vol. 16, N 1–2. – P. 105–121.

емлющим. Они жили в патриархальном обществе, в котором были запрещены разводы и контрацепция, а внебрачные отношения были неприемлемы. Также были ограничены возможности трудоустройства: порядка половины мужчин вплоть до 1970-х годов были заняты в сельском хозяйстве, с 1932 по 1973 г. замужние женщины не имели права работать в государственном секторе. До 1950-х годов немало ирландцев оставались холостыми, однако с 1958 по 1970 г. число вступающих в брак увеличилось на 40%¹. На данный момент в Ирландии около 15% людей старше 65 лет никогда не состояли в браке.

Поскольку, как указывают авторы, их задача состояла в том, чтобы исследовать смыслы, вкладываемые в безбрачие самими респондентами, был выбран качественный нарративный подход. Поиск потенциальных респондентов осуществлялся в Дублине и окрестностях (как городских, так и сельских районах) через некоммерческие организации, работающие с пожилыми людьми. Кандидаты должны были никогда не состоять в браке, никогда не проживать с партнером, однако могли состоять в отношениях без совместного проживания, поскольку, с точки зрения авторов, быть «одиночкой» не значит не иметь вообще никаких романтических отношений. Кроме того, среди респондентов могли оказаться гомосексуалисты, лесбиянки, бисексуалы или трансгендеры, а для этих людей проживание с партнером вплоть до самого последнего времени в Ирландии было табу. Глубинные полуструктурированные интервью были проведены с 26 респондентами в марте – июле 2012 г. (у них дома, в кафе, других выбранных ими местах). Некоторые участники были очень взволнованы происходящим, но по итогам интервью отметили, что рассказ о своей жизни стал для них очищающим и позитивным опытом.

Интервью были транскрибированы с сохранением оригинального синтаксиса, пауз и интонации. Нарративный анализ, указывают авторы, исследует взаимоотношения между историями, событиями и структурами в рамках каждого нарратива. В связи с этим был проведен структурный анализ транскриптов (в рамках которого изучались синтаксис, конструкция нарратива и значение социального контекста), а также семантический анализ (сфокусированный на уникальном опыте респондентов). Исследователи, в частности, обнаружили, что более упорядоченный нарратив был

¹ *Brown T. Ireland: A social and cultural history, 1922–2002. – L.: Harper Perennial, 2004.*

характерен для более целеустремленных респондентов, а использование местоимения «я» в противовес «мы» оказалось сопряжено с более выраженным нонконформизмом в поведении.

В исследовании приняли участие 12 мужчин и 14 женщин в возрасте от 65 до 86 лет. Участники обладали средним либо низким социально-экономическим статусом (определяемым на основе образовательного уровня и самой высокой из занимаемых должностей). Респонденты с низким социально-экономическим статусом происходили из бедных и очень бедных семей, не получили среднего образования и занимались низкооплачиваемой физической работой (домработницы, фабричные рабочие, фермеры, водители и т.п.). Большинство женщин из семей среднего класса окончили школу либо проучились достаточно долго, чтобы затем записаться на курсы секретарей / бухгалтеров, как, по выражению одной из респонденток, «поступали разумные девушки в ожидании мужа» (с. 9). Лишь двое участников повысили свой статус по сравнению с родительской семьей. Наряду с невысоким уровнем социальной мобильности была отмечена и низкая географическая мобильность: практически все участники всю жизнь прожили в одном районе. На момент исследования 10 человек жили в поселках и небольших городах с населением менее 5 тыс. человек, остальные – в Дублине и средних городах вроде Дан-Лири.

Анализ нарративов свидетельствует о том, что для 12 участников безбрачие было их собственным выбором, для остальных 14 – следствием внешних обстоятельств (при этом авторы оговариваются, что такими эти конструкты предстали в речи респондентов на момент интервью, – они могли меняться на протяжении их жизни). Мужчин и женщин в обеих группах приблизительно равное количество. При этом среди «выбравших одиночество» преобладают представители среднего класса – офисные работники, администраторы, владельцы магазинов и пр. (а именно пять женщин и четверо мужчин); среди представителей низшего класса таковых меньшинство (одна женщина и двое мужчин).

Далее авторы подробно характеризуют каждую группу и прослеживают, как безбрачие влияет на жизнь респондентов в пожилом возрасте. По их словам, женщины из среднего класса связывают свое одиночество с отсутствием интереса и склонности к браку (вследствие независимого характера и заинтересованности в других сферах – таких, как работа и путешествия). Одна из респонденток указала на антипатию по отношению к детям. Материальное положение семей, из которых происходили эти женщины,

позволяло им при необходимости нанять сиделку, так что уход за нуждающимся в этом родственником не явился причиной их безбрачия; одна из респонденток стала ухаживать за родителями уже в силу своего «одинокого» статуса. Единственная представительница низшего класса, которая предпочла не выходить замуж, объяснила свой выбор тем, что она не любила в достаточной мере ни одного из своих многочисленных поклонников. Мужчины из обоих классов видели в браке ограничение свободы, с которым они не были готовы мириться.

Как рассказывают женщины из рабочего класса, не вышедшие замуж в силу обстоятельств, их семьи ожидали, что они безропотно примут на себя обязанность по уходу за родственниками; в итоге такой образ жизни значительно ограничил их возможности на рынке труда и в поиске потенциального партнера. Кроме того, и сам характер работы женщин из низшего слоя (в качестве обслуживающего персонала), с их собственной точки зрения, делал их малопривлекательными для противоположного пола. Один из мужчин отнес тот факт, что он так и не женился, на счет излишнего контроля со стороны матери; его нарратив отсылает к культуре повиновения и морального долга по отношению к родителям, характерной для Ирландии его молодости. Единственный мужчина из среднего класса, оставшийся холостым вопреки своему желанию, также связал свое безбрачие с необходимостью выполнять семейные обязанности: в течение 40 лет он заботился о тяжело больных сестрах. Все женщины из среднего класса, которым не удалось выйти замуж, как они полагают, потерпели неудачу в романтических отношениях: им «слишком часто разбивали сердце», они «так и не встретили того самого, единственного», они «нравилась тем, кто не нравился им, и наоборот».

В пожилом возрасте тенденция сохраняется. Женщины, которые предпочли не выходить замуж, не жалеют о своем решении. Мужчины также рады, что смогли посвящать время и работе, и хобби, чего, по их мнению, в браке было бы достичь сложнее. При этом для мужчин безбрачие и в пожилом возрасте не означает отсутствия партнера. Трое из шести респондентов, решивших не жениться, на момент интервью состояли в романтических отношениях без совместного проживания (двое – в гетеросексуальных, один – в гомосексуальных). Единственное, о чем жалеют мужчины, по собственной воле оставшиеся холостыми, – это ухудшающееся здоровье и, соответственно, то, что рядом может не оказаться близкого человека, который бы о них позаботился, когда им это понадобится.

Один респондент также слегка сожалеет о том, что не стал отцом, однако чувство юмора помогает ему относиться с иронией к самому себе и своей жизненной ситуации. Женщины стремятся сохранить независимость и заполняют время общением с друзьями, садоводством и другими любимыми занятиями.

Не женившиеся и не вышедшие замуж вопреки собственному желанию высказывают значительно большие сожаления. В первую очередь – об отсутствии детей (прежде всего, дочерей), которые бы сейчас о них позаботились. Они ощущают невосполнимую пустоту в своей жизни и чувствуют себя крайне одинокими. Трое мужчин хотели бы встретить свою вторую половину, причем они надеются, что сейчас это окажется проще, чем в пору их молодости.

Как отмечают в заключение В. Тимонен и М. Дойл, с наибольшими препятствиями для вступления в брак приходилось сталкиваться представителям рабочего класса. В отношении среднего класса очевидны гендерные различия: в отличие от мужчин, женщинам для реализации карьерных устремлений часто было необходимо отказаться от создания семьи. В настоящее время в пожилом возрасте «одиночки» по убеждению довольны жизнью, а те, для кого безбрачие не было их собственным выбором, испытывают разочарование и мечтают когда-нибудь все-таки обрести личное счастье.

Я.В. Евсеева

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТАРЕНИЯ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Иленне В.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТАРЕНИЯ В СМИ¹. (Реферат)

Реф. ст.: Ylänne V. Representations of ageing in the media // Routledge handbook of cultural gerontology / ed. by J. Twigg, W. Martin. – L.: Routledge, 2015. – P. 1–15. – Mode of access: <http://orca.cf.ac.uk/72132/1/YLANNEfinalMarch2014.pdf> (Accessed: 17.11.2019.)

Ключевые слова: старение; СМИ: телевидение; печатные СМИ; реклама; социальные представления о старении; стереотипы старости; активное старение; успешное старение; образ жизни; юмор.

В своей работе старший преподаватель Кардиффского университета (Великобритания) Вирпи Иленне, опираясь на концепцию успешного старения, анализирует дискурсы старения и представления о пожилых людях, популярные в современных печатных и телевизионных рекламных СМИ.

Автор отмечает, что не соответствующие действительности и неточные представления о старении, которые укоренились в массовом сознании и получили распространение в СМИ, негативно отражаются на самооценке пожилых людей². Несмотря на то

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2020. – № 1. – С. 23–26.

² Harwood J. Viewing age: Lifespan identity and television viewing choices // J. of broadcasting a. electronic media. – Wash., 1997. – Vol. 41, N 2. – P. 203–213.

что современные СМИ изображают пожилых достаточно позитивно, до формирования более или менее объективного образа старости им еще далеко.

В данной работе представлены результаты качественных исследований, выполненных с применением метода контент-анализа с целью изучения фигурирующих в рекламе в СМИ (в газетах, журналах и на ТВ) дискурсов старения и их связи с вопросами старения. В ходе исследования анализировались различия между рекламой, ориентированной на пожилых людей, и рекламой, целевой аудиторией которой являются другие группы потребителей (с. 2).

В качестве основных единиц анализа рассматривались следующие категории: степень присутствия лиц пожилого возраста в рекламе, социальный статус или известность участников рекламных сюжетов, позитивный или негативный транслируемый посыл, рекламируемые пожилыми людьми продукты и услуги.

Анализ степени присутствия пожилых людей в СМИ фиксирует их редкое появление в печатной или телевизионной рекламе (с. 3). Илленне ссылается на исследования, проведенные в странах Северной Америки и Европы, согласно которым пожилые люди представлены в СМИ явно недостаточно, если учитывать их реальную долю в общей численности населения этих стран¹. Похожая картина наблюдается и в азиатских государствах. Все это говорит о наличии определенной дискриминации по возрасту в современных СМИ.

Что касается социальных ролей пожилых персонажей в рекламных сообщениях или видеороликах, они не просто представляют собой «людей», а прежде всего призваны олицетворять определенные качества рекламируемого продукта или компании, например надежность или долгую историю².

Также автор изучала, в каком контексте – позитивном или негативном – были изображены персонажи – участники рекламных сюжетов. В прошлом, как отмечает автор, негативные образы преобладали, но сейчас прослеживается явная тенденция к улучшению ситуации (с. 4). Впрочем, это объясняется тем, что реклама по природе своей ориентирована на позитивное восприятие про-

¹ *Simcock P., Sudbury L.* The invisible majority? Older models in UK television advertising // *International j. of advertising.* – Eastbourne, 2006. – Vol. 25, N 1. – P. 87–106.

² *Swayne L.E., Greco A.J.* The portrayal of older Americans in television commercials // *International j. of advertising.* – Eastbourne, 1987. – Vol. 16, N 1. – P. 47–54.

дукта потенциальным покупателем, и отрицательный персонаж не в состоянии привлечь внимание к предлагаемой продукции.

Пожилые люди, как правило, появляются в рекламе определенных типов продуктов, отражая стереотипные социальные ожидания в отношении интересов и поведения пожилых людей как социальной группы (с. 4). Было обнаружено, что пожилые персонажи, как правило, задействованы в рекламе продуктов питания, лекарственных препаратов, финансовых и страховых услуг. Примечательно, что это характерно как для западного, так и для восточного рынков рекламы товаров и услуг¹. Илленне отмечает, что старение и проблемы со здоровьем – частые темы в рекламе для пожилых людей. Реклама часто основывается на связи между возрастом и проблемами со здоровьем, и этим отчасти объясняется, почему пожилые люди появляются именно в такого рода рекламных сообщениях или роликах. В этом отношении дискурсы перекликаются с тем, что встречается в эйджистской рекламе, которая, помимо идеализации молодости и формирования представлений о старости как болезни, также обещает контроль «над возрастом» и даже «излечение» от старения и связанных с ним физических и внешних изменений. Автор подчеркивает, что работа с телом занимает центральное место в представлениях и дискурсах старения.

Также автор предприняла попытку выяснить, какие массовые стереотипы о старости и пожилых людях наиболее часто используются в рекламной информации. Среди наиболее распространенных стереотипов она выделяет следующие: «золотой век» (в центре внимания – роскошная и богатая жизнь, которую может позволить себе пожилой человек); «прекрасный дедушка» или «прекрасная бабушка» (счастливые пенсионеры в окружении детей и внуков); «наследие» (сюжеты об авторитетных и обладающих высоким статусом пожилых людях, мудрых и опытных наставниках и т.п.); «справляющийся с трудностями» (человек с ограниченными возможностями здоровья, которому помогает справиться с проблемами рекламный товар или услуга); юмористические сюжеты и реклама с участием известных людей (с. 5).

В Великобритании такие журналы, как *Yours*, *Choice* и *Saga Magazine* (для читателей «за 50»), в течение некоторого времени декларировали в качестве своей миссии противодействие негативным стереотипам старости (с. 7). Их контент был ориентиро-

¹ Prieler M. Social groups in South Korean television advertising: Foreigners and older people // *Keio communication rev.* – Tokyo, 2012. – N 34. – P. 57–78.

ван на формирование позитивного имиджа и более здорового и активного образа жизни пожилых людей. Однако, как отмечает автор, ссылаясь на М. Фезерстоуна и М. Хепворта¹, подобный потребительский образ жизни недоступен для многих пожилых людей из-за имеющихся у них финансовых проблем. Примечательно, что первичная целевая аудитория подобных СМИ – это люди «третьего возраста», т.е., по словам автора статьи, даже издания, ориентированные на пожилых, не всегда объективно отражают жизнь и возможности своих потенциальных читателей.

Кроме этого, автор обращается к популярной и актуальной теме успешного старения (с. 8). Синонимом успешного старения нередко считается активное старение, которое положительно представлено как желательный идеал старения, особенно в СМИ и рекламе, ориентированных на людей старше 50 лет. Впрочем, по мнению исследовательницы, это может быть истолковано как в негативном (отрицание возраста, неприятие своего стареющего тела), так и в позитивном ключе (старение «по-новому» предполагает не столько ориентацию на «вечную» молодость, сколько желание пожилых людей сохранить свою независимость и личностную целостность).

Иленне, считая, что определенный вклад в регулирование социальных норм относительно межличностных взаимодействий вносит юмор, обращает свое внимание на юмористическую рекламу в СМИ. Ссылаясь на Э. Уильямс, которая исследовала более 300 рекламных роликов на британском телевидении, автор делает вывод, что юмор со стороны пожилых персонажей может восприниматься не всегда с позитивной точки зрения. Иногда юмористические сюжеты подобного плана отталкивают молодежь, формируя эйджистские стереотипы о раздражительности, конфликтности пожилых людей, сложностях в общении с ними из-за их ухудшающихся когнитивных способностей².

В заключение Иленне констатирует, что пожилые люди все еще недостаточно представлены в современных СМИ, особенно рекламных. Она отмечает, что, несмотря на то что в СМИ предста-

¹ Featherstone M., Hepworth M. Images of positive ageing: A case study of Retirement Choice magazine // Images of ageing: Cultural representations of later life / ed. by M. Featherstone, A. Wernick. – L.: Routledge, 1995. – P. 29–47.

² Williams A. «You're having a laugh!»: Stereotypes and humour in portrayals of older people in British television advertisements. – Cardiff: Cardiff univ. – (Unpublished manuscript).

вители старшего поколения часто символизируют долголетие, опыт и традиционные семейные ценности и в целом их образы имеют положительную коннотацию, временами персонажи пожилого возраста изображаются карикатурно, нереалистично и служат инструментом для представления старости как негативного явления в глазах молодежи. Таким образом, резюмирует В. Иленне, на сегодняшний день репрезентации пожилых людей в медиа носят весьма специфический, амбивалентный характер.

А.М. Торотоева

Ядова М.А.

**РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ
О СТАРОСТИ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЯХ:
ДИАПАЗОН МНЕНИЙ И ОЦЕНОК.
(Обзор)¹**

Yadova M.A.

**RUSSIAN YOUTH ON OLD AGE AND OLDER PEOPLE:
SPECTRE OF OPINIONS AND ASSESSMENTS.
(Review)**

Аннотация. В обзоре анализируются представления российской молодежи о старости и пожилых людях. Показано, что у молодежи сложился достаточно негативный образ старости: преклонный возраст у представителей новых поколений обычно ассоциируется с плохим здоровьем, бедностью и социальной изоляцией.

Ключевые слова: российская молодежь; старение; старость; пожилые люди; стереотипы старости.

Abstract. The review analyses ideas of Russian youth on old age and older people. It is shown that young people have developed a rather negative image of old age: among representatives of the new generations, old age is usually associated with poor health, poverty and social exclusion.

Keywords: Russian youth; ageing; old age; older people; stereotypes of old age.

¹ Впервые обзор был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2020. – № 1. – С. 34–40.

Обыденные представления о старости – динамично меняющийся феномен, обусловленный временем, историческими и социально-культурными реалиями того или иного общества. Для современного все более усложняющегося мира характерен так называемый префигуративный (по классификации М. Мид) тип культуры, когда старшее поколение не столько передает накопленный опыт молодым, сколько само учится у последних. Это становится причиной усиления межпоколенческих конфликтов и нарастания эйджистских установок в социуме. На Западе систематическое изучение межпоколенческих отношений началось в 1960-х годах. Несмотря на то что степень проработанности социогеронтологической проблематики российскими исследователями во многом уступает зарубежным, на сегодняшний день в отечественной социальной науке накопился значительный корпус работ, посвященных вопросам старения и массовым стереотипам старости. В настоящем обзоре на примере некоторых работ отечественных авторов первой четверти XXI в. анализируются отличительные особенности образа старости в представлениях постсоветской молодежи.

По словам кандидата экономических наук, независимого исследователя, старшего экономиста ЗАО «Трансволокну» А.В. Писарева, в научной литературе можно выделить три подхода, определяющих направления социогеронтологических исследований [Писарев, 2004]. Наиболее распространенной является точка зрения о том, что пожилые – это обездоленные люди, нуждающиеся в адекватном социальном обеспечении. Согласно другому мнению, пожилые люди как социально-возрастная группа обладают значительным человеческим потенциалом, который должен быть вовлечен в социально активную жизнь. Третья позиция, по словам Писарева, существуя в общественном сознании имплицитно, отчетливо прослеживается при обсуждении вопросов, связанных с государственной социальной политикой. Приверженцы этого подхода считают пожилых «отработанным материалом» и балластом общества, тормозящим реформы.

Задача проведенного в 2001 г. А.В. Писаревым исследования заключалась в том, чтобы выяснить мнения населения о положении и роли пожилых людей в обществе, оценить адекватность современной социальной политики РФ в отношении этой категории граждан. Было опрошено 1755 человек старше 18 лет во всех регионах России; состав респондентов по полу, возрасту и месту жительства соответствовал структуре взрослого населения страны.

Результаты проведенного исследования показывают, что взгляд на пожилых как на экономический и социальный балласт неприемлем для большинства опрошенных (2/3). Согласились с подобной точкой зрения лишь 6% респондентов; около 20% затруднились с ответом. Видят в пожилых обездоленных людей 78% респондентов, более 60% опрошенных отмечают значительный человеческий потенциал представителей старшего поколения. По словам Писарева, при ответе на предложенные вопросы существенным дифференцирующим признаком является возраст респондентов. Так, среди молодежи (до 30 лет) менее половины опрошенных рассматривают пожилых как значительный человеческий потенциал; доля людей предпенсионного возраста и молодых пенсионеров (51–60 лет), согласных с этой точкой зрения, составила 75%. Характерно, что среди пенсионеров более старшего возраста распространенность этого мнения немного снижается. При этом во всех возрастных группах большинство опрошенных (от 73% молодежи до 83% лиц старше 60 лет) также согласны с мнением, что пожилые – обездоленная категория населения, нуждающаяся в социальной защите.

Смотрят на пенсионеров как на экономический и социальный балласт около 10% предпринимателей и молодых людей в возрасте до 21 года. И если суждение последних можно расценивать как проявление инфантильности, то со стороны бизнесменов подобные оценки очевидно безнравственны и даже опасны [Писарев, 2004, с. 52–53].

Доцент кафедры социологии Саратовского государственного технического университета А.А. Смолькин, ссылаясь на данные опроса, проведенного им в 2003 г. (N = 453), отмечает, что негативные стереотипы старости в нашем социуме достаточно редки и характерны для 3–13% опрошенных во всех возрастных группах. Негативные аттитуды по отношению к старости носят латентный характер и проявляются не в агрессивной форме, а скорее в практиках социального игнорирования. При этом положительные качества пожилых достаточно часто упоминаются респондентами; большинство участников опроса высоко оценили жизненный опыт, практическую мудрость и толерантность пожилых людей [Смолькин, 2005].

В другом социологическом исследовании А.А. Смолькина (2007), сбор и анализ материала для которого осуществлялись с помощью серии неструктурированных неформализованных интервью (N = 11), была предпринята попытка выяснить отношение со-

временной молодежи к старости и пожилым людям. Длительность интервью составила в среднем 17 мин. В качестве информантов выступили шесть юношей и пять девушек (19–21 год), студенты 3–4 курсов различных факультетов СГТУ [Смолькин, 2008].

Анализ результатов интервью показал, что идеал отношения к пожилым людям предполагает в первую очередь уважение. Не только явно негативные действия в отношении лиц третьего возраста, но и отсутствие действий уважительных маркируется респондентами как нечто плохое. Нередко на практике «плохое» и «нейтральное» отношение оказываются тождественны (например, «безразличное» отношение часто истолковывается как «негативное»).

Автор отмечает, что отношение к пожилым людям в современной России обусловлено ухудшением взаимоотношений между людьми вообще, т.е. нередко отсутствие уважительных действий может быть объяснено не столько плохим отношением к пожилым, сколько латентным влиянием аномии, характерной для российского общества.

Зачастую декларируемое уважительное отношение к пожилым со стороны молодежи не переходит в действия. По словам многих информантов, некоторые практики поведения пожилых людей, обусловленные их тяжелым материальным и социальным положением (стремление к повсеместной экономии, недоверие к молодежи или отказ от помощи), не способствуют проявлению доброго отношения к ним. Далеко не все пожилые люди воспринимаются молодежью как потенциальные объекты уважения, фактор возраста сам по себе «не включает» соответствующих моделей поведения; это приводит к замедленным «положительным» реакциям либо нейтральному отношению, подчеркивает Смолькин [Смолькин, 2008, с. 120–121].

В работе доцента кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета (г. Барнаул) С.Г. Максимовой предлагается осмыслить семантическое пространство, отражающее обыденные представления о старости разных возрастных групп россиян [Максимова, 2002]. Было обнаружено, что молодежь в возрасте 25–35 лет крайне негативно оценивает как молодое, так и пожилое поколения. В то же время при оценке близкого им пожилого человека (например, бабушки или дедушки) информанты, как правило, используют позитивно окрашенные речевые конструкторы. Примечательно, что респонденты старшей возрастной группы (50–55 лет) «платят» своим молодым

современникам тем же. Описывая нынешнее молодое поколение в целом в отрицательных коннотациях, представители старшей возрастной когорты, характеризуя близких для них молодых людей, выделяют преимущественно их хорошие качества.

Согласно исследованию Г.Р. Хузеевой (Психологический институт РАО, Москва), участниками которого стали 80 студентов МПГУ (2016), у большинства информантов преобладает положительный образ собственной старости [Хузеева, 2017]. С их точки зрения, благополучная старость в большей степени детерминирована ближайшим окружением человека. Основными факторами положительного старения молодежь называет: наличие семьи, материальный достаток, близость к природе, возможность путешествовать и чувствовать себя нужным.

Интересно, что российская молодежь практически не связывает успешное старение отдельного человека с ролью государства и общества в его жизни. Также Хузеева отмечает идеализацию образа старости в представлениях постсоветской молодежи: большинство респондентов игнорируют объективные трудности старения в нашей стране. Взгляды молодежи о пожилом возрасте имеют крайне противоречивый и амбивалентный характер. С одной стороны, пожилой возраст рассматривается юношами и девушками сквозь призму положительных характеристик, свойственных старшему поколению: мудрость, доброта, заботливость, терпение, трудолюбие и пр. С другой – отрицательные стороны старения, на взгляд участников исследования, определяют такие категории, как замедленный ритм жизни, плохое здоровье и сложный характер. Также, по словам исследовательницы, пожилые люди как социальная группа имеют низкий статус в структуре межгрупповых отношений юношества. Межпоколенческое взаимодействие осуществляется неравномерно в разных сферах общения. Пространством общения молодежи со старшим поколением можно считать следующие темы: история семьи (55%), здоровье (50%) и бытовые проблемы (38%); четверть респондентов (27%) обсуждают с близкими для них пожилыми людьми жизненные планы и перспективы. В то же время старшее поколение «выключено» из многих областей взаимоотношений, являющихся основными каналами передачи информации, опыта и изменений в обществе и культуре. Пожилые люди исключаются из пространства взаимоотношений по таким областям, как Интернет (66%), мода и кино (61%), искусство, образование, друзья (по 38%).

В работе А.И. Щировой (филиал ФГАОУ ВПО «ЮФУ» в г. Новошахтинске Ростовской области) представлены результаты социологического опроса, проведенного в марте 2012 г. среди молодых жителей Новошахтинска в возрасте от 15 до 29 лет (N = 163) [Щирова, 2013]. Опрос молодежи обнаружил наличие негативных стереотипов в отношении старости: почти во всех половозрастных группах респондентов присутствуют представления о преклонном возрасте как о периоде, связанном с одиночеством, плохим материальным положением и слабым здоровьем.

Четких представлений о возрастных границах старости у участников опроса не выявлено (обычно выделяются возрастные границы от 55 до 75 и более лет). По мнению молодежи, старость наступает тогда, когда человек начинает чувствовать себя старым, при выходе на пенсию и / или после рождения внуков. По словам Щировой, все ответы участников опроса относительно того, что такое старость, можно классифицировать следующим образом.

1. Отрицательное восприятие (немощность, усталость, увядание, пессимизм) – свыше 50% респондентов.
2. Нейтральное восприятие (старость как особый период жизни) – 30%.
3. Положительное восприятие (свобода, возможность заниматься интересным для себя делом, внуки) – 15–20%.

Около 2/3 опрошенных считают, что пожилые люди должны жить в старости в кругу родных и близких, 27% выступают за самостоятельное проживание, менее 2% считают правильным нахождение лиц старшего возраста в специальных социальных учреждениях. Общение с пожилыми у большинства молодых людей (85%) в целом складывается положительно, у остальных – непросто. Около 20% юношей и 30% девушек могут назвать своим другом кого-то из пожилых людей. Почти 90% молодых людей прислушиваются к советам своих пожилых близких; большинство опрошенных (свыше 70%) считают, что пожилые люди ценны для общества своим опытом и знаниями; вместе с тем около 25% респондентов отмечают недостатки характера, свойственные пожилым людям (раздражительность, капризность). В числе базовых проблем пожилых людей молодежь традиционно указывает проблемы, связанные со здоровьем и самообслуживанием, материальные трудности, одиночество, отсутствие общения, сложности с досугом. Более 60% опрошенных выразили готовность оказать пожилому человеку помощь, если таковая потребуется.

Подводя итоги, отметим, что, согласно многим социологическим и психологическим исследованиям, подавляющее большинство молодых россиян демонстрируют положительное и уважительное отношение к пожилым людям как представителям определенной социально-возрастной группы. В то же время зачастую стремление молодежи оказывать поддержку нуждающимся в помощи пожилым людям остается чисто декларативным и не реализуется практически. Наверное, не будет преувеличением сказать, что в современном российском социуме сложился достаточно негативный образ старости: преклонный возраст у представителей новых поколений обычно ассоциируется с плохим здоровьем, бедностью и социальной изоляцией. Эти стереотипы во многом отражают объективно имеющиеся в нашей стране социальные проблемы, связанные с низким качеством жизни пожилых людей.

Список литературы

- Максимова С.Г. Психосемантический анализ социальных представлений общества о старости // Известия АГУ. – Барнаул, 2002. – № 2. – С. 11–23.
- Писарев А.В. Образ пожилых в современной России // Социологические исследования. – М., 2004. – № 4. – С. 51–56.
- Смолякин А.А. Возрастные группы: Позиционирование в отношении к старости // Современный дискурс социальной эксклюзии: сб. науч. тр. / под ред. М.Э. Елютиной. – Саратов: СГТУ, 2005. – С. 68–83.
- Смолякин А.А. Парадоксы отношения к пожилым людям в современной России // Социологический журнал. – М., 2008. – № 3. – С. 106–121.
- Хузеева Г.Р. Межпоколенное взаимодействие пожилых и молодых людей: Специфика коммуникации и образа старости // Психологические исследования. – М., 2017. – Т. 10, № 51. – С. 1–19.
- Щирова А.И. Отношение молодежи к старости и пожилым людям: опыт теоретико-эмпирического анализа // Студенческий научный форум – 2013: Материалы конференции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013006976> (Дата обращения: 05.11.2019.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: dolgovalexandr@yandex.ru

Евсеева Ярослава Вячеславовна – старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: yar_evseeva@mail.ru

Торотоева Айыына Михайловна – младший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: aiyuuna95@gmail.com

Ушкова Екатерина Леонидовна – ведущий редактор отдела глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: veger@list.ru

Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: m.yadova@mail.ru

Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: e.yakimova2011@yandex.ru

**УСПЕШНОЕ СТАРЕНИЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
И СОЦИОГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЕ
КОНЦЕПЦИИ**

Сборник научных трудов

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректоры Я.А. Кузьменко, О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 31 / VIII – 2020 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 14,3 Уч.-изд. л. 12,0
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 23

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2)24-86-33